Л 44

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ ~~XXXVII~~ XXIII М
Полка 5 6 6
№ 7 10 И.6.Т.1,6.3

D-1

Л-44

Ф. ЛЕНОРМАНЪ.

РУКОВОДСТВО
КЪ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ ВОСТОКА
ДО ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ.

Переводъ И. Каманина.

II 38

ФИНИКІЯНЕ.

ТОМА I-аго ВЫПУСКЪ 3-й.

БИБЛІОТЕКА
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

ЦѢна 75 КОП.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1878.

II 38

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1878 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

ФИНИКІЯНЕ.

Главные источники:

Собранія сочиненій: Bochart, Canaan, Caen, 1846, напечатанное въ изданіяхъ полнаго собранія его сочиненій 1692, 1707, 1712 гг.—*Mignot,* Mémoires sur les Phéniciens, въ 36, 38, 40 и 42 томахъ Мемуаровъ Древней Академіи Надписей.—*Heeren,* Politique et commerce des peuples de l'antiquité, t. II.—*Gesenius,* Monumenta phoenicia, Leipzig, 1857.—*Movers,* Unter-suchungen ueber die Religion und die Gattheiten der Phoenizier, Bonn, 1841; Das phoenizische Alterthum, Berlin, 1849—56, 3 тома; Article Phoenizier dans l'Encyclopedie de Ersch et Gruber.—*Judas,* Etudes démonstrative de la langue phénicienne, Paris, 1847.—*A. Levy,* Phoenizische Studien, Breslau, 1857—64; Phoenizischen Woerterbuch, Breslau, 1864.—*Renan,* Mémoire sur l'origine et le caractère véritable de l'histoire phénicienne qui porte le nom de Sanchoniathon, Paris 1860; Mission de Phénicie en cours de publication.

Археологическіе труды по спеціальнымъ вопросамъ: Duc de Luynes, Numismatique des satrapies et de la Phénicie, Paris, 1864, 2 vol; Mémoire sur le sarcopsage et l'inscription funeraire d'Esmunazar, roi de Sidon, Paris, 1856.—*De Saulcy,* Mémoire sur une inscription phénicienne deterrée a Marsaile, Paris, 1847; Recherches sur les inscriptions phéniciennes et puniques votives, Paris, 1845; Voyage autour de la mer Morte et dans les terres bibliques, tome I.—*Munk,* Mémoire sur l'inscription phénicienne de Marsaille, Paris, 1847; Essai sur l'inscription phénicienne de sarcophage d'Eschmounezer, Paris, 1856.—*Hitzig,* Die Grabschrift des Eschmounazar, Leipzig, 1845.—*Barges,* L'inscription de Marsaille, nouvelle interpretation, Paris, 1856; Mémoire sur le sarcophage et l'inscription funéraire d'Esmunazar, Paris, 1856.—*Ewald,* Erklaerung der grossen Phoenizichen Inschrift—von

Sidon, Goettinguen, 1856.—*De Vogué*, Souvenirs d'une excursion en Phénicie, Paris, 1855; Mémoire sur une nouvelle inscription phénicienne, Paris, 1860; Inscriptions phéniciennes, de l'île de Chypre, Paris, 1868. —*Judas*, Nouvelle analyse de l'inscription de Marseille, Paris, 1857.— *Renan*, Inscriptions phéniciennes d'Oumm-el-Awamid, Paris, 1862.—*Fr. Lenormant*, Introduction à une mémoire sur la propagation de i'alphabet phénicien dans l'ancien monde, Paris, 1867; La légende de Cadmus et les établissements phéniciens en Grèce, Paris, 1867.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первобытныя эпохи финикійской исторіи.

§ 1.—Происхожденіе и переселеніе Хананеянъ.

I.—Финикіяне, какъ мы уже это читали въ X-й гл. кн. Бытія, какъ сами они заявляли и какъ говорили потомки ихъ еще св. Августину, принадлежали къ племени Ханаана, которое библейское преданіе присоединяетъ къ потомству Хама. Но они не составляли всего этого племени; они были только его вѣтвью, которая, впрочемъ, отдѣльно отъ другихъ, весьма рано начала свое существованіе и которая была самой знаменитой и, въ тоже время, вѣтвью, удерживающейся дольше всѣхъ.

О Финикіянахъ-то собственно мы и намѣрены говорить въ этой книгѣ, потому что они одни изъ своей расы занимаютъ важное мѣсто въ исторіи; но необходимо сначала, и какъ введеніе, сказать нѣсколько словъ о Хананеянахъ вообще, объ ихъ происхожденіи и объ ихъ переселеніяхъ до того момента, когда Сидоняне, или Финикіяне, изолируются отъ другихъ народовъ, происшедшихъ отъ одной съ ними крови, и совершенно начинаютъ жить собственною жизнью.

II.—Преданіе Финикіянъ, записанное въ самомъ Тирѣ Геродотомъ [1]), столь рачительнымъ и столь критически относящимся къ выбору своихъ источниковъ знанія, преданіе, равно принимаемое разсудительнымъ Трогомъ Помпеемъ [2]), преданіе жителей южной Аравіи, вѣстникомъ которыхъ явился Страбонъ [3]), наконецъ, преданіе, которое

---

[1]) I, VII, 89.

[2]) Iustin, XVIII, 3, 2.

[3]) XVI, стр. 766.

имѣло значеніе въ Вавилоніи еще въ первые вѣка христіанской эры, тогда какъ сиро-халдейскій оригиналъ былъ заимствованъ изъ книги »*Набатейское земледѣліе*«,—всѣ эти три преданія согласно говорятъ, что Хананеяне жили первоначально рядомъ съ Кушитами, своими братьями по происхожденію, на берегахъ Эритрскаго моря, или Персидскаго залива, въ той части аравійскаго берега, который на нашихъ новѣйшихъ картахъ носитъ названіе Эль-Катифа. Плиній указываетъ еще въ свое время Хананею по сосѣдству; Страбонъ говоритъ »объ островахъ Тирѣ и Арадѣ«, островахъ Баренискихъ нашего времени, »которые имѣютъ храмы, сходные съ финикійскими« и прибавляетъ: »Если вѣрить жителямъ, то острова и города того же названія въ Финикіи суть ихъ колоніи«.

По Геродоту, частыя землетрясенія заставили хананейскій народъ покинуть свое первое отечество и направиться къ южной Сиріи. Преданія, записанныя въ *Набатейскомъ земледѣліи*, предполагаютъ, напротивъ, что этотъ народъ былъ прогнанъ насильно вслѣдствіе какого-то спора съ кушитскими монархами Вавилона изъ династіи Нимврода. Того же мнѣнія держатся и арабскіе историки;[1]) въ ихъ сочиненіяхъ записаны по преданію весьма точные разсказы по поводу переселенія Хананеянъ, которыхъ они называютъ первыми Амаликами (Amâlicas), потомками Хама, отличая ихъ строго отъ вторыхъ Амаликовъ, происшедшихъ отъ Сима, Амалекитянъ Библіи. Это насильственное изгнаніе весьма вѣроятно, потому что великія движенія народовъ чаще всего вызывались сходными же причинами, но возможность приписывать это вавилонскимъ Кушитамъ, братьямъ Хананеянъ, кажется намъ вещью болѣе сомнительной. Не было-ли скорѣе переселеніе результатомъ нашествія іафетическихъ Аріевъ, которые напали на Вавилонію между 2800 и 2400 г. до христіанской эры и разрушили древнее царство Кушитовъ, какъ мы видѣли это выше? Дѣйствительно, это было довольно значительное историческое событіе, чтобы произвести столь большой переворотъ между хамитскими народностями береговъ Эритрскаго моря, и мы покажемъ немного ниже, что, по раз-

[1]) *Caussin de Perceval*, Histoire des Arabes avant l'islamisme, т. I, стр. 18.

личнымъ указаніямъ, переселеніе Хананеянъ должно было имѣть мѣсто около того же времени.

III.—Если теперь мы захотимъ изслѣдовать дорогу, по которой хананейскія племена, отправившіяся съ береговъ Персидскаго залива, должны были слѣдовать, чтобы достигнуть Сиріи, то не имѣемъ никакихъ положительныхъ, вѣрныхъ данныхъ объ ихъ маршрутѣ; мы принуждены пользоваться географическими указаніями для того, что болѣе глубокое знаніе этихъ странъ тотчасъ пробуждаетъ передъ нами какой-нибудь слѣдъ прохожденія народа, вышедшаго искать новое отечество.

Рядъ оазисовъ прокладываетъ дорогу, по которой слѣдовали караваны и которая простирается изъ страны Эль-Катифа чрезъ страну Эль-Гасса, вдоль Уади-Афтана до Джебель-Туэйка. Не много дальше по ту сторону, эта дорога уклоняется къ сѣверо-западу въ окрестности Эль-Вошема, чтобы достигнуть города Анейзея. Оттуда она идетъ прямо на западъ, проходя всю страну, отмѣчаемую названіемъ Эль-Кассимъ, чтобы опять соединиться съ дорогой изъ Гаджа, или каравана мусульманскихъ пилигримовъ, отправляющихся изъ Дамаска въ Мекку на одной высотѣ съ Эль-Генакеемъ. Что эта линія оазисовъ, расположенныхъ ступенями въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, дѣйствительно была дорогой, по которой слѣдовали Хананеяне, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей возможности сомнѣваться, потому что вездѣ, пустынное пространство для перехода было бы неодолимымъ препятствіемъ на ихъ пути.

На Востокѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, дороги, по которымъ слѣдовали предки, неизмѣнно служатъ для потомковъ, и есть много поводовъ предполагать еще, что, отправившись изъ Эль-Генакея, эмигрирующія племена должны были держаться дороги, по которой ежегодно слѣдовали караваны Гаджа на обратномъ своемъ пути изъ Медины въ Дамаскъ.

IV.—Между Эль-Генакеемъ и однимъ изъ замковъ, называющимся Меданъ—Салей, замковъ, которые служатъ теперь стоянкой для пилигримовъ, мы находимъ помѣщеннымъ въ самыхъ лучшихъ картахъ горное пространство, подъ названіемъ Темудъ, оно было

указываемо самому автору настоящаго »Руководства« Арабами Сиріи, какъ заключающее многочисленные и важнѣйшіе слѣды древности. Тамъ одно изъ племенъ, участвовавшихъ въ ханапейскомъ переселеніи, остановилось позади другихъ, которые продолжали свой путь къ побережью Средиземнаго моря. Дѣйствительно въ этой странѣ, одно несомнѣнное арабское преданіе помѣщаетъ древній народъ Темудитовъ, которые пробили себѣ жилища въ нѣдрахъ каменистыхъ горъ; это было, говорятъ, нечистивое племя, потому что чистые Семиты, Арабы, какъ и Евреи, всегда опредѣляли этимъ названіемъ Хананеевъ и Кушитовъ; оно было уничтожено какимъ то Когдгаръ-Эль-Амаромъ[1]). Весьма трудно, чтобы не отождествить Темудитовъ съ Гарреянами или Троглодитами книги Бытія, родство которыхъ съ ханапейской расой извѣстно, и которые, живя, при выходѣ изъ Аравіи со времени Авраама, были уничтожены Ходорлагоморомъ. Остатки ихъ уходятъ тогда ближе къ Палестинѣ, въ гору Сеиръ, откуда были выгнаны снова потомками Исава. Они пришли потомъ искать убѣжища среди южныхъ Геѳеянъ, въ горахъ, которые принадлежали позже колѣну Іудину и гдѣ порядочное число ихъ троглодитскихъ поселеній существуетъ до сихъ поръ въ окрестностяхъ Бейтъ-Джибрина, Элевѳерополиса римской эпохи.

V.—Оставивъ такимъ образомъ на своемъ пути по Аравіи колонію Горреянъ или Темудитовъ, ханапейское переселеніе, продолжая, весьма вѣроятно, слѣдовать по настоящей дорогѣ изъ Гаджа, вступило, наконецъ, въ Палестину и явилось сначала, говоритъ Іустинъ, на берегахъ *Assyrium stagnum*. Всѣ комментаторы согласно исправляютъ здѣсь *Syrium*, вмѣсто *Assyrium*, и узнаютъ въ немъ Геннсаретское озеро. Ханапейскія племена, утомленныя своимъ долгимъ походомъ въ пустынѣ, останавливаются здѣсь на нѣкоторое время до того момента, когда почувствуютъ себя довольно сильными, чтобы предпринять завоеваніе страны, изъ которой они должны были быть потомъ прогнаны Израильтянами.

---

[1]) Caussin de Perceval, т. I стр. 34.

§ 2.—Первобытное народонаселеніе Палестины.

I. – Палестина не была пустынной страной, когда вступили въ нее Хананеяне. Большая часть городовъ внутри материка была уже основана, и поля заселены многочисленнымъ населеніемъ, которое Хананеяне истребили или, по большей части, принудили эмигрировать, но нѣкоторые остатки котораго существовали еще, однако, среди нихъ, когда Израильтяне совершили завоеваніе страны. Различныя названія, даваемыя Библіей этой первобытной расѣ Палестины, обозначаютъ вообще людей высокаго роста и необыкновенной силы; народное преданіе, въ позднѣйшіе вѣка, также дѣлало ихъ гигантами. Названіе, подъ которымъ ихъ встрѣчаютъ чаще всего, есть *Рефаимъ (Rephaïm)*, и которое у Финикіянъ получило потомъ значеніе »тѣней, душъ усопшихъ«.

II.—Рефаимы подраздѣлялись на нѣсколько народцевъ:

1) Рафаимы собственно, которые населяли страну Базанъ, и владѣли тамъ 60-ю укрѣпленными городами; между ними находилась столица Астаротъ-Карнаимъ; во время Моисея, Аморреяне занимали ихъ территорію.

2) Эмимы, или »страшные«, жившіе въ странѣ, которая позже была занята Моавитянами, а также въ равнинѣ Кириаѳаима.

3) Зомзоммимы, которыхъ вытѣснили Аммонитяне.

4) Зузимы, которые жили въ Гамѣ, и положеніе страны которыхъ не удалось опредѣлить точно.

5) Энасимы, вѣтвью которыхъ считаются Нефилимы. Изъ всѣхъ первобытныхъ народностей Палестины это была единственная, дольше другихъ сопротивлявшаяся хананейскому завоеванію. Во времена Іисуса Навина, существовали еще отъ нея значительныя остатки во всей странѣ, которой они некогда владѣли, особенно въ горахъ, служившихъ позже территоріей Іудейскому царству и населенныхъ уже Геѳеянами въ ту пору, когда Авраамъ вышелъ изъ Месопотаміи въ обѣщанную его роду землю. Главнымъ городомъ Энасимовъ былъ, кажется, Кириафъ-Арба, называвшійся потомъ Хевропомъ.

Къ различнымъ племенамъ, соединеннымъ такимъ образомъ подъ общимъ названіемъ Рефаимовъ, слѣдуетъ присоединить еще, чтобы до-

полнить списокъ народностей, которыхъ Хананеяне должны были уничтожить или подчинить и о которыхъ упоминаетъ Библія, что извѣстное число этихъ первобытныхъ народностей должно было разсѣяться, не оставивъ послѣ себя слѣдовъ въ позднѣйшую эпоху, надо присоединить, говоримъ мы, Аввимовъ, занимавшихъ равнину къ юго-западу отъ Палестины до города Газы, Кенитовъ, расположенныхъ еще южнѣе, въ направленіи къ каменистой Аравіи, наконецъ, Кенизитовъ и Кадмонитовъ, положеніе которыхъ неизвѣстно.

Принадлежали ли всѣ эти народности, которыхъ Египтяне древняго царства и XII-ой династіи соединяли подъ общимъ родовымъ названіемъ *Сати* къ семитическому корню? Довольно вѣроятныя по характеру своему основанія заставляютъ это думать и позволяютъ вѣрить, что древнѣйшіе до сихъ поръ извѣстные жители Палестины были особенно близко родственны съ Арамеянами. Во всякомъ случаѣ, они говорили языкомъ, совершенно несходнымъ съ Хананейскимъ потому что названія *Зомзоммимы* и *Зузимы*, которыя они дали этимъ послѣднимъ, характеризуютъ народъ съ непонятнымъ и сравниваемымъ съ жужжаніемъ насѣкомыхъ языкомъ.

Мы объяснили выше, въ нашей 1-ой книгѣ, какъ случилось то, что Хананеяне, будучи совершенно хамитской расы, пользовались языкомъ такъ называемаго семитическаго семейства, также какъ Кушиты Вавилона и Іемена.

§ 3.—Поселеніе Хананеянъ въ Палестинѣ.—Ихъ различныя племена.

I.—Нельзя ли попытаться приблизительно опредѣлить время, когда Хананеяне дѣлаются повелителями Палестины и занимаютъ мѣсто древнихъ народностей, происшедшихъ отъ Сима? Геродотъ [1]), кажется, даетъ точную цифру, когда говоритъ, что, по мнѣнію Финикіянъ, знаменитый храмъ Мелькарта, на островѣ Тирѣ, былъ основанъ за 2300 лѣтъ до его времени. Но эта цифра есть результатъ про-

---

1) II, 43.

стаго счисленія поколѣній, какъ вообще всѣ цифры, доставляемыя отцемъ исторіи, и мы считаемъ себя въ—правѣ думать, что поселеніе Хананеянъ имѣло мѣсто за два или за три вѣка раньше, чѣмъ предполагаетъ это Геродотъ. Дѣйствительно, мы владѣемъ теперь положительнымъ документомъ, опредѣляющимъ время, къ которому необходимо должно отнести поселеніе Хананеянъ въ Палестинѣ. Это—гіератическій папирусъ Берлинскаго музея, переведенный въ большей части г. Хабасомъ [1]); онъ содержитъ въ себѣ донесеніе египетскаго чиновника, посланнаго въ правленіе Аменемея I, XII-ой династіи, въ страны Эдома и Тенну, расположенныя къ сѣверу, около бассейна Мертваго моря, страны, одна и другая, составлявшія тогда вассальныя царства Египта, подобно царству Герара, гдѣ были приняты Авраамъ и Исаакъ. Онъ имѣлъ порученіе изслѣдовать состояніе этихъ двухъ странъ и дать также отчетъ о положеніи сосѣдняго народонаселенія, съ которымъ Египетъ и его вассалы должны были часто вести войну. Въ донесеніи этого чиновника не видно никакого слѣда существованія хананейскихъ племенъ въ Палестинѣ. Единственные жители всей этой страны суть *Сати*; нѣкоторые остатки ихъ являются, кажется, еще во времена XVIII-ой династіи, также какъ и нѣкоторые остатки Рефаимовъ къ книгѣ Іисуса Навина; при этомъ, *Сати*, на египетскихъ памятникахъ, гдѣ они изображены, представляютъ взорамъ ясно очерченный семитическій типъ. Другіе тексты, равно существующіе со временъ древняго царства и XII-ой династіи, утверждаютъ положительно, что Египтяне не имѣли въ эту эпоху со стороны Сиріи другихъ сосѣдей, кромѣ племенъ, принадлежавшихъ къ расѣ *Аму*, т. е. Семитовъ, и которыхъ сыны Митсраима вообще означали этимъ названіемъ, происходившимъ отъ семитическаго слова *аамъ*, »народъ«.

II.—Съ другой стороны, книга Бытія точно указываетъ намъ время, раньше котораго не можетъ быть помѣщено поселеніе Хананеянъ. Это—время прибытія Авраама въ Палестину и, особенно, похода Ходорлагомора, несомнѣнно относящееся, какъ мы уже это ска-

[1]) Les papyrus hieratiques du musée de Berlin, *Châlons*, 1866.

зали, къ эпохѣ господства сузіанской династіи въ Вавилонѣ. »Хананеянинъ былъ уже въ странѣ«, говоритъ Библія, разсказывая о прибытіи Авраама, и, дѣйствительно, во всѣхъ случаяхъ, патріархъ находился въ сношеніяхъ съ хананейскими народностями; но выраженіе »уже«, намъ кажется, ясно указываетъ, что если они занимали тогда страну, то не очень давно поселились въ ней. Мы видѣли также, что Ходорлагоморъ и его вассальные цари уничтожили на своемъ пути хананейскія племена, какъ, напр, Горреянъ и жителей Пентаполя; но эти племена, если они и поселились уже въ странѣ, не занимали ее всецѣло, какъ во времена Іисуса Навина; древнія семитическія народности, Рефаимы, Зузимы и Эмимы существовали тогда подлѣ нихъ, сплотившись въ одно національное тѣло, довольно могущественное, чтобы выставить серьезное сопротивленіе эламитскому завоевателю.

Вступленіе Хананеянъ въ Палестину и поселеніе ихъ во всей странѣ, расположенной между моремъ и Іорданской долиной, должно быть, слѣдовательно, помѣщено между тѣмъ временемъ, когда XII-я династія правила въ Египтѣ, и тѣмъ, когда эламитскій царь Ходорлагоморъ царствовалъ, какъ сюзеренъ, надъ всѣмъ бассейномъ Евфрата и Тигра. Это относитъ насъ приблизительно къ 2400 и 2300 г. до христіанской эры и, такимъ образомъ, подтверждаетъ предположеніе, только что нами сдѣланное, что переворотъ, произведенный между хамитскими народностями, сосѣдними съ Персидскимъ заливомъ, нашествіемъ Аріевъ на Вавилонъ и Халдею, долженъ быть побудительной причиной переселенія Хананеянъ съ береговъ Эритрскаго моря къ берегамъ Средиземнаго.

III.—Глава X-я книги Бытія представляетъ намъ въ генеалогической формѣ, которую она принимаетъ постоянно, драгоцѣнный списокъ хананейскихъ племенъ, утвердившихся въ Палестинѣ во время наибольшаго развитія своего могущества и высшей степени своего благосостоянія, предъ нашествіемъ Израильтянъ, можетъ быть, даже предъ упроченіемъ египетскаго первенства надъ Сиріей, такъ какъ кажется, что, при редакціи этой главы, Моисей вообще пользовался документами, предшествовавшими его эпохѣ. Библейскій текстъ приписываетъ Ханаану одиннадцать сыновей: Сидона, Геѳа, Іевусея, Амори, Гиргази,

Гиви, Арки, Сини, Арвади, Семари, Гамати, которые являются въ тоже время народами, каковы: Сидоняне, Геѳеяне, Іевусеяне, Аморреяне, Гергезеяне, Гевеяне, Аркеяне, Синеяне, Арадеяне, Семареяне и Гаматеяне.

Сидоняне составляли главную силу племенъ и занимали мѣсто всегда во главѣ финикійскаго народа, который называлъ самъ себя во всѣ эпохи своей исторіи »Хананомъ« и »Сидонянами«, даже когда многія другія народности той же расы соединились съ ними. Они населяли берегъ отъ Гебала, или Библоса, на сѣверѣ, до Ако, упоминаемаго въ правленіе наслѣдниковъ Александра Птоломея, на югѣ. Мы будемъ говорить сейчасъ объ ихъ различныхъ городахъ.

Съ незапамятнаго времени, Сидоняне отдались мореходству и нашли въ немъ источникъ своего могущества и своего благосостоянія. Геѳеяне, напротивъ, оставались всегда народомъ континентальнымъ. Это было, впрочемъ, самое многочисленное и самое воинственное изъ ханаанейскихъ племенъ. Съ весьма ранняго времени и, быть можетъ, даже со времени своего поселенія въ Сиріи, оно подраздѣлялось на двѣ части неравной важности, территоріи которыхъ были удалены на большое разстояніе одна отъ другой. Южные Геѳеяне, менѣе численные, жили въ той странѣ, которая позже принадлежала племени Іудину, вокругъ Кіріаѳъ-Арба, откуда они прогнали Эназимовъ и который называли Хеврономъ. Сѣверные Геѳеяне были *Khetas* египетскихъ памятниковъ, *Khatti* ассирійскихъ клинообразныхъ надписей, т. е. тотъ воинственный народъ съ столь прочно установившимся монархическимъ единствомъ, который населялъ цѣпь Амана и нижнюю долину Оронта, простираясь оттуда до Евфрата, и который, какъ мы видѣли, игралъ преобладающую роль въ дѣлахъ Сиріи со времени вступленія на престолъ XIX-ой династіи въ Египтѣ до походовъ ниневійскаго царя Ассурназирпала. Это тѣ Геѳеяне, съ царемъ которыхъ Соломонъ заключилъ союзъ, между тѣмъ какъ южные Геѳеяне Хеврона были подчинены его скипетру. Они являлись самымъ сѣвернымъ изъ ханаанейскихъ племенъ.

Іевусеяне были народомъ, утвердившимся въ Іерусалимѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ.

Аморреяне, о которыхъ пророкъ Амосъ говоритъ, какъ о »высокихъ ростомъ, подобно кедрамъ, и сильныхъ, подобно дубамъ«, дѣлились такъ же, какъ и Геѳеяне. Южные Аморреяне, составлявшіе зерно націи, жили къ западу отъ Мертваго моря, вокругъ Энгадди; за нѣсколько времени до Моисея, они перешли Іорданъ и основали въ Переѣ, насчетъ Аммонитянъ и Моавитянъ, два царства: Базанское и Гезебанское. Сѣверные Аморреяне указаны намъ египетскими памятниками къ югу отъ Кеттовъ, въ долинѣ верхняго Оронта; знаменитая крѣпость Кадешъ принадлежала имъ.

Гергезеяне упоминаются, какъ въ іероглифическихъ надписяхъ, такъ и въ Библіи. Мы имѣли уже случай говорить, что смотримъ на нихъ, какъ на имѣвшихъ свою столицу въ Геразѣ, теперь Джерешѣ, въ Переѣ; но территоріей ихъ должно считать все Десятиградіе и даже Галилею, которой не занималъ ни одинъ изъ хананейскихъ народовъ, упоминаемыхъ въ X-ой главѣ книги Бытія.

Гевеяне—племя, раздѣлившееся, въ свою очередь, на двѣ вѣтви, одну сѣверную и другую южную. Въ Сихемѣ, Гаваонѣ и во всей странѣ, принадлежавшей позже колѣну Эфраимову, жителями были Гевеяне. Другіе Гевеяне занимали цѣпь Анти-Ливана отъ Ваалъ-Гермона до окрестностей Гамата.

Аркеяне населяли равнину, расположенную къ сѣверу отъ Ливана между горами Аккаръ и рѣкой, называвшейся во времена Грековъ Элевферомъ, теперь Нагаръ-ель-Кебиръ. Ихъ названіе сохранилось гораздо дольше въ названіи города Арка.

Въ той же самой горной массѣ Ливана надо искать жилища Синеянъ. Страбонъ еще указываетъ въ этихъ горахъ городъ Синну, расположенный выше Ботриса.

Арадеяне имѣли свой главный городъ на островѣ Арадѣ, финикійскомъ Арвадѣ; но они разсѣлились на другой сторонѣ материковаго берега. Семареяне также населяли побережье, между ними и Сидонянами, въ той части, гдѣ ихъ названіе существовало еще въ римскую эпоху въ названіи города Симиры. Что касается до того, кто были Гаматеяне, то нельзя не узнать въ нихъ хананейское племя, жившее

въ городѣ Гаматѣ, позже Эпифанія ,на среднемъ теченіи Оронта, между Геѳеянами и Аморреянамя Кадеша. Со времени Давида Гаматеянъ замѣнили въ этомъ мѣстѣ Арамеяне, изгнанные вѣроятно ими сначала, ради желанія устроить тамъ свои постоянныя жилища.

Нѣкоторые историки присоединяютъ къ тѣмъ народамъ, которыхъ мы только что обозрѣли, двѣнадцатое Хананейское племя, Ферезеянъ, или Феризитовъ, о коихъ не упоминается въ генеологической таблицѣ кн. Бытія Но это не справедливо. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Библіи, гдѣ встрѣчается это названіе »Ферезеянъ«, имъ не обозначается особенный народъ; это — общее названіе сельскихъ жителей, въ противоположность жителямъ закрытыхъ городовъ.

IV.—Было-бы весьма ошибочно предполагать, что одиннадцать хананейскихъ народовъ, сдѣлавшихся такимъ образомъ повелителями Сиріи, составляли столько же плотныхъ и прочно установившихся націй. Сѣверные Геѳеяне были единственными въ этомъ случаѣ, и потому то они имѣли политическое и военное значеніе, котораго никогда не достигла никакая другая часть той же расы. У Сидонянъ также, до и послѣ того времени, когда соединеніе съ ними Арадеянъ и Семареянъ создало изъ нихъ Финикіянъ, существовала извѣстная національная связь и подчиненіе различныхъ городовъ одной метрополіи, гдѣ жилъ царь, пользовавшійся верховной властью надъ маленькими мѣстными царями. Но другіе хананейскіе народы жили въ состояніи полнаго раздробленія. Каждый городъ имѣлъ своего царя, который никому не былъ подчиненъ, кромѣ египетскихъ фараоновъ въ извѣстныя эпохи исторіи. Никакой прочной и постоянной связи не существовако между этими царями. Едва-ли даже въ виду общей опасности стремились они соединиться въ одинъ временный союзъ; находясь почти всегда въ войнѣ другъ съ другомъ, они должны были представлять легкую добычу завоеванію. Гевеяне составляли исключеніе между другими Хананеянами, въ томъ, что города ихъ, вмѣсто того, чтобы управляться тиранами, украшенными титуломъ царей, съумѣли создать и поддержать существованіе полной муниципальной свободы и управлялись сами собой съ помощью всѣхъ республиканскихъ учрежденій.

§ 4.—Финикія и ея города.

Греческое названіе *Финикіянъ*, происхожденіе котораго съ точностью не извѣстно, не относится ко всѣмъ племенамъ расы Ханаана, утвердившимся въ южной Сиріи, во всей совокупности ихъ, но только къ морскимъ Ханаанеянамъ, существованіе которыхъ шло совершенно отдѣльно отъ другихъ. Въ исторіи, какъ и въ классической географіи, Финикіей называется весьма узкая страна, сжатая между горами и моремъ и простирающаяся съ сѣвера, отъ Арада, на югъ, до города Ако, обнимая древнія территоріи Арадеянъ, Семареянъ и Сидонянъ. Прежде чѣмъ приступить къ краткой передачѣ содержанія лѣтописей этой страны, намъ кажется полезнымъ изложить въ немногихъ словахъ ея географію и исчислить главные города.

II. - Начнемъ съ сѣвера. Тамъ сначала представляется намъ островъ Арадъ, сохраняющій свое древнее названіе Арвада подъ мало искаженной формой; онъ расположенъ въ очень недалекомъ разстояніи отъ материковаго берега и подъ той же самой параллелью, какъ и Цитіумъ Кипра. Очень небольшой по размѣрамъ, онъ всецѣло былъ занятъ городомъ того же имени, столицей Арадеянъ, или Арвадитовъ, и окруженъ стѣной, предназначенной служить въ одно время и укрѣпленіемъ, и плотиной. Эта стѣна существуетъ отчасти еще теперь и состоитъ изъ каменныхъ кусковъ, имѣющихъ каждый отъ четырехъ до пяти метровъ въ длину. Отъ Арада, который, послѣ соединенія съ Сидонянами, сохранилъ навсегда у себя отдѣльнаго царя, вассала, находившагося въ повиновеніи у верховнаго владыки всего финикійскаго народа, зависѣли на сосѣднемъ берегу два города: Антарадъ, современный Тортозъ, въ равнинѣ котораго находился кажется, некрополь островнаго города, и Маратъ, теперь Амритъ, гдѣ существуютъ самые важные остатки финикійской архитектуры, какіе только дошли до насъ.

Далѣе на югъ, въ окрестностяхъ устья рѣки Элевѳера (Нагаръ-эль-Кебиръ), лежала Симира, теперь Сумрегъ, древняя столица Семареянъ, которая всегда оставалась царскимъ городомъ, но никогда, кажется, не входила въ финикійскую федерацію, и которой судьбу исторія показываетъ намъ, напротивъ, тѣсно связанной съ судьбой арамейскихъ городовъ долины Оронта.

Немного ниже, мы встрѣчаемъ Ортозію греко-римской географіи, первоначальное и національное названіе которой, Симрона, воскрешаютъ передъ нами памятники ассирійскаго стиля. Это былъ одинъ изъ большихъ городовъ Финикіи и, притомъ, царскій городъ, вѣроятно столица Аркеянъ, потому что Арка, вслѣдствіе своего положенія внутри страны стояла, въ весьма раннюю эпоху, въ ряду второстепенныхъ. Продолжая спускаться къ югу, мы находимъ мѣсто, гдѣ жители Арада, Сидона и Тира, въ позднѣйшее время своей жизни, основали три смежныхъ поселенія, соединеніе которыхъ образовало Триполь; два второстепенные города, Каламъ и Гигартъ; священный мысъ, называвшійся у Грековъ Θеу-Прозопонъ, что, кажется, было переводомъ финикійскаго названія Θане-Ваалъ, »лице Ваала«; наконецъ, Ботрисъ современный Батрунъ.

Ш.—Мы вступаемъ теперь на территорію Синеянъ. Они имѣли въ горахъ Синну, свой древнѣйшій городъ, и Афекъ, важнѣйшее святилище Астарты; но дѣйствительной столицей ихъ на морскомъ берегу считался Гебалъ, называвшійся у Грековъ Библосомъ и въ наше время Джебейлемъ. Это былъ царскій городъ; онъ находился первоначально внутри страны, а потомъ былъ отстроенъ на морскомъ берегу. Его названіе означало »могилу бога«, потому что тамъ указывали гробницу Адониса. Гебалъ почитался священнымъ городомъ, съ которымъ связывались древнѣйшія миѳологическія воспоминанія и въ которомъ прославлялись извѣстныя таинства.

Потомъ слѣдуетъ, направляясь, все-таки, къ югу, Беритъ, нынѣшній Бейрутъ, основанный Гибилитами, царскій городъ, который, во всѣ эпохи, имѣетъ большое морское значеніе и широкую торговлю. Его названіе значитъ: »колодцы, цистерны«. Беритъ составлялъ границу древняго Сидонскаго племени, Сидонянъ, »старшихъ сыновъ Ханаана«, по библейскому выраженію, которой ограничивалась сначала Финикія. Двумя самыми сѣверными городами этого племени были Гельдуа и Порфиріонъ; финикійскія названія ихъ остались неизвѣстны.

Сидонъ называется теперь Санда и приведенъ въ плачевное состояніе; въ немъ, обширный некрополь остается единственнымъ слѣдомъ его прошедшею блеска. Названіе Сидона означаетъ »рыболовную

тою« и указываетъ на первое занятіе его жителей, рыболовство, въ которомъ Сидоняне, едва только поселились на побережьи, упражнялись наравнѣ съ мореходствомъ. Это древнѣйшій изъ городовъ Финикіи и титуловался вслѣдствіе того »матерью« всѣхъ другихъ, исключая Гебала, который, быть можетъ, по происхожденію не былъ городомъ Сидонянъ, но Сипеянъ; Сидонъ дѣлился, подобно Тиру, на два города: »великій Сидонъ«, на морѣ и »малый Сидонъ«, внутри материка.

Къ югу отъ Сидона лежала Сарепта (теперь Сарфентъ), городъ, бывшій, кажется, богатымъ и съ довольно важнымъ значеніемъ, особенно въ отдаленныя времена; но, начиная съ XII-го вѣка до христіанской эры, этотъ городъ, въ политическомъ отношеніи, зависѣлъ отъ Тира. Послѣдній, въ теченіи большей части финикійской исторіи, державшій въ своихъ рукахъ верховную власть, принадлежавшую первоначально Сидону, въ дѣйствительности носилъ названіе Тзура или Зура, означавшее на хананейскомъ языкѣ »утесъ«. Такое названіе до сихъ поръ еще даютъ этому городу Арабы. Классическіе географы различаютъ два города Тира: одинъ на скалистомъ островкѣ, весьма близкомъ къ берегу; другой — на берегу; этотъ послѣдній, расположенный въ мѣстѣ, именующемся теперь Расъ-эль-Аиномъ, назывался спеціально Палетиромъ, или »древнимъ Тиромъ«. Мы намѣрены немного ниже разсказать о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ частей тирскаго города. Между Сарептой и Тиромъ встрѣчались второстепенные города: Назана, позже Цезарея, Авафа, Ортифополисъ Грековъ, и Магаллибъ, или Леонтополисъ. Весь этотъ берегъ представлялъ собой какъ бы одинъ непрерывный городъ.

IV.—Въ окрестностяхъ Тира должна была первоначально находиться въ ту эпоху, картину которой предлагаетъ намъ X-я гл. Бытія, южная граница территоріи Сидонянъ. Но позже эта территорія распространилась еще далѣе къ югу. Когда израильское завоеваніе уничтожило хананейскія племена Палестины и когда въ то же время Филистимляне поселились на всемъ южномъ побережьи этой страны, приморскіе города Галилеи сопротивлялись двойному чужеземному нашествію и съумѣли удержать свою хананейскую національность. Гергезеяне, которымъ они сначала, по всей вѣроятности, при-

они сначала, по всей вѣроятности, принадлежали, не существовали болѣе. Не будучи въ состояніи поддержать себя собственными силами, эти города естественно пришли къ сознанію необходимости присоединиться къ Сидонянамъ, имѣвшимъ возможность защитить ихъ, и такимъ образомъ вошли въ составъ союза финикійскихъ городовъ.

Финикійскими городами къ югу отъ Тира были: Сераа, Сарра нѣкоторыхъ классическихъ географовъ, находившійся всегда, кажется, въ зависимости отъ города Мелькарта, котораго онъ почти касался; Усъ, называемый Греками Александропеномъ, но болѣе древнее названіе послѣдняго воскрешаютъ передъ нами клинообразныя надписи; городъ извѣстный подъ именемъ Лаодикіи въ правленіе Селевкидовъ, значительныя развалины котораго носятъ у современныхъ намъ Арабовъ названіе Умъ-эль-Авамида, и о которомъ египетскіе тексты сообщаютъ намъ, что онъ назывался въ первобытныя времена Канкиой; Мизрефотъ-Маймъ, бывшій всегда менѣе важнымъ мѣстомъ; Ахзибъ, Экдиппа греческихъ и латинскихъ географовъ, сохраняющій до сихъ поръ свое древнее названіе, но считающійся теперь не болѣе, какъ деревней. Наконецъ, самымъ южнымъ и самымъ значительнымъ также былъ городъ Ако, именовавшійся у Грековъ извѣстной эпохи Птоломаидой. но древнее національное названіе котораго снова пріобрѣло значеніе лишь со временъ среднихъ вѣковъ подъ формой Акры.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сидонская эпоха.

§ 1. Хананеяне въ Египтѣ.—Первыя попытки Сидонянъ на поприщѣ мореплаванія.

I.—Миграціонное движеніе, приведшее хананейскія племена съ береговъ Эритрскаго моря въ южную Сирію, не должно было остановиться въ этой послѣдней странѣ. Часть Хананеянъ, когда вышли они за предѣлы южныхъ границъ Палестины, увлекая, безъ сомнѣнія, въ свои ряды и въ слѣдъ за собою нѣкоторыя семитическія племена, перемѣщенныя только что совершившимся между населеніемъ Сиріи переворотомъ, бросилась на Египетъ, богатства и необычайная плодородность котораго всегда воздуждали алчныя желанія азіатскихъ завоевателей. Арабскія преданія разсказываютъ, что первые Амалики, потомки Хама, тождество которыхъ съ Хананеянами мы установили, какъ несомнѣнный фактъ, послѣ завоеванія Палестины, напали на Египетъ и сдѣлались его полными повелителями, разсказываютъ, что они основали въ Дельтѣ городъ, называвшійся Аваромъ и сдѣлали его своей столицей, что, наконецъ, по истеченіи нѣсколькихъ вѣковъ ихъ господства, они были прогнаны оттуда туземными жителями при помощи народонаселенія верхняго Нила[1]).

Нельзя не узнать въ этомъ традиціонномъ разсказѣ нашествія Пастуховъ, поселенія ихъ царей въ Аварисѣ и роковаго изгнанія ихъ Амесомъ. Мы разсказали уже подробно это событіе, которое соста-

---

[1] *Caussin de Perceval*, Histoire des Arabes, т. I, стр. 19.

вляетъ одно изъ главныхъ дѣленій въ исторіи Египта, и довольствуемся на этотъ разъ тѣмъ, что отсылаемъ туда читателя. Манеѳонъ, основываясь на жреческихъ архивахъ, положительно говоритъ, что Пастухами были Финикіяне, т. е. Хананеяне, и мы видѣли, что все согласно подтверждаетъ это мнѣніе самымъ положительнымъ образомъ. Мы даже констатировали тотъ фактъ, что самыя рѣшительныя указанія дѣлаютъ очевиднымъ, что въ нашествіи на Египетъ преобладающая роль, направленіе движенія принадлежала Геѳеянамъ и что это былъ народъ, доставлявшій царей династіи Пастуховъ съ тѣхъ поръ, когда завоеваніе, сначала опустошительное, пришло въ порядокъ, когда завоеватели, подчинившіеся вліянію болѣе высокой цивилизаціи побѣжденныхъ, приняли египетскіе нравы и преобразовали своихъ вождей въ настоящихъ фараоновъ.

II.— Господство Пастуховъ на берегахъ Нила, начало котораго должно было весьма скоро послѣдовать за разселеніемъ Хананеянъ въ Сиріи, продолжалось пять вѣковъ. Къ концу этого господства, въ правленіе царя Анепи, Іосифъ дѣлается управителемъ. Поэтому, надо допустить, что фараономъ, въ царствованіе котораго Авраамъ является въ Египетъ, былъ уже Пастухъ, какъ это разсказываютъ, между прочимъ, талмудическія и арабскія преданія, гдѣ попадается иногда много драгоцѣнныхъ воспоминаній и прочныхъ основаній, которыми нельзя располагать, не довѣряя имъ.

Разсказы книги Бытія показываютъ намъ, что Хананеяне Палестины были въ ту пору рѣшительно независимы отъ царей своей расы, правившихъ въ Аварисѣ. Фараоны геѳеянскаго происхожденія, которымъ повиновался Египетъ, не пользовались никакимъ авторитетомъ въ Сиріи; они ограничивались распространеніемъ лишь своей сюзеренной власти на нѣкоторые земли, непосредственно прилегавшіе къ странѣ Митсраима, какъ, напр., маленькое Герарское царство. Напротивъ, эти цари не заботились даже о томъ, чтобы поддержать эту послѣднюю страну, и, когда Ходорлагоморъ двигаетъ свои завоеванія до береговъ Асфальтоваго озера, мы не видимъ, чтобы египетскій монархъ сдѣлалъ какое-нибудь движеніе остановить его и пошелъ бы на помощь Горреянамъ или жителямъ Пентаполя.

им. Горького

Однако, изъ обстоятельствъ жизни патріарховъ слѣдуетъ заключить въ тоже время, что отношенія между Палестиной и Египтомъ въ эту эпоху были тѣсны и продолжительны и что племена расы Ханаана, поселившіеся въ той и другой странѣ, жили въ братской бружбѣ. Усвоеніе правовъ и цивилизаціи Египта хананейскими Пастухами доставило имъ тогда надъ народностями Палестины весьма большое вліяніе, которое потомъ подкрѣпили завоеванія фараоновъ XVIII-ой династіи. Научныя изслѣдованія даютъ право предполагать, какъ дѣлаетъ это Эвальдъ, что Пастухи-то Авариса и возъимѣли мысль заимствовать изъ гіератическаго египетскаго письма извѣстное число алфавитныхъ буквъ и приложить ихъ къ изображенію звуковъ своего языка, составивъ такимъ образомъ финикійскій алфавитъ изъ 22 буквъ, источникъ всѣхъ другихъ алфавитовъ міра. Это изобрѣтеніе, могущее только Египетъ считать своей колыбелью, распространилось съ величайшей быстротой между различными хананейскими племенами, и въ настоящее время мы знаемъ, по свидѣтельству гіероглифическихъ надписей, что эти племена имѣли въ употребленіи алфавитное письмо въ тотъ моментъ, когда Египтяне докончили изгнаніе Пастуховъ изъ своей земли и, сдѣлавшись завоевателями, въ свою очередь, завладѣли Сиріей въ правленіе Аменготепа и Тутмозиса.

III.—Между тѣмъ какъ часть хананейскихъ племенъ завоевала Египетъ и посадила одного изъ своихъ вождей на престолъ фараоновъ, Сидоняне, не имѣвшіе, кажется, воинственныхъ стремленій на континентѣ, обратили свою дѣятельность на море, на берегу котораго они поселились. Неизвѣстно, пробудилась ли въ нихъ единственная способность къ мореплаванію и морской торговлѣ, отличавшая ихъ отъ другихъ Хананеянъ, въ ихъ первобытномъ отечествѣ, когда они жили еще на берегахъ Персидскаго залива, или же она явилась только послѣ переселенія ихъ на берега Средиземнаго моря. Но, во всякомъ случаѣ, она развилась у нихъ быстро. Стѣсненные на узкой территоріи, которой недостаточно было для прокормленія ея населенія, Сидоняне были принуждены столько же крайней необходимостью, сколько и своими естественными инстинктами, искать на волнахъ, какъ своемъ новомъ отечествѣ въ особенности, источникъ бо-

гатствъ. Большая часть прибрежныхъ населеній Средиземнаго моря находились еще въ дикомъ состояніи, въ томъ, которое называютъ теперь *каменнымъ періодомъ*, и не знала и не умѣла строить суда, удобныя для того, чтобы удаляться на нѣкоторое разстояніе въ безпредѣльное море; даже жители самыхъ передовыхъ центровъ первобытной цивилизаціи, какъ Египетъ, едва осмѣливались плавать на узкомъ каботажномъ суднѣ, и то не теряя изъ виду береговъ; при такомъ положеніи дѣлъ, Сидоняне были первыми и въ теченіи долгаго времени единственными мореходцами въ мірѣ. Никто прежде нихъ не осмѣливался презрѣть долгія переправы, пуститься въ открытое море, не обращая вниманія на опасности отъ вѣтровъ и бурь, съ намѣреніемъ искать въ далекихъ странахъ металлы, драгоцѣнные деревья, суровье всякаго рода, потребныя для промышленности; и протекло много вѣковъ, прежде чѣмъ какой-нибуть другой народъ рѣшился соперничать съ ними на этомъ поприщѣ.

Между прочимъ, море служило для Сидонянъ не только неисчерпаемымъ рудникомъ богатствъ, единственной ареной, гдѣ могла упражняться дѣятельность смѣлаго, трудолюбиваго и умнаго населенія, которому земледѣліе вовсе не доставляло средствъ къ жизни; оно было также для нихъ единственнымъ убѣжищемъ свободы, какъ торговля была единственымъ путемъ, на который могли они направить свои усилія. Отброшенные навсегда къ побережью и встрѣчавшіе препятствіе къ распространенію во внутренности материка со стороны болѣе могущественныхъ народовъ, сначала въ своей собственной расѣ со стороны Геѳеянъ, потомъ, позже со стороны великихъ государствъ Нильской и Евфратской долинъ, Сидоняне не могли претендовать ни на политическую роль, ни на военное первенство. Имъ невозможно было даже сохранить полную независимость и стремиться къ какому бы то ни было другому состоянію, кромѣ узкой и подчиненной автономіи, такъ какъ, почти во всѣ эпохи финикійской исторіи, мы видимъ ихъ вассалами то одного, то другаго царства. Народъ, котораго не питаетъ его почва, который не можетъ быть ни земледѣльцемъ, ни военнымъ, ни даже совершенно независимымъ, и который, все-таки, чувствуетъ въ себѣ энергію и силу, способную творить великія дѣла, имѣетъ

только одинъ источникъ: торговлю и мореходство. Таково было положеніе Финикіянъ; и такъ какъ они не имѣли ни предшественниковъ, ни соперниковъ на томъ пути, на которой столь деспотически бросила ихъ сила вещей, поэтому могли упрочить за собой на долгіе вѣка исключительную монополію.

IV.—Вообще не принято представлять болѣе или менѣе точный отчетъ о распространеніи торговли, какую первобытныя цивилизаціи вели и поддерживали. Провидѣніе не предназначило народамъ жить уединенно другъ отъ друга, также какъ и отдѣльнымъ людямъ жить внѣ общественнаго устройства. Оно такимъ образомъ создало человѣка, что послѣдній долженъ группироваться съ подобными себѣ, дабы мочь существовать и защищаться противъ опасностей, угрожающихъ отовсюду. Это—не безъ плана, хорошо установленнаго и въ которомъ мы должны обожать руку, создавшую первыя цивилизаціи въ мѣстностяхъ, кои, не смотря на всѣ благопріятныя условія, были лишены нѣкоторыхъ естественныхъ произведеній, нѣкоторыхъ первой необходимости предметовъ, потребныхъ для самыхъ элементарныхъ и нужнѣйшихъ искусствъ. Такимъ образомъ, лишь только заблистала заря цивилизаціи, необходимо возникла и торговля. Впервые учредившіе порядокъ народы не могли заключиться рѣшительно въ гордости отъ своей скороспѣлой цивилизаціи, изолироваться отъ другихъ народовъ, варварство которыхъ они презирали Необходимость заботиться о нѣкоторыхъ самыхъ нужныхъ предметахъ принуждала ихъ поддерживать внѣшнія отношенія и иногда весьма далекія, чтобы вести торговлю съ народами еще дикими, входить съ ними на путь обмѣна и, слѣдовательно, передавать имъ постепенно тайны своей цивилизаціи.

Вотъ три элементарныхъ факта, знаніе которыхъ было всюду распространено новѣйшими изслѣдователями о первобытномъ человѣчествѣ. Первый—это необычайная древность металлургіи въ азіатскихъ цивилизаціяхъ; второй—то обстоятельство, что обработка мѣди предшествовала обработкѣ желѣза, поэтому *бронзовый періодъ* представляетъ въ исторіи цивилизаціи долгій періодъ, за которымъ слѣдовалъ *желѣзный*. Наконецъ, послѣдній фактъ составляетъ то, что почти вслѣдъ за тѣмъ люди научаются плавить мѣдь и выдѣлывать изъ

нея инструменты, они узнаютъ ея многочисленныя неудобства, при употребленіи въ чистомъ состояніи, и необходимость сдѣлать этотъ металлъ болѣе твердымъ и болѣе упругимъ посредствомъ лигатуры, однимъ словомъ, дѣлаются въ состояніи приготовлять бронзу. Насколько глубоко мы проникаемъ въ двѣ древнѣйшія цивилизаціи міра, цивилизаціи Египта и Халдеи, мы также находимъ тамъ бронзу въ ходу; употребленіе инструментовъ, приготовленныхъ изъ чистой мѣди, такъ давно покинуто и такъ давно забыто, что не оставило слѣдовъ. Но что такое бронза? Смѣсь мѣди и олова. При этомъ, Вавилоняне и Египтяне находили мѣдь на своей собственной территоріи или въ соприкасавшихся съ ихъ границами окрестностяхъ; но что касается до олова, то они встрѣчали его только въ далекихъ странахъ. Самая мелкая бронзовая утварь, которая собрана подлѣ Мемфиса въ одной изъ гробницъ, современныхъ постройкѣ пирамидъ, гдѣ эта утварь оставалась зарытой около 60 вѣковъ, воскрешаетъ поэтому древнюю и отдаленную торговлю, которая приносила фараоновскому Египту, родившемуся для цивилизаціи среди еще совершенно дикихъ народовъ, олово изъ Кавказскаго края, Индіи и Испаніи. Безъ этой торговли, дѣйствительно, нельзя было бы объяснить существованія находимой бронзы, потому что олово не встрѣчается ни на одномъ пунктѣ, болѣе близкомъ къ Египту [1]).

V.—Этотъ примѣръ есть одинъ изъ самыхъ выдающихся, чтобы ясно видѣть распространеніе торговли, которую необходимо предполагаютъ первобытныя цивилизаціи. Мы могли бы указать на примѣръ и изъ другихъ источниковъ, но съ умысломъ избрали этотъ, потому что олово было несомнѣнно однимъ изъ древнѣйшихъ предметовъ торговли Финикіянъ, быть можетъ, было первымъ и необходимымъ, который толкнулъ торговлю, съ весьма ранняго времени, на путь великихъ морскихъ предпріятій. Въ весьма отдаленные вѣка *древняго египетскаго царства*, очень понятно, что мореходство

---

[1]) О важности торговли оловомъ въ первобытные вѣка и направленіяхъ, которымъ она слѣдовала, см. *Rougemont*, L'âge de bronze ou les Semites en Occident, Paris, 1866.

и морская торговля еще не существовали. Весь торгъ совершался сухимъ путемъ, при помощи каравановъ. Жители Менеса, Куфу и Шафры добывали олово, въ которомъ они имѣли нужду для выдѣлки своей бронзы, изъ Кавказскаго края или Индіи (вѣроятнѣе изъ Кавказскаго) посредствомъ каравановъ, проходившихъ переднюю Азію, совершенно еще дикую и въ которой не утвердилось до тѣхъ поръ ни одно могущественное государство. Но караванная торговля, среди кочующихъ и занимающихся грабежемъ народностей, всегда не надежна и подчинена весьма прискорбнымъ случайностямъ. Эта торговля, сверхъ того, становится почти невозможной около того времени, когда династія Пастуховъ утвердилась на египетскомъ престолѣ и когда Сидоняне выступили на поприще морскихъ экспедицій, невозможной, вслѣдствіе возростанія могущества первобытнаго Халдейскаго царства, сдѣлавшагося тогда повелителемъ всего Тигро-Евфратскаго бассейна и основавшаго тамъ столицу сильной, воинственной и жаждавшей завоеваній власти. Одна изъ первыхъ заботъ этой власти состояла въ томъ, чтобы овладѣть торговлей оловомъ, которая, въ своемъ первобытномъ состояніи, велась на ихъ территоріи. Вавилонскіе монархи, повелѣвавшіе тогда Ассиріей, нашли для этого средство, издавъ законъ на перекоръ народамъ Сиріи и Египта, такъ какъ они завидовали этимъ народамъ и имѣли на нихъ завоевательные виды, и это подтверждаетъ слова Манеѳона о боязни, которую Халден питали къ вождю упрочившейся династіи Пастуховъ; они, дѣйствительно, могли перехватить, когда хотѣли, у этихъ народностей продуктъ, безъ котораго послѣднія не могли обходиться въ самыхъ необходимыхъ своихъ искусствахъ. Такимъ же самымъ образомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Америка надѣялась изданіемъ закона противъ Англіи объ отмѣнѣ посылокъ хлопчатой бумаги угрожать ей. Подобное положеніе не было принято ни Хананеянами Сиріи, ни тѣми, кто правилъ тогда въ Египтѣ; они продолжали искать, во чтобы то ни стало, средство добывать олово на другомъ берегу и доставлять его моремъ, чтобы ихъ соперникамъ невозможно было прервать подвозъ его. Сидоняне почерпнули въ этихъ обстоятельствахъ первыя начала своего торговаго могущества; они воспользовались созданной новымъ политическимъ положеніемъ

необходимостью и направили свои корабли къ Понту-Эвксинскому, чтобы искать тамъ драгоцѣнный металлъ не только для выгодъ такихъ другихъ странъ, какъ Египетъ, но и для своихъ собственныхъ выгодъ, потому что Сидоняне сами, будучи металлургистами и особенно искусными въ приготовленіи бронзы, чувствовали величайшую нужду въ томъ, чтобы обезпечить себя оловомъ прямо и безъ платежа дани какому нибудь другому народу. Спустя нѣсколько вѣковъ, когда возникновеніе мореходства у пелазгическихъ народовъ сдѣлало болѣе труднымъ и болѣе опаснымъ для нихъ путешествіе по Архипелагу, потребность обезпечить себя оловомъ, избѣгая всѣ эти опасности, вызываетъ переворотъ, который приводитъ Финикіянъ къ необходимости двинуть свои корабли въ Испанію. Торговля оловомъ, важное значеніе которой въ древнихъ цивилизаціяхъ мы пытались дать понять, была несомнѣнно первой причиной и преобладающимъ предметомъ ихъ торговли, такъ что позже еще, въ эпоху полнаго развитія эллинскаго общества, они удержали въ своихъ рукахъ исключительную привилегію на доставку олова Греціи и Италіи, какъ прежде Египту. Эта же самая торговля возродила въ послѣдній разъ мореплаваніе Финикіянъ и заставила ихъ двинуться до крайнихъ западныхъ границъ древняго міра; когда же рудники Испаніи были исчерпаны, Финикіяне поставлены были въ необходимость выйти за Геркулесовы Столпы и идти къ берегамъ Британскихъ острововъ искать олово въ Корнвалисѣ, чтобы доставлять его Эллинамъ и Итальянцамъ.

§ 2.—Періодъ египетскаго господства въ Сиріи.—Первенство Сидона и апогей его торговли.

I.—Первые шаги Сидонянъ по пути благосостоянія и мореходства не имѣютъ исторіи. Они принадлежатъ къ тѣмъ вѣкамъ, для которыхъ монументальныя свидѣтельства о Сиріи и ея народностяхъ рѣшительно составляютъ для насъ пробѣлъ и, быть можетъ, останутся навсегда неизвѣстными; національныя преданія Финикіи, собранныя классической древностью и весьма не совершенно сохраненные до нашего времени, одинаково отмалчиваются на этотъ вопросъ.

Но извѣстно, по крайней мѣрѣ, положительно, что Сидоняне были уже народомъ смѣлыхъ мореходцевъ и вели значительную торговлю въ то время, когда Египтяне, пробудившіеся, наконецъ, къ національной жизни, прогнали Пастуховъ и, взявъ, въ свою очередь, верхъ надъ чужеземными народами, державшими ихъ такъ долго въ рабствѣ, сдѣлались повелителями всей передней Азіи. Мы видѣли въ книгѣ, посвященной исторіи Египта, что, со вступленія на престолъ XVIII-ой династіи, Аменготенъ I завоевалъ южную Сирію и что Тутмозисъ I водилъ свои войска по ту сторону Евфрата. Начиная съ этого момента, Сидоняне, какъ и всѣ окрестные народности, были подчинены египетскому господству, удерживавшемуся безъ перерыва въ теченіи всей продолжительности XVIII-ой, XIX-ой и XX-ой династій, отъ первой половины XVII-го вѣка до конца XIII-го вѣка до христіанской эры.

II.—Между монументальными разсказами, вырѣзанными на стѣнахъ египетскихъ храмовъ и относящимися къ большимъ мятежамъ, которые, на протяженіи этого пятивѣковаго пространства времени, неоднократно вспыхивали въ Сиріи противъ египетскаго господства по подстрекательствамъ Ассиріянъ, или Ротенну, или даже сѣверныхъ Геѳеянъ, и изъ которыхъ самые страшные были подавлены Тутмозисомъ III, Сетисомъ I, Рамзесомъ II и Рамзесомъ III, никогда мы не видимъ фигурирующимъ въ спискахъ мятежей и побѣжденныхъ имени Сидонянъ, ихъ столицы и ни одного изъ ихъ городовъ. Однако, всѣ другіе хананейскіе народы принимали участіе въ возмущеніяхъ; это—народности, которыя непосредственно соприкасались съ ихъ территоріей и потомъ составили съ ними финикійскую агрегацію; Арвадиты, или Арвадеяне, Семареяне, Гергезеяне съ жаромъ вступали во всѣ союзы, образовывавшіяся противъ Египта. Взамѣнъ этого, гіероглифическія надписи часто говорятъ о податяхъ, промышленности и богатствахъ Финикіи. Фараоны этого періода оставили большіе памятники, въ видѣ столбовъ, въ память своего господства, на скалахъ Нагаръ-эль-Кельба, подлѣ Берита, и Адлуна, не далеко отъ Тира. Драгоцѣнный папирусъ Британскаго музея содержитъ фиктивный разсказъ о путешествіи, совершенномъ въ Сирію однимъ египетскимъ чиновни-

комъ въ концѣ царствованія Рамзеса II, послѣ заключенія окончательнаго мира съ Геѳеянами [1]). Это произведеніе есть не болѣе, какъ вымыселъ, но оно рисуетъ передъ нами состояніе страны въ то время, когда было писано и, по этому самому, представляетъ для насъ величайшій историческій интересъ. Герой думалъ побывать въ странѣ Геѳеянъ и дойти до Гельбона, современнаго Алепа; на возвратномъ пути, не достигнувъ еще Палестины, въ которую вступаетъ чрезъ Газоръ и хананейскія города которой описываетъ, онъ проѣзжаетъ чрезъ Финикію. Разсказъ показываетъ намъ его идущимъ сначала въ Гебалъ, религіозное значеніе и таинства котораго отмѣчаетъ онъ, потомъ въ Беритъ, Сидонъ, Сарепту, переходящимъ черезъ Назанскій бродъ, тотъ проходъ, что нынѣ называется Нагаръ-Гейзерани, и Авафу, развалины которой носятъ теперь названіе Адлуна. Онъ пріѣхалъ потомъ въ »морской Тиръ«, описываемый имъ, какъ укрѣпленное мѣсто на скалѣ и среди волнъ: »туда привозятъ воду на судахъ, говоритъ онъ, и оно богато рыбой«. По сосѣдству, не много, южнѣе на континентѣ, египетскій путешественникъ встрѣчаетъ Серау, Саррукласссическихъ географовъ, и текстъ содержитъ даже игру словъ на это названіе *Serâa*, означающее на финикійскомъ языкѣ »осу«; онъ разсказываетъ о худыхъ жилищахъ, которыя тамъ находитъ и прибавляетъ, что »ужаленія ихъ несносны«. Пройдя эту мѣстность, онъ достигаетъ Канкны, Умъ-эль-Авамида современнаго намъ, потомъ Ахзиба, гдѣ онъ покидаетъ побережье и углубляется въ горы, чтобы достигнуть опять Газора. Во всей этой странѣ, путешественникъ находится постоянно на египетской землѣ, онъ описываетъ круги съ той же свободой и съ той же безпечностью, какъ дѣлалъ это въ Нильской долинѣ, и даже, въ силу своихъ обезанностей, заявляетъ тамъ свой авторитетъ.

Изъ этихъ фактовъ, намъ кажется, ясно слѣдуетъ, что, начиная съ распространенія и возникновенія въ Сиріи египетскаго господства, Сидоняне и Синеяне Гебала совершенно отдѣлили свои интересы отъ

---

[1]) *Chabas*, Voyage d'un Egyptien, Châlons, 1866. См. также критическую брошюру на этотъ трудъ, обнародованную въ Парижѣ Бругшемъ.

интересовъ другихъ хананейскихъ племенъ и слѣдовали въ своихъ дѣйствіяхъ по совершенно иному направленію. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ возвращенію полной независимости, они стояли въ ряду партизановъ верховнаго владычества фараоновъ, которымъ послушно повиновались и оставались вѣрными среди всякихъ обстоятельствъ.

Безъ сомнѣнія, египетскіе цари, народъ которыхъ не былъ ни коммерческимъ, ни способнымъ къ мореходству, кои нуждались въ Финикіянахъ и которымъ послѣдніе оказывали большіе услуги, египетскіе цари, повторяемъ, дѣлали ихъ положеніе болѣе сноснымъ, чѣмъ положеніе другихъ народовъ той же расы, и даровали имъ такія привилегіи, которыя обусловливали подобную привязанность. Сами по себѣ, какъ истые купцы, Сидоняне предпочитали полнѣйшей свободѣ и удовлетворенію національнаго чувства, всегда уничтожаемаго чузеземной властью, матеріальныя удобства, которыя находили они, принадлежа большому государству и играя въ немъ роль привилегированныхъ маклеровъ. Какъ мы тотчасъ это сказали, условія, въ какія поставлена была самой природой Финикія, не позволяли ей почти никогда жить совершенно независимо, и, въ продолженіи большей части своей исторіи, она всегда была вассаломъ какого-нибудь могущественнаго чужеземнаго государя. Но она сознала въ самую отдаленную эпоху эту роковую необходимость своего положенія и рѣшилась принять ее съ такой легкостью, примѣра которой, быть можетъ, не представилъ ни одинъ народъ. Это обстоятелвство было выгодно для финикійской торговли, и, довольная такимъ результатомъ, Финикія безъ большаго сопротивленія приняла на себя вассалное подданство вполнѣ, требуя только, чтобы иноземный сюзеренъ оставилъ ея городамъ ихъ мѣстную автономію и позволилъ имъ управляться самимъ собой по своимъ законамъ, своимъ нравамъ и своимъ традиціоннымъ формамъ.

III.—Дѣйствительно, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, какъ мы только что видѣли, когда Сидоняне были подчинены политическому могуществу Египтянъ, всѣ свидѣтельства классическихъ историковъ, заимствованные то изъ туземныхъ лѣтописей Финикіи, то изъ первобытныхъ воспоминаній Греціи, согласно относятъ къ этому періоду высшую степень торговаго могущества Сидона, величайшее развитіе

его мореходства и факторій. Славное движеніе сидонской торговли имѣло театромъ восточную часть Средиземнаго моря, Архипелагъ, и Черное море, гдѣ не возродилось еще и не конкурировало съ ней никакое туземное мореходство.

Начиная съ XVII-го и до XIV-го вѣка, Сидоняне основали Цитіумъ на островѣ Кипрѣ, Итанусъ на Кипрѣ и завели на берегу Киликіи колоніи, жители которыхъ, гонимые позже, бѣжали въ горы внутрь материка и сдѣлались тамъ зерномъ Салимскаго народа. Ихъ корабли одни плавали тогда по морямъ Греціи, гдѣ они господствовали, какъ повелители, и шли туда забирать естественныя продукты страны, взамѣнъ которыхъ давали произведенія азіатской и египетской промышлености пелазгическимъ народностямъ, еще неумѣвшимъ ничего подобнаго приготовлять собственными руками. На берега материковъ Греціи и Малой Азіи, гдѣ туземныя народности были многочислены, которыя, ревнуя о своей независимости, не допускали возникновенія значительныхъ поселеній, походившихъ на колоніи, Сидоняне приходили лишь торговать; много, что они имѣли тамъ въ нѣсколькихъ пунктахъ простыя факторіи. Но взамѣнъ этого, на островахъ, они завели поселенія другаго рода, постоянныя морскія станціи, мѣста убѣжища и отдыха для ихъ кораблей, находившіяся въ ихъ дѣйствительномъ владѣніи. Родосъ, Тера, Цитера, куда Сидоняне ввели культъ своей Астаретѣ, послужившей началомъ Цитерской Афродитѣ Грековъ, были на югѣ Эгейскаго моря главными изъ этихъ независимыхъ поселеній, необходимыхъ для безопасности и благосостоянія морской финикійской торговли. На Цикладскихъ островахъ, мы находимъ несомнѣнные слѣды ихъ пребыванія въ Оліаросѣ, или Антипаросѣ, въ Іосѣ и Сиросѣ. Они-то и открыли тамъ, или заставили туземцевъ открыть, богатыя серебряныя руды острововъ Сифноса и Кимолоса. Сѣвернѣе и подлѣ Ѳракійскаго берега, существованіе золотыхъ рудъ, давшихъ изобильные продукты, привлекло Сидонянъ на островъ Фазосъ, хозяевами котораго стали они и гдѣ начали величайшія работы по эксплоатаціи рудъ, слѣды которой, спустя десять вѣковъ, возбуждали еще удивленіе Геродота. Отсюда ихъ корабли и купцы шли на сосѣднее побережье, въ морскія гавани, гдѣ стояли позже Датосъ, Озиме и Скап-

те-Гиле, чтобы обезпечить себя, путемъ мѣны, золотомъ рудныхъ жилъ, только что открытыхъ въ большомъ количествѣ туземцами, по ихъ побужденіямъ, въ горѣ Пангеѣ.

Но обычныя морскія путешествія Сидонянъ этой эпохи не имѣли крайней границы своей въ Фазосѣ. Отдохнувъ на этомъ островѣ и снабдивъ на немъ съѣстными припасами своихъ матросовъ, они отправлялись къ сѣверу для еще болѣе смѣлыхъ путешествій. Перейдя Геллеспонтъ и Босфоръ, гдѣ воображеніе менѣе смѣлыхъ, чѣмъ Сидоняне, народовъ представляло себѣ скалы Симплегады, готовые задавить всякаго, кто вздумалъ бы пройти между ними насильно, они осмѣливались на своихъ судахъ весьма несовершенной конструкціи, презирать бури Понта Евксинскаго, столь страшныя до сихъ поръ для современныхъ мореплавателей. Идя вдоль негостепріимнаго и лишеннаго вѣрныхъ убѣжищъ сѣвернаго берега Малой Азіи,—гдѣ преданія о ихъ древнихъ факторіяхъ живо сохранялись во многихъ мѣстностяхъ еще въ классическую эпоху,—Сидоняне собирали на своемъ пути главные продукты страны и намѣревались пристать, наконецъ, въ Колхидѣ, гдѣ добывались тѣ сокровища, которыя легенда символизировала въ золотомъ руно. Дѣйствительно, сидонскіе корабли нагружались самыми различными и самыми драгоцѣнными металлическими богатствами, пріобрѣтеніе которыхъ, вызывавшее ихъ путешествія, столь далекія и по столь опаснымъ морямъ, составляло ихъ цѣль: золотомъ, которое Колхидяне сами добывали промываніями рудъ ручьевъ въ своей странѣ, и тѣмъ, которое привозили караваны съ Урала изъ страны Аримасповъ; оловомъ, необходимымъ для фабрикаціи бронзы, которое Иберы и Албанцы извлекали изъ Кавказскаго хребта; свинцомъ и серебромъ, которые встрѣчались вмѣстѣ въ другихъ частяхъ той же страны; наконецъ, металлами въ издѣліи, которые Халибы добывали въ своихъ горахъ и знаменитость которыхъ была съ тѣхъ поръ всеобща: бронзой высшаго достоинства, желѣзомъ, приготовленнымъ въ полосы, и, особенно, сталью, которой никакой другой народъ не умѣлъ въ ту пору фабриковать и которую они, полудикіе изобрѣтатели металлургіи желѣза, производили уже съ незапамятныхъ временъ.

Въ эту же самую эпоху, сидонскіе купцы посѣщали также бе-

рега Эпира, южной Италіи и Сициліи; но они, кажется, не имѣли постоянныхъ поселеній въ этой странѣ, исключая, быть можетъ, Эпира, гдѣ легенда заставляетъ героя Кадма царствовать у Энхеліянъ, Кадма, миѳическое олицетвореніе мореходцевъ сидонскаго періода въ пелазгическихъ странахъ.

IV.—Но если, въ этотъ отдаленный періодъ, большая часть морской торговли Сидона была сконцентрирована въ восточной части Средиземнаго моря, въ моряхъ Греціи и Понта-Евксинскаго, то она не ограничивалась ими единственно. Египетъ считался однимъ изъ главныхъ рынковъ Финикіянъ, и множество купцовъ изъ этого народа постоянно жило въ городахъ Дельты, также и какъ въ Мемфисѣ, гдѣ они должны были имѣть съ тѣхъ поръ свои отдѣльныя кварталы. По ту сторону Нильской долины, купеческіе корабли Сидона и зависѣвшихъ отъ нихъ, подобно Бериту, городовъ двигались впередъ, вдоль африканскаго берега въ Зевгитану, гдѣ Сидоняне основали съ тѣхъ поръ два города, служившіе имъ складочными мѣстами: Камбею, на томъ мѣстѣ, гдѣ позже возникъ Карѳагенъ, и Гиппонъ, недалеко оттуда; названіе этого послѣдняго города, на финикійскомъ языкѣ, означало мѣсто, окружонное стѣной. Только по истеченіи нѣсколькихъ вѣковъ, Финикіяне получили возможность часто посѣщать побережье Нумидіи и Мавританіи и увеличить свои поселенія въ такомъ мѣстѣ, чтобы не было на этомъ берегу другаго города, въ которомъ жители принадлежали бы къ Хананеянамъ.

V.—Таково было развитіе торговли, мореходства и колоній Финикіянъ въ теченіи пяти вѣковъ египетскаго владычества, которое было также и временемъ рѣшительнаго первенства Сидона между морскими хананейскими городами. Всѣ города зависѣли тогда политически отъ этого старшаго сына Хананана, гдѣ постоянно жилъ царь, власть котораго распространялась на весь сидонскій народъ, даже на самые важные и самые древніе города, какъ Беритъ. Одинъ Гебалъ составлялъ исключеніе, имѣлъ своего отдѣльнаго царя и не зависѣлъ, можетъ быть, ни какимъ образомъ отъ Сидона, потому что его колоніи, его торговыя поселенія, каковыми были Пафосъ на островѣ Кипрѣ и Мелосъ въ Архипелагѣ, существовали совершенно отдѣльно

отъ сидонскихъ колоній и не смѣшивались съ ними; кажется даже, какъ предположилъ то ученый Моверсъ, что эти поселенія были основаны немного позже. Впрочемъ, мы уже выше замѣтили, что, по всей вѣроятности, Гебалъ не былъ вначалѣ городомъ Сидонянъ, но метрополіей другаго народа того же происхожденія, Синеянъ.

Папирусъ Британскаго музея, свидѣтельства котораго мы сообщили, доказываетъ, что Тиръ существовалъ уже со времени XIX-ой египетской династіи и состоялъ съ тѣхъ поръ изъ двухъ частей: одной, расположенной на островкѣ, и другой—на прилежащемъ берегу. Но это былъ въ ту пору городъ лишь второстепеннаго значенія, который не заявлялъ еще себя наслѣдникомъ политическаго первенства Сидона. Однако, другой островокъ, тогда отдѣльный отъ того островка, который былъ защищенъ морской крѣпостцой, заключалъ уже въ себѣ храмъ знаменитаго бога Мелькарта, называемаго Греками тирскимъ Геркулесомъ. Этотъ храмъ, какъ разсказываетъ намъ Геродотъ по тѣмъ же самымъ лѣтописямъ Тира, былъ построенъ со времени поселенія Хананеянъ на побережьи Средиземнаго моря, въ подражаніе святилищу, какое находилось на островѣ Тирѣ, или Тилосѣ, въ ихъ первобытномъ отечествѣ на Эритрскомъ морѣ. Храмъ не имѣлъ идола, но божество было чествуемо подъ формой коническаго изумруда громаднѣйшей величины [1]). Уважаемый всѣми хананейскими народностями, храмъ Мелькарта, съ которымъ соединились миѳологическія и космогоническія преданія большой важности, былъ общимъ религіознымъ центромъ сидонскаго племени и имѣлъ для нихъ позже характеръ національнаго святилища, почти одинаковый съ тѣмъ, какой имѣлъ для Израильтянъ Іерусалимскій храмъ, начиная временемъ Саломона. Позже, онъ игралъ ту же роль для всѣхъ Финикіянъ. Ежегодно, различные города отправляли туда посольство изъ жрецовъ съ многочисленными подарками и жертвами, которые предназначались къ принесенію этому божеству.

VI.—Существованіе Сидонской монархіи, власть которой распро-

---

[1]) Геродотъ II, 44.

странялась на всѣ города, составлявшіе первопачально Финикію въ періодъ отъ XVII-го до XIII-го в. до Рожд. Хр., не заключало въ себѣ ничего такого, что противорѣчило бы верховной власти фараоновъ надъ этой страной въ туже самую эпоху. Дѣйствительно, мы видѣли, что система египетскихъ царей въ управленіи азіатскими странами, подчиненными оружіемъ, состояла въ томъ, что они оставляли существовать маленькія туземныя царства въ качествѣ вассальныхъ и подъ надзоромъ резидентовъ, избранныхъ ими изъ своихъ придворныхъ чиновниковъ. Провинціи, поставленныя въ такое положеніе, платили дань и обязывались доставлять военный контингентъ въ войско фараона. Но Сидоняне доставляли контингентъ силъ монархіи Тутмозиса, Сетиса, Рамзеса, какъ извѣстно, не сухопутнымъ войскомъ. По всей вѣроятности, они обязывались давать своему сюзерену корабли, вмѣсто отрядовъ, какъ Финикія давала ихъ позже царямъ Ассиріи и Персіи. Такъ какъ Финикіяне, въ продолженіи всей своей исторіи, вынуждались естественной необходимостью безъ труда подчиняться сюзеренству большихъ царствъ, вслѣдствіе выгодъ, какія извлекала изъ этого ихъ торговля, то и являлись всегда готовыми вооружать морскіе корабли для службы государствамъ, верховную власть которыхъ они не только принимали такимъ образомъ, но и упрочивали за собой въ то же время ихъ покровительство. Это было для Финикіянъ средствомъ имѣть отъ богатыхъ и могущественныхъ монархій значительную помощь и часто также войска, позволявшія удерживать, для покровительства своей морской торговлѣ и своимъ факторіямъ, военный флотъ, гораздо болѣе значительный, чѣмъ какой сами они могли создать и поддерживать собственными силами. Въ правленіе ассирійскихъ и персидскихъ царей, мы, такимъ образомъ, видимъ, что Финикіяне дѣлали въ пользу этихъ царей морскія завоеванія, тщетную славу которыхъ оставляли другимъ, вмѣстѣ съ номинальнымъ владычествомъ, но дѣйствительныя комерческія выгоды которыхъ они упрочивали за собой, въ награду за свое содѣйствіе. Иначе не могло быть это и въ правленіе египетскихъ царей.

Египетскій народъ никогда не былъ способенъ къ мореходству, также какъ Ассиріяне и Персы; онъ имѣлъ даже болѣе суевѣрнаго

отвращенія къ морю, на которое смотрѣлъ, какъ на нечистое, на царство Сета, злаго бога, противника Озириса. Входя на корабль, чтобы пуститься въ открытое море, египтянинъ почиталъ себя брошеннымъ на произволъ враждебнаго элемента и, въ то же время, обреченнымъ на осквернение. Египетскій народъ имѣлъ такіе предразсудки, что съ ними фараоны не могли, въ какую бы то ни было эпоху, завести мореходство. Поэтому, если Ассиріяне, въ пору наибольшаго развитія своего могущества, не пользовались никогда другимъ флотомъ на Средиземномъ морѣ, кромѣ кораблей Киликіи и Финикіи; если Персы не владѣли иными кораблями, кромѣ кораблей Киликіи, Финикіи и Іоніи, — тѣмъ болѣе основаній предполагать, что цари Египта могли на томъ же морѣ распоряжаться лишь флотомъ, снаряженнымъ и построеннымъ Финикіянами и, особенно, Сидонянами.

Итакъ, справедливо, что въ тотъ моментъ, когда египетское господство сильнѣе, чѣмъ прежде, упрочилось надъ страной морскихъ Хананеянъ, и когда, съ другой стороны, торговое могущество Сидона достигло своей высшей точки, въ правленіе Тутмозиса III, что мы показали изъ египетскихъ лѣтописей, существованіе значительнаго военнаго флота на службѣ у фараона несомнѣнно, флота, распространявшаго его власть и собиравшаго для него дани въ самыхъ отдаленныхъ отъ Египта странахъ. Этимъ флотомъ, по нашему мнѣнію, былъ флотъ Сидонянъ, походы которыхъ совершались въ удовлетвореніе гордости и славы ихъ сюзерена. И дѣйствительно, страны, въ которыхъ гіероглифическія надписи проводили передъ нами корабли Тутмозиса III совершающими походы, налагающими дани на туземныя народности и распространяющими страхъ египетскаго могущества, суть всѣ тѣ, которые, въ то же время, посѣщались Сидонянами чаще всего ради своей торговли и гдѣ они основали свои главныя поселенія. Вотъ эти страны: Кипръ, Критъ, Архипелагъ сѣверный берегъ Африки, быть можетъ, южная оконечность Италіи и побережье Понта Евксинскаго. Ежели нашей гипотезы не принимать, то совпаденіе выйдетъ по—истинѣ необыкновенное.

VII.—Но лишь только будетъ допущено, что военный флотъ фараоновъ XVIII-ой династіи на Средиземномъ морѣ былъ финикійскимъ, намъ

кажется, трудно не вѣрить, что ихъ флотъ, должно быть, господствовалъ также и въ Красномъ морѣ. Сидоняне были обязаны также вести свои военные корабли, на которыхъ перевозили войска, посылаемыя Египтомъ для подчиненія и удержанія въ повиновеніи Пунской страны, т. е. южной Аравіи, складочнаго мѣста всѣхъ драгоцѣнныхъ произведеній Индіи: металловъ, камней, цѣнныхъ деревъ, пряностей и слоновой кости, обязаны были вести также и корабли коммерческіе, совершавшіе обыкновенно рейсы между портами этой благословенной страны и египетскими. Навигація по Красному морю самая трудная и требуетъ весьма опытныхъ мореходцевъ; когда позже цари XXVI-ой династіи хотѣли преобразовать на немъ мореходство, то вынуждены были обратиться къ Финикіянамъ. Наконецъ, когда Библія намъ показываетъ, вслѣдъ за союзомъ Хирама съ Саломономъ, тирскихъ матросовъ, ведущихъ флотъ, который израильскій монархъ приказалъ построить для торговли съ Офиромъ въ своихъ портахъ, Элатѣ и Азіонгаберѣ, то успѣхъ перваго похода, совершающагося безъ малѣйшаго препятствія, довольно ясно указываетъ, что Финикіяне не пускались тогда въ море имъ совершенно неизвѣстное, что они должны были имѣть объ этихъ странахъ свѣдѣнія, восходившія къ предшествовавшимъ навигаціямъ, и что, безъ сомнѣнія, Тиряне Хирама совершили снова лишь то, что Сидоняне, ихъ предшественники, дѣлали нѣсколько вѣковъ раньше вмѣстѣ съ Египтомъ.

§ 3.—Упадокъ сидонскаго могущества.

(XV-ый и XIV-ый вѣка).

Нашествіе Израильтянъ и Филистимлянъ.—Разрушеніе Сидона.

(1209).

I.—Изученіе историческихъ памятниковъ Египта воскрешаетъ передъ нами великое событіе, которое происходитъ около средины XV-го вѣка до христіанской эры, въ правленіе фараона Сетиса I или немного раньше него, въ бассейнѣ Средиземнаго моря, это—возникновеніе мореходства у пелазгическихъ народовъ, прибытіе въ Африку

іафетическихъ Ливіянъ, напавшихъ на эту страну съ моря, и первое ихъ поселеніе на берегахъ Тритонскаго озера, чисто арійское названіе котораго нисколько не объяснялось въ сѣверной Африкѣ до обнаруженія этихъ фактовъ. Съ тѣхъ поръ и въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, Пелазги Архипелага, Греціи и Италіи, Филистимляне Крита, Сикуляне, Сардоняне, Ливіяне и Максіяне Африки, соединившіеся, несмотря на раздѣлявшія ихъ морскія пространства, въ узы тѣсной конфедераціи, поддерживаютъ между собой постоянныя и весьма частыя отношенія, которыя необходимо предполагаютъ дѣятельную взаимную торговлю и весьма значительное развитіе навигаціи, и, въ то же время, позволяютъ объяснить важность, до сихъ поръ совершенно непонятную, ливійскихъ басенъ въ древнѣйшихъ религіозныхъ воспоминаніяхъ Греціи, культы Аѳины Тритонской и Посейдона Ливійскаго. Могущество ливіе-пелазгической конфедераціи быстро возрастало. Въ своей высшей степени развитія, оно находилось въ началѣ XIV-го вѣка, когда Ливіяне и Максіяне, послѣ постояннаго распространенія своего по направленію къ Египту и даже къ западной части Дельты, въ теченіи всего царствованія Рамзеса II, напали въ правленіе Меренптага, на Нижній Египетъ, по ту сторону Мемфиса, за одно съ Тирренцами и Ахеянами, такъ что едва не завоевали его.

Подобный переворотъ не могъ совершиться въ тѣхъ моряхъ, гдѣ сидонскіе корабли господствовали до сихъ поръ, какъ исключительные хозяева, безъ того, чтобы его морское и торговое могущество не потерпѣло бы сильнаго ущерба. Это было для великаго финикійскаго города началомъ упадка. Отнынѣ, Сидоняне имѣли страшныхъ соперниковъ, явившихся, безъ сомнѣнія, по ихъ примѣру, на томъ полѣ, которое долго эксплоатировали они одни, и не только соперниковъ, но даже естественныхъ враговъ, которые не могли ограничиться заявленіемъ лишь о своей конкуренціи, которые должны были, напротивъ, положить себѣ цѣлью преслѣдовать ихъ и употребить всѣ усилія для того, чтобы запереть имъ путь во всѣ прежде посѣщаемыя ими страны. Морской разбой началъ съ тѣхъ поръ опустошать моря Греціи, мореходство не стало болѣе представлять достаточной безопастности. Малыя сидонскія поселенія въ Архипелагѣ падали

другъ за другомъ отъ нападеній островныхъ туземцевъ и пелазгическихъ корсаровъ. Значительныя поселенія, по крайней мѣрѣ, чтобы защититься противъ серьезнаго нашествія, поселенія въ родѣ Тера, Мелоса, Фазоса, могли отстоять себя собственными силами. быть можетъ, Сидоняне были бы въ состояніи удержать даже тогда еще свое первоначальное положеніе, если бы фараонъ, ихъ сюзеренъ, доставилъ имъ, какъ то было во времена Тутмозиса III, средства деньгами, вещами и людьми, чтобы снарядить многочисленный военный флотъ, носящій свой флагъ. Но египетская монархія совершенно необращала вниманія на дѣла мореходства въ теченіи мятежей конца XVIII-ой династіи, и мы видѣли, что первые цари XIX-ой, если они и возвратили странѣ на континентѣ все ея древнее военное могущество, то, кажется, не придавали такого же значенія образованію наново флота и возвращенію господства на Средиземномъ морѣ. Итакъ, Сидоняне, чтобы защищать свою торговлю и свои поселенія оказались предоставленными собственнымъ силамъ, которыхъ не достаточно для поддержанія себя противъ постоянно возроставшихъ силъ ливійско-пелазгической конфедераціи.

II.—Первыя начала мореходства у греческихъ народностей, ихъ первыя усилія выйти на путь серьезныхъ и далекихъ морскихъ путешествій, остававшихся до тѣхъ поръ монополіей сидонскихъ Финикіянъ, быстрый успѣхъ этихъ усилій, словомъ, рѣшительные факты, о которыхъ мы только что сказали, ясно представлены въ легендарныхъ преданіяхъ эллинскаго племени басней объ Аргонавтахъ. Эта басня, ставшая центромъ цѣлаго поэтическаго цикла, составляется изъ двухъ разсказовъ весьма различныхъ, относившихся къ морскимъ путешествіямъ въ двѣ діаметрально противоположныя страны, которыя легенда позже, какъ это часто случается, соединила, перемѣшала одну съ другой, при посредствѣ фантастической географіи. Одинъ изъ этихъ разсказовъ относится къ сношеніямъ съ Ливіей и, особенно, съ областью Тритонскаго озера. Другой, и это самая важная часть басни, показываетъ намъ Аргонавтовъ направляющимися къ сѣверу; они проходятъ Босфоръ, минуютъ опасности Симплегадовъ, смѣло вступаютъ въ Понтъ-Евксинскій и идутъ въ Колхосъ, гдѣ ихъ вождь похищаетъ зо-

тое руно. Такимъ образомъ, Пелазги Греціи, едва научившіеся мореходству, намѣреваются захватить въ свои руки богатства Колхиды, о которыхъ они, безъ сомнѣнія, слышали отъ Финикіянъ разсказы возбудившіе въ нихъ жажду къ самообогащенію. Въ эту-то сторону они и направляютъ свои первыя странствованія и на самомъ дѣлѣ успѣваютъ овлѣдѣть морской торговлей того края, который изобиловалъ столькими сокровищами. Современи Аргонавтовъ, не подымается уже болѣе вопроса объ обычныхъ путешествіяхъ Финикіянъ въ Черное море до Колхиды, это—страна, изъ которой они были вытѣснены, и Фазосъ становится крайнимъ предѣломъ ихъ торговли на сѣверѣ.

III.—Вскорѣ послѣ этого, другой изъ тѣхъ великихъ переворотовъ, которые двигаютъ однихъ народовъ на другихъ и производятъ ихъ переселенія, прогналъ Ханапеянъ, земледѣльцевъ Палестины, изъ ихъ жилищъ и совершенно измѣнилъ политическія условія этой страны. То было нашествіе Израильтянъ подъ начальствомъ Іисуса Навина. Оно не коснулось прямо Сидонянъ, съ которыми Іисусъ Навинъ старался, кажется, не вступать въ борьбу, такъ какъ Библія показываетъ намъ его остановившимся на ихъ границѣ въ своемъ преслѣдованіи союзныхъ съ царемъ Газоромъ правителей. Но Сидоняне необходимо почувствовали его слѣдствіе. Тридцать одно маленькое государство хананейское было разрушено въ Палестинѣ, самая большая часть народа изрублена, а остатокъ его прогнанъ къ берегу нашествіемъ Израильскаго народа. Территорія Сидонянъ, пощаженная нашествіемъ, служила единственнымъ убѣжищемъ для всѣхъ этихъ бѣглецовъ. Итакъ, вслѣдствіе завоеванія Евреями Обѣтованной Земли, Финикія оказалась, переполненной массами народностей, привыкшихъ къ земледѣлію и вытѣсненныхъ съ внутреннихъ полей, народностей, которыхъ узкая почва Финикіи не была въ состояніи ни держать, ни питать и которыхъ тѣмъ болѣе не было возможности опять поселить оружіемъ въ ихъ древнихъ жилищахъ.

Совевшенно сходный фактъ случился, нѣсколько вѣковъ позже, въ исторіи Греціи. Іоняне, прогнанные въ Аттику дорійскимъ нашествіемъ, оказались слишкомъ многочисленными, чтобы имъ можно было всѣмъ тамъ жить. Надо было, чтобы часть изъ нихъ рѣшилась

покинуть Европу и идти искать новое отечество на берегу Малой Азіи, гдѣ были основаны ими великолѣпные іонійскіе города. Въ лѣтописяхъ человѣчества, одни и тѣ же причины, по непреложному, кажется, закону, производятъ одинаковыя слѣдствія. То, что случилось въ Аттикѣ съ іонійской народностью во время нашествія Дорянъ, совершенно сходно съ тѣмъ, что случилось въ Финикіи съ земледѣльческими хананейскими народностями во время вторженія Израильтянъ. Необходимость требовала перевести изъ внутреннихъ земель бѣглецовъ, которые не могли оставаться въ Финикіи, и поселить ихъ въ странахъ, гдѣ была бы для нихъ возможность благоденствовать, отдаваясь обработкѣ земли. Такимъ образомъ, Сидоняне принуждены были въ этотъ моментъ основать настоящія колоніи, занимавшія всю почву страны, въ которой они намѣрены были поселиться, прогоняя съ нея туземцевъ и занимаясь тамъ земледѣліемъ, колоніи, весьма непохожія на тѣ комерческія поселенія, какія имѣли обыкновеніе основывать Финикіяне.

IV. —Первая изъ этихъ колоній была основана въ Ѳивахъ, въ Беотіи, миѳическій основатель которой въ греческой легендѣ называется Кадмомъ; имя этого героя доказываетъ семитическое происхожденіе и означаетъ „восточный“; онъ олицетворяетъ постоянно въ Греціи финикійскихъ мореходцевъ сидонскаго періода. Авторъ настоящаго „Руководства“ старался, въ спеціальномъ изслѣдованіи, опредѣлить положительно историческій характеръ и время основывая колоніи въ Ѳивахъ. Она совершенно не имѣла успѣха. Враждебно встрѣченная туземнымъ населеніемъ, которое было и численно, и воинственно, колоніи пришлось бороться съ первыхъ же шаговъ съ величайшими трудностями и, по истеченіи недолгаго времени, она была подавлена. Это сопротивленіе туземцевъ, какого иногда изъ чисто торговыхъ поселеній Финикіянъ прежде не встрѣчало, также живо символизировано въ миѳологическомъ разсказѣ о борьбѣ Кадма со зміемъ, сыномъ Марса. Но Навзаній сохранилъ намъ на эту тему чисто историческое преданіе, лишенное всякой примѣси религіозныхъ идей; по его разсказу, во время прибытія Кадма и сидонскихъ колонистовъ, Беотія была населена Аонами и Гіянтами; эти послѣдніе пытались сопротивляться иноземнымъ пришельцамъ, но были побѣждены и прогнаны изъ

страны. Аоны, напротивъ, проученные своей судьбой, подчинились и смѣшались съ Финикіянами. Несогласіе, поднятое такимъ образомъ между первобытными жителями прибытіемъ ханаейскихъ колонистовъ, представлено въ миѳологической легендѣ о боѣ, которому предаются, по пришествіи Кадма, Спартанцы, рожденные землей. Съ этихъ поръ, рожденные землей Спартанцы, которыхъ басня заставляетъ выйти изъ этого боя живыми и которые дѣлаются спутниками Кадма, являются представителями главныхъ аонійскихъ семействъ, принявшихъ чужеземное господство.

Кадмъ не долго остаетсгя мирнымъ владѣльцемъ своего царства,—онъ былъ вскорѣ прогнанъ и принужденъ возвратиться къ Эхеліянамъ. Туземный элементъ опять беретъ верхъ; послѣ отнятія власти у Финикіянъ и полученія отъ нихъ благъ цивилизаціи, онъ снова дѣйствуетъ противъ нихъ и ищетъ изгнанія ихъ. Сынъ одного изъ спартанцевъ, связанныхъ родствомъ съ семействомъ Кадма, Пенфей, дитя Эхіона, занимаетъ престолъ послѣ финикійскаго героя. Но скоро азіатскій элементъ снова пріобрѣтаетъ первенство во имя религіи, Пенфей былъ убитъ Вакханками въ одной изъ тѣхъ оргій восточнаго происхожденія, какія передали Финикіяне Беотійскому народу. Тогда Полидоръ, котораго называютъ сыномъ Кадма, потомокъ ханаейской династіи, получилъ скипетръ. Всегда, въ греческомъ преданіи, слѣдуетъ рядъ смѣнъ потомковъ Кадма потомками Спартанцевъ, рядъ, продолжающійся до Эдипа. Во всей этой исторіи, имена царей и ихъ послѣдовательная преемственность имѣетъ очень мало значенія. Но что, кажется, самымъ очевиднымъ образомъ слѣдуетъ изъ разсказаннаго, такъ это существованіе двухъ соперничавшихъ династій, которыя, съ различными шансами, спорили за престолъ въ теченіи почти трехъ столѣтій послѣ основанія колоніи Сидонянами въ этомъ городѣ; одна изъ этихъ династій была финикійской, а другая туземной.

Несчастія Эдипа и его семейства, невольныя преступленія его и его сыновей не принадлежатъ области исторіи. Они чисто относятся къ миѳологіи, которую Греки всегда имѣли обыкновеніе смѣшивать съ преданіями своихъ первобытныхъ лѣтописей такимъ образомъ, что

нельзя часто отличить того, что принадлежитъ исторіи и что религіи. Единственное же, что можно разобрать въ этой части разсказа о кадмейцахъ, это—глубокое отвращеніе, какое ихъ иноземное происхожденіе, и ихъ культъ, запечатлѣнный еще всѣмъ варварствомъ и всѣмъ неприличіемъ восточныхъ народовъ, внушали Грекамъ, которыхъ, однако, были они наставниками. Въ эллинскихъ преданіяхъ, поэтому, суевѣрный ужасъ соединяется съ воспоминаніемъ о царяхъ кадмскаго племени. Они-то и доставляютъ наибольше сюжетовъ для древней трагедіи. Съ ихъ именами соединяются тысячи странныхъ и чудовищныхъ исторій. Всѣ нечистые и безнравственные мивы финикійской религіи становятся въ устахъ народа дѣйствительными преступленіями, которыя они приписывали кадмейцамъ.

Но что снова входитъ въ область исторіи, такъ это несогласіе, слѣдующее за царствованіемъ Эдипа, обращеніе одного изъ царей финикійской династіи къ великодушію вождей греческихъ народовъ помочь ему сразить своего счастливаго соперника и готовность этихъ вождей отвѣтить на такое обращеніе. Походъ, направляемый Полиникомъ, неудается, но война противъ Ѳивъ не только служитъ для Грековъ предлогомъ сломить самолюбіе одного изъ потомковъ Кадма, но и сокрушить самое могущество чужеземной династіи. Въ такомъ случаѣ, это причина національная, и въ ней должно видѣть новый актъ борьбы Греціи за освобожденіе отъ нравственнаго и политическаго преобладанія Азіи, борьбы, второй актъ которой оканчивается взятіемъ Трои, а третій—изгнаніемъ Пелопидовъ Дорянами. Поэтому, спустя десять лѣтъ, послѣ неудачи Семи Вождей, мы опять видимъ Эпигоновъ являющимися подъ стѣнами Ѳивъ, и въ этотъ разъ могущество кадмянъ было навсегда уничтожено. Самое большее число потомковъ ханаанскихъ колонистовъ удаляется съ Лаодамомъ. Сынъ Полиника, Терзандръ, что вполнѣ справедливо, былъ возведенъ опять на престолъ, но власть его продолжалась не долго. Онъ пытается заставить забыть свое чужеземное происхожденіе, принимая участіе въ походѣ Грековъ противъ Трои, но убитъ былъ въ Мизіи, въ началѣ войны. Ѳиване принимаютъ тогда республиканскую форму правленія.

V –.Вторая, основанная Сидонянами, колонія, вслѣдствіе еврейскаго

нашествія на Палестину, имѣла цѣлью дать новое отечество бѣглецамъ, скучившимся на ихъ территоріи, была многочисленнѣе и важнѣе, чѣмъ Ѳивская. Эта колонія имѣла также и участь совершенно иную. Она была основана въ Африкѣ. Національное преданіе жителей Бизацены и Зевгитаны, наоборотъ, считало почетнымъ происхожденіе свое отъ Хананеянъ южной Палестины, принужденныхъ выселиться изъ отечества передъ Израильтянами; главнымъ образомъ, это были Гергезеяне и Іевусеяне [1]); и нѣтъ серьезныхъ причинъ возставать противъ достовѣрности этого преданія; новѣйшіе ученые, мнѣніе которыхъ можетъ имѣть вѣсъ въ подобныхъ вещахъ, какъ Моверсъ и Мункъ [2]), не колеблятся его принять Сидоняне, весьма естественно, должны были прійти къ сознанію необходимости поселенія своихъ бѣглецовъ въ этой странѣ, потому что они сами основали уже тамъ города Гиппонъ и Камбею. Сверхъ того, колонисты должны были быть поставлены въ особенно благопріятныя условія, такъ какъ они нашли тамъ первую основу населенія, гораздо раньше завладѣвшую землей и принадлежавшую къ ихъ племени. Изслѣдованія Моверса, дѣйствительно, доказали, что, вслѣдствіе нашествія Пастуховъ на Египетъ, нѣкоторыя хананейскія кочующія и земледѣльческія племена продолжали свое миграціонное движеніе къ западу и двинулись впередъ по сушѣ, вдоль африканскаго берега, гдѣ, наконецъ, остановились въ плодоносныхъ мѣстахъ, позже послужившихъ территоріей Карѳагена.

Эти два слоя хананейскаго земледѣльческаго элемента, которые не могли смѣшаться съ Финикіянами, отдавшимися, главнымъ образомъ, торговлѣ и мореходству, смѣшиваются въ странѣ ими занимаемой съ іафетическими племенами Ливіянъ, пришедшихъ изъ мѣстности, окружавшей Тритонское озеро. Изъ нихъ вышелъ великій культурный и воинственный народъ Ливіе-финикіянъ, въ которомъ Карѳагенъ черпалъ главный элементъ своего военнаго могущества, на-

---

[1]) *Procop.*, Bell. Vandal II, 20.—*Syncell.* стр. 87.—См. то, что говоритъ Талмудъ объ Іерусалимѣ, Scheb. c. 6, f. 35 и Талмудъ о Вавилонѣ, Sanhedr. c. II. f. 92.

[2]) Palestine, стр. 81.

родъ смѣшанный, имѣвшій черты можетъ быть, болѣе ливійскіе, чѣмъ финикійскіе, но слѣдовавшій правамъ и религіи Ханаана и говорившій еще исключительно финикійскимъ языкомъ въ то время, когда святой Августинъ правилъ Гиппонской церковью. Этотъ народъ достигъ такого благосостоянія на плодоносной почвѣ, гдѣ онъ образовался, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ выдѣлилъ позже изъ своей среды многочисленныя толпы колонизовать нѣкоторыя мѣстности Испаніи, часть Мавританскаго берега и западное побережье Азіи до мыса Нуна, считалъ на своей еще мало распространенной территоріи Бизацены и Зевгитаны въ тотъ моментъ, когда загорѣлась борьба между Карѳагеномъ и Римомъ, болѣе 300 цвѣтущихъ и населенныхъ городовъ. На одной рѣкѣ Тускѣ, составлявшей границу Ливіе-финикіянъ и Нумидянъ, стояло 70 городовъ. Мы встрѣтимъ опять Ливіе-финикіянъ, когда коснемся исторіи Карѳагена; здѣсь же было необходимо указать на то участіе, какое принимали въ образованіи этого народа гонимые эмигранты, Гергезеяне и Іевуссяне, которыхъ Іисусъ Навинъ вытѣснилъ изъ Палестины.

VI.—Нашествіе Израильтянъ слѣдовало тотчасъ за нашествіемъ Филистимлянъ, пришедшихъ моремъ изъ Крита. Мы разсказали это въ книгѣ о Египтѣ по историческимъ картинамъ и надписямъ дворца Мединетъ-Абу. Намъ достаточно здѣсь напомнить лишь, что Филистимляне, происшедшіе изъ іафетической расы, были однимъ изъ народовъ Ливіе-пелазгической конфедераціи; что въ правленіе фараона Рамзеса III, они покинули, Критъ и хотѣли броситься на Палестину. Рамзесъ побѣдилъ Филистимлянъ и уничтожилъ флотъ, который принесъ ихъ. Но не зная, что дѣлать съ цѣлымъ этимъ народомъ, обращеннымъ имъ въ плѣнниковъ, онъ принужденъ былъ дать ему земли и поселить его на побережьи вокругъ Газы, Азота, Аскалона, Гата и Аккарона. Это случилось въ послѣдніе годы XIV-го вѣка до христіанской эры.

Филистимляне, безъ сомнѣнія, опять побуждаемые новыми переселеніями, отправлявшимися съ острова Крита, быстро выросли въ числѣ въ теченіи вѣка, пользуясь паденіемъ Египта въ правленіе лѣнивыхъ царей XX-ой династіи. Въ то же время, когда на сушѣ уве-

личеніе Филистимлянской народности доставило ей возможность имѣть страшную военную силу, она создала у себя мореходство. По прошествіи столѣтія, могущество этой народности сдѣлалось довольно велико, чтобы ей можно было претендовать на господство во всей южной Сиріи и осмѣлиться воевать съ Израильтянами, которыхъ хотѣли равно подчинить своей власти. Счастливыя предпріятія и нѣсколько славныхъ побѣдъ позволили Филистимлянамъ сдѣлаться въ короткое время повелителями страны Евреевъ и заставить ихъ нести ярмо угнетенія, которое тяготѣло надъ ними болѣе полустолѣтія. Около того же времени, когда началось это угнетеніе, или, быть можетъ, за нѣсколько годовъ раньше, но, во всякомъ случаѣ, въ 1209 г. до христіанской эры, филистимлянскій флотъ, отправившійся изъ Аскалона явился внезапно передъ Сидономъ, который не былъ приготовленъ къ защитѣ, завоевалъ и разрушилъ великій финикійскій городъ, старшаго сына Ханаана [1]).

Это разрушеніе заключаетъ собой первую эпоху финикійской исторіи.

---

[1]) Justin, XVIII, 3.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Тирская эпоха.

§ 1.—Начало верховнаго владычества Тира.—Колоніи въ Сициліи, Африкѣ и Испаніи.

(1209—1051).

I.— Филистимляне, удовлетворенные разрушеніемъ морскаго владыки, наслѣдство котораго, они полагали, съ тѣхъ поръ быстро перейдетъ къ ихъ городу Аскалону, возвратились, не занимая Финикіи войсками, какъ это они сдѣлали со страной Евреевъ. Сидоняне поэтому могли отдохнуть и, черезъ нѣсколько лѣтъ, оправить сяотъ разрушенія, убившаго ихъ могущество.

Сидонскіе бѣглецы собрались всѣ въ Тирѣ вокругъ храма Мелькарта, считавшагося какъ мы уже сказали это, религіознымъ центромъ націи, и помѣстились такимъ образомъ подъ покровительствомъ своего бога. Тиръ былъ до тѣхъ поръ второстепеннымъ городомъ; вслѣдствіе этихъ событій, онъ совершенно измѣнилъ вдругъ свой характеръ. Населеніе болѣе чѣмъ удвоилось; городъ сдѣлался политическимъ центромъ страны, какъ былъ уже религіознымъ, и во всемъ наслѣдовалъ первенство и благосостояніе Сидона. Многіе историки классической древности также считали 1209-ой годъ годомъ его дѣйствительнаго основанія.

Особенно континентальный городъ, Палетиръ, воспользовался слѣдствіями разрушенія Сидона. Онъ одинъ только могъ распространить такъ далеко свою окружность, чтобы удержать многочисленное населеніе, которое туда сбѣжалось. Островокъ, занимаемый другой частью города, былъ тогда еще слишкомъ узокъ, чтобы вмѣщать много

жителей; сверхъ того, онъ не имѣлъ достаточно прѣсной воды, какъ и встарь, согласно съ описаніемъ египетскаго путешественника эпохи XIX-ой династіи. Но на сѣверной сторонѣ своей, этотъ островокъ и островокъ Мелькарта имѣли великолѣпный естественный портъ, который могъ давать убѣжище многочисленному флоту, между тѣмъ какъ берегъ континента не имѣлъ его. Арсеналы и всѣ учрежденія, относящіеся къ мореходству, также сконцентрировались вокругъ этого порта Съ тѣхъ поръ и, покрайней мѣрѣ, въ продолженіе двухъ вѣковъ, Тиръ состоялъ изъ трехъ частей, отдѣленныхъ одна отъ другой водами: города, такъ собственно называемаго, находившагося на берегу въ томъ мѣстѣ, которое носитъ теперь названіе Расъ-эль-Анна, морского города, располагавшагося на первомъ островкѣ, наконецъ жреческаго, занявшаго окрестности храма Мелькарта—на второмъ островкѣ, выдвигавшемся немного впередъ, посреди моря.

II.—Событія 1209-го года начинаютъ собой новый періодъ въ исторіи Финикіи, періодъ преобладанія Тира, продолжающійся до осады этого города Саріукиномъ, царемъ Ассиріи, т. е. въ теченіи пяти вѣковъ. Теперь только дѣйствительно образуется финикійскій народъ, потому что, до этой эпохи, онъ исключительно состоялъ изъ однихъ Сидонянъ. Во время господства почти надъ всей Сиріей, Хананеяне видѣли себя, въ прододженіи XIV и XIII-го столѣтія, окруженными положительно со всѣхъ сторонъ врагами, которые отняли у нихъ большую часть территоріи. Евреи завоевали Палестину, Филистимляне разрушили Сидонъ, съ сѣверной границы, Арадеяне, въ свою очередь, отняли Гаматъ и, покоривъ или уничтоживъ хананейскую націю, которая его занимала, отдѣлили такимъ образомъ жителей Ливанской страны отъ Геѳсянъ Амана и нижняго Оронта. Этотъ рядъ несчастій окончился тѣмъ, что появились нѣкоторые народы хананской расы, жившіе до тѣхъ поръ къ сѣверу отъ Палестины. Они поняли, что оставаться въ состояніи раздробленности и взаимной безпомощности значило отдать себя на вѣрную добычу чужеземному завоеванію, и что единственное средство сохранить свою независимость, свою жизнь оставалось въ необходимости сгруппироваться въ одно тѣло, поддерживаемое прочными политическими связями. Отсюда про-

изошла нація Финикіянъ. Народности, занимавшія различныя части Ливана, Семареяне, Сипеяне, Аркеяне, также какъ и хананейскіе города, удержавшіеся на берегу Галилеи, подобно Ако, соединились, чтобы образовать одинъ народъ съ Сидонянами, остававшимися въ ту пору еще весьма могущественными, несмотря на ихъ недавнее пораженіе.

Всѣ первостепенные города, Симира, Симронъ, Гебалъ, Беритъ, Сидонъ, который скоро поднялся опять изъ развалинъ, сохранили свою полную мѣстную автономію и свою древнюю форму правленія. Эта форма была монархической, ограниченной общими собраніями богатыхъ гражданъ и особенными совѣтами изъ жрецовъ и сановниковъ, пользовавшихся извѣстнымъ вліяніемъ. Эти сановники ходили рядомъ съ царями въ общественныхъ церемоніяхъ, и послѣдніе условливались съ ними объ отправленіи пословъ въ Тиръ, къ центру націи. Жрецы также принимали большое участіе въ управленіи. Мы не можемъ теперь рѣшить, до чего простирался ихъ авторитетъ; но если судить о немъ по роли, какую играли въ Іудеѣ финикійскіе жрецы Ваала, то онъ былъ весьма могущественъ. Учрежденія Гебала, или Библоса, остались совершеннѣйшимъ типомъ этихъ монархическихъ правленій, смягчаемыхъ формами въ высшей степени аристократической свободы.

Но цари различныхъ городовъ были всѣ подчинены верховной власти и первенству царя Тира, единаго и истиннаго вождя націи, который, въ этомъ настоящемъ званіи, провозглашался, »царемъ Сидонянъ [1])«. Только онъ рѣшалъ вопросы, касавшіеся общихъ интересовъ Финикіи, ея торговли и ея колоній, заключалъ договоры съ сосѣдями и располагалъ морскими и военными силами конфедераціи. При немъ присутствовали депутаты отъ другихъ городовъ, потому что ежегодные представители ихъ въ храмѣ Мелькарта получили съ этого времени политическій характеръ.

---

[1]) Въ текстахъ, относящихся къ этой эпохѣ, необходимо различать тщательно „царя Сидонянъ“, бывшаго царемъ Тира, отъ его вассала, „царя Сидона“, мѣстнаго правителя древней метрополіи, отошедшей на второй планъ.

Одни Арадеяне продолжали жить отдѣльно. Безъ сомнѣнія, они соединены были условіями болѣе тѣснаго союза съ другими Финикіянами, они сообщались съ ними изъ-за выгодъ лишь свой торговли и своихъ мореплаваній. Но весьма достовѣрныя указанія позволяютъ думать, что они не были подчинены авторитету тирскихъ царей.

Тиръ былъ тогда первымъ портомъ Финикіи, главнымъ очагомъ торговыхъ операцій, центромъ политической жизни. Все его населеніе, и населеніе другихъ городовъ посвящало себя мореходству, но населенія не доставало даже для снаряженія экипажей кораблей, такъ было оно малочисленно, Надо было набирать матросовъ извнѣ, главнымъ образомъ, въ странѣ Арада. Сухопутное войско, большая часть котораго употреблялась для поддержанія и защиты колоній и торговыхъ поселеній, состояла всецѣло изъ наемныхъ чужеземцевъ. Отрядъ Арадеянъ служилъ гвардіей самому городу Тиру. Другіе отряды, по драгоцѣннымъ указаніямъ пророка Езекіиля (глава XXVII), были преимущественно набираемы изъ Ливіе-финикіянъ и населеній, сосѣднихъ съ африканскимъ побережьемъ. Однако, тамъ встрѣчаются также отряды Лидійцевъ, вызывавшіеся изъ Малой Азіи.

III.—Соединеніе различныхъ хананейскихъ городовъ въ единую конфедерацію, въ одно національное цѣлое, направляемое тирскимъ царемъ, было результатомъ событій, отмѣтившихъ конецъ XIII-го столѣтія, и должно было совершиться въ теченіи пятидесяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за разрушеніемъ Сидона, періода Финикійской исторіи, о которомъ свидѣтельства классической древности и восточные памятники положительно умалчиваютъ. Дѣйствительно, мы видимъ установившимся новый порядокъ вещей, когда, въ серединѣ XII-го вѣка, снова появляются извѣстія о Финикіянахъ, и когда Тиръ, утвердившійся съ тѣхъ поръ на своей собственной территоріи, вступаетъ на путь великихъ морскихъ экспедицій, прерванныхъ на нѣкоторое время разрушеніемъ Сидона.

Главное направленіе этихъ новыхъ морскихъ экспедицій не могло болѣе оставаться тѣмъ же самымъ, какимъ было оно во время сидонскаго владычества. Всякая надежда снова возвратить господство на Архипелагѣ и моряхъ Греціи, съ этихъ поръ, стала безразсудной.

Возникновеніе могущества Дарданов на противоположномъ Ѳракіи берегу Азіи, начало мореходства Карійцевъ на югѣ Малой Азіи и на Спорадскихъ островахъ, почти всѣхъ ими завоеванныхъ, наконецъ, проявленіе могущества монархіи Пелопидовъ въ Греціи довершили дѣло, начатое первыми успѣхами пелазгическихъ народовъ, чтобы овладѣть моремъ. Послѣднія финикійскія поселенія въ этихъ странахъ пали вслѣдъ за паденіемъ Сидона; остались только поселенія Теры, Мелоса, Камира и Ялиза на островѣ Родосѣ, наконецъ, Фазосъ, но всѣ въ полномъ упадкѣ. Гомерическія поэмы рисуютъ передъ нами весьма точно положеніе вещей въ эту эпоху. Безъ сомнѣнія, они говорятъ еще о посѣщеніяхъ финикійскихъ купцовъ, но показываютъ уже ихъ перешедшими изъ состоянія распорядителей моря въ простыхъ негоціантовъ, очень часто преслѣдуемыхъ туземными населеніями и предоставленныхъ всѣмъ опасностямъ пиратства, которымъ сами они, въ свою очередь, изъ мести и ради препятствій, часто занимались; въ тоже время, моряки изъ Тафіянъ плавали по всему Архипелагу, то какъ купцы, то какъ морскіе разбойники, съ намѣреніемъ захватывать въ рабство людей даже въ портахъ Сидона.

IV.—Финикіяне не могли довольствоваться торговлей, ставшей въ такія условія; она могла имѣть для нихъ только второстепенное значеніе. Чтобы снабжать свои рынки, чтобы поддержать свое морское могущество, имъ надо было искать другихъ морей, гдѣ представлялась бы возможность господствовать въ качествѣ исключительныхъ хозяевъ, другихъ странъ, гдѣ могли бы они забирать всѣ продукты въ свои руки и обезпечивать себя, безъ конкурренціи и безъ опасностей со стороны пиратовъ, необходимыми въ торговлѣ и промышленности металлами. Они ищутъ ихъ на западѣ, идя вдоль берега Африки, гдѣ уже въ сидонскій періодъ были основаны торговые пункты, Гиппонъ и Камбея, и куда переселены были колонисты, положившіе начало Ливіе-финикійской націи.

Въ 1158 г., новый важный городъ основали Тиряне на берегу Зевгитаны. Это была Утика [1]). Но вскорѣ, финикійскіе мореходцы,

[1]) *Aristot.* De mirab auscult. 146.

отправившіеся для новыхъ и болѣе далекихъ экспедицій изъ портовъ этой страны, гдѣ съ этихъ поръ они могли снабжаться съѣстными припасами, начали посѣщать побережье Нумидіи и Мавританіи и старались мало по малу узнавать Испанію; тамъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Утики, ими былъ основанъ городъ Гадесъ, теперь Кадиксъ.

Страбонъ [1]) разсказываетъ, по оригинальнымъ лѣтописямъ Гадитанцевъ, что, спустя нѣсколько времени послѣ открытія Испаніи, оракулъ приказалъ Тирянамъ отправить колонію къ Геркулесовымъ Столпамъ. Достигнувъ Кальпеи, т. е. Гибралтарскаго пролива, мореходцы считали себя на концѣ міра; они причалили къ тому мѣсту, гдѣ позже былъ основанъ городъ Сексъ, и, послѣ принесенія жертвы, когда предзнаменованія оказались неблагопріятными, возвратились въ Тиръ. Спустя нѣсколько времени, новые колонисты были посланы въ ту же сторону. Эти послѣдніе перешли проливъ и остановились у маленькаго острова, находившагося подлѣ Онуба, между Кальпеей и Гадесомъ; но въ этотъ разъ, такъ какъ предзнаменованія были опять неблагопріятны, они сѣли на корабли и возвратились въ Тиръ. И только при третьей попыткѣ могло, наконецъ, удаться поселеніе. Въ эту послѣднюю экспедицію, болѣе важную, чѣмъ двѣ предшествующія, проливъ былъ пройденъ и основаны двѣ колоніи на двухъ сосѣднихъ островахъ; изъ нихъ одна получила названіе Гадеса, по финикійски *Iadur* что значитъ »мѣсто закрытое и укрѣпленное«; вторую колонію мы знаемъ только по ея греческому названію, Эритіи, которое можетъ быть переводомъ финикійскаго.

V.—Народности Бетики, вошедшія съ Тирянами въ тѣсныя отношенія, вслѣдствіе основанія этихъ колоній, назывались на своемъ собственномъ языкѣ тѣмъ именемъ, которое греческіе и латинскіе авторы писали *Turti*, *Turdet-ani*, *Turtyt-ani*, *Turd-uli*. Финикіяне отождествляли это названіе съ именемъ Тарсиса, извѣстнымъ въ древнѣйшихъ географическихъ преданіяхъ и прилагавшимся первоначально къ Италіи, странѣ Пелазговъ Тирренскихъ. Изъ Тарсиса Греки произвели Тартесъ, когда въ 640 г. до христіанской эры, Колей Самосскій

[1]) III, стр. 169 и слѣдующія.

открылъ тирскія поселенія Бетики и заставилъ эллинскія народности узнать ихъ, для которыхъ поселенія оставались до того времени покрытыми мракомъ басенъ. Новый Тарпссъ, т. е. Испанія, быстро становится, по основаніи Гадеса, »однимъ изъ главныхъ рынковъ тирской торговли, умножившей тамъ свои колоніи [1]).

У средины Гадесскаго пролива, на территоріи Бастиліи, главными тирскими поселеніями были: Малака (Малага), названіе которой означало »городъ солепій«, что намекаетъ на торговлю его жителей; Сексъ (Мотрилъ), или »городъ, оцаляемый солнцемъ«, и Абдера (Альмерія), которой названіе, взятое, вѣроятно, изъ финикійскаго корня, до сихъ поръ еще не объяснено. По всей вѣроятности, хананейскому происхожденію должно также приписывать городъ Картею (Альгезиръ), который считаютъ основаннымъ Геркулесомъ, т. е Мелькартомъ, по миѳологическому преданію, общему для всѣхъ тирскихъ колоній на берегу Испаніи. Страбонъ разсказываетъ, что первоначальное названіе этого города было Гераклея. Это дастъ въ финикійскомъ языкѣ форму Мелькартея откуда произошло позже, по сокращенію, названіе Картея.

Кромѣ того, Тиряне основали въ той же самой части Полуострова большое число другихъ, менѣе важныхъ, городовъ, названія которыхъ, приводимыя древними географами свидѣтельствуютъ объ ихъ финикійскомъ происхожденіи. Указываютъ, между прочимъ, финикійскія колоніи далѣе къ сѣверу, противъ Балеарскихъ острововъ. Наконецъ, мы находимъ названія городовъ очевидно финикійскаго характера, расположенныхъ одинъ за другимъ въ небольшомъ разстояніи, но въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ въ Бетикѣ, на восточномъ берегу Тарраканской Испаніи до подножія Пиренеевъ.

Одинъ только вѣкъ, послѣ основанія Гадеса, Тиряне господствовали полными владыками въ самыхъ плодоносныхъ и самыхъ богатыхъ частяхъ Бетики, во всей долинѣ Бетиса (Гвадалквивра), надъ Турдитанами и Турдулами и надъ всѣмъ пространствомъ Бастульскихъ провинцій. Чтобы имѣть тамъ колонистовъ-земледѣльцевъ, они

---

[1]) См. *Movers*, Die Phoenizier in Gades und Turdetanien, въ Zeitschr. für Philosophie und kath. Theologie, 1843, 2-я и 3-я тетради.

переселили большое число Ливіе-финикіянъ изъ Африки. Ихъ племя до того смѣшалось съ туземнымъ, что, во время Страбона, по словамъ знаменитаго географа, большая часть жителей въ городахъ Турдетаніи была ханапейскаго происхожденія. Населеніе побережья вокругъ Малаки и Абдеры называлось еще подъ римскимъ владычествомъ Бастуло-финикіянами или Ливіе-финикіянами, а медали показываютъ намъ, что въ ту же эпоху финикійскій языкъ удерживается въ употребленіи въ городахъ: Гадесѣ, Малакѣ, Сексѣ и Абдерѣ.

Продуктами, которыхъ Тиряне приходили искать въ Бетику, были металлы: золото, серебро, желѣзо, свинецъ, мѣдь, олово, киноварь, воскъ, медъ и смола. »Тарсисъ«, говоритъ пророкъ Езекіиль, обращаясь къ Тиру, »Тарсисъ торговалъ съ тобой; онъ приносилъ тебѣ всякаго рода богатства, онъ наполнялъ твои рынки серебромъ, желѣзомъ, оловомъ и свинцомъ«.

VI.—Торговля съ Африкой и Испаніей, сдѣлавшись главнымъ предметомъ морскихъ экспедицій Тирянъ, вынудила ихъ основать для своихъ кораблей въ какомъ-нибудь пунктѣ стоянку между Финикіей и этими отдаленными странами. Такой пунктъ дала сама природа на островѣ Мальтѣ, превосходные порты котораго и исключительное положеніе сдѣлали его навсегда ключемъ Средиземнаго моря. Къ концу XII-го в., Тиряне занимали Мальту и сосѣдній островъ Голосъ (Gaulos), теперь Гоццо (Gozzo), которые позже наслѣдовали Карѳагеняне и на которыхъ они нашли одни финикійскіе храмы; развалины ихъ сохранились до настоящаго времени. Эти два острова были, кажется, первоначально населены Ливіянами, быстро слившимися съ новыми колонистами.

Сикулы, которыхъ, по нѣкоторымъ указаніямъ, можно, кажется, отнести къ той же расѣ, какъ Иберовъ и Лигуровъ Испаніи, южной Галліи и Италіи, принимали въ XV-мъ вѣкѣ участіе въ великой ливіе-финикійской конфедераціи и не чуждались ея морскихъ походовъ. Но позже, остающаяся для насъ рѣшительно неизвѣстной причина порвала связи, соединявшія народовъ Ливіи и Сициліи съ народами Греціи, Ливіяне и Сикулы, оставляя съ тѣхъ поръ постепенно морскія предпріятія, сдѣлались чисто континентальными народами. Ти-

ряне воспользовались этимъ положеніемъ вещей, чтобы завладѣть торговлей Сициліи, и скоро ихъ факторіи покрыли всѣ берега этого столь богатаго острова, гдѣ никакой другой народъ не старался тогда конкуррировать съ ними, потому что Греки появляются тамъ лишь тремя вѣками позже. Поселеніе, предназначенное служить стоянкой и убѣжищемъ между Сициліей и Африкой, было также основано на маленькомъ островкѣ Коссурѣ, теперь Пантелларіи.

Тирскіе карабли, отправлявшіеся изъ Камбен, Гиппона или Утики, чтобы достигнуть Испанскаго берега, встрѣчали на пути Сардинію, туземные жители которой, подобно имъ, двумя вѣками раньше, принадлежали къ ливіе-пелазгической конфедераціи, воскрешаемой теперь египетскими памятниками. Первостепенный интересъ, требовалъ для упроченія торговли и навигаціи, основанія на этомъ островѣ станція для отдыха и снабженія съѣстными припасами кораблей въ великолѣпномъ рейдѣ Кагліяри, находившемся на морскомъ пути въ Испанію. Еще болѣе, Тиряне не могли не обратить вниманіе на устройство факторій по берегамъ этого острова, здороваго тогда еще болѣе, чѣмъ теперь, и населеннаго многочисленнымъ племенемъ, питавшимся отъ огромныхъ стадъ, шерсть которыхъ была предметомъ самой выгодной торговли, и владѣвшимъ великолѣпными рудами мѣди и серебророднаго свинца. Тиряне основали тамъ Каралисъ, гдѣ теперь Кагіяри, и Нору на западномъ берегу, противъ Испаніи. Это послѣднее поселеніе носило то же самое названіе, какъ и древній хананейскій городъ на территоріи Эфраима; тамъ открыта была финикійская надпись, которая восходитъ ко времени господства Тирянъ и въ которой призывался туземный богъ *Sardus Pater* (по финикійски *Ab Sardon*).

Такова была вся совокупность колоній, занимавшая всѣ важнѣйшіе пункты западной части Средиземноморскаго бассейна и основанная Тиромъ въ теченіи XII-го и XI-го вѣковъ до христіанской эры; эти колоніи упрочили за нимъ торговое и морское могущество, по крайней мѣрѣ, равное тому, какимъ владѣлъ прежде Сидонъ; эти колоніи были уже, по большей части, основаны и могущество города достигло высшей степени блеска, когда цари ихъ вступили въ тѣс-

ный союзъ съ израильскими, какъ мы намѣрены это разсказать въ слѣдующемъ параграфѣ.

§ 2.—Союзъ Тира съ Израильтянами.—Хирамъ и Соломонъ.—Первое появленіе Ассиріянъ въ Финикіи.—Основаніе Карѳагена.—

(1051—872).

I.—Успѣхи Филистимлянъ и ихъ стремленіе къ господству во всей южной Сиріи измѣнили взаимное положеніе и взаимныя отношенія Израильтянъ и Финикіянъ. Въ первые годы своего завоеванія, Евреи были врагами Сидонянъ, какъ и всѣхъ другихъ народовъ хананейской расы, Сидонъ, въ свою очередь, не могъ оставаться чуждымъ къ коалиціямъ, которыя цари Газора составляли неоднократно на сѣверѣ Палестины противъ пришельцевъ древней страны Ханаана. Но когда Израильтяне и Финикіяне увидѣли что разъ за разомъ подвергаются нападеніямъ, бываютъ побѣждаемы и угрожаемы постояннымъ рабствомъ отъ Филистимлянъ; когда Арамеяне, около той же эпохи, также начали нападать съ сѣверной стороны и отняли Гаматъ у Хананеянъ и сѣверную часть Перен у потомковъ Израиля,—необходимость оказать противодѣйствіе однимъ и тѣмъ же врагамъ привела оба народа, до тѣхъ поръ другъ другу враждебные, къ сближенію, и сознаніе необходимости союза проникло въ умы обѣихъ сторонъ. И эта необходимость не была единственной причиной, требовавшей поддержки дружественныхъ отношеній, вмѣсто прежней непріязни, раздѣлявшей въ теченіи почти трехъ вѣковъ Израильтанъ и Хананеянъ. Къ этому моменту исторіи, состояніе слабости, въ которой находились разомъ, по безпримѣрному совпаденію, оба царства: Евфратской и Нильской долинъ, позволило и требовало въ Сиріи, свободной тогда отъ всякаго чужеземнаго господства, вполнѣ независимаго и туземнаго могущества, передъ которымъ открывались самые блестящіе шансы на благосостояніе. Но это могущество не могло быть образовано иначе, какъ только тѣснымъ союзомъ морскаго государства Тирянъ, далекихъ отъ всякаго недоброжелательства къ тѣмъ,

которые лишили владѣнія землей пахарей—Хананеянъ, союзомъ съ континентальнымъ государствомъ Евреевъ.

Лишь только послѣдніе вполнѣ освободились отъ ига Филистимлянъ, лишь только порядокъ былъ введенъ у нихъ послѣ смутъ, среди которыхъ умеръ Саулъ, и лишь только власть начала твердо у нихъ устанавливаться, въ тотъ самый годъ также, когда Давидъ отнялъ Іерусалимъ у Іевусеянъ и сдѣлалъ его своей столицей, въ 1051-мъ г. до Р. Х.,—Хирамъ, тирскій царь, отправилъ къ нему пословъ, заключившихъ дружественный договоръ между обоими царями[1]). Давидъ хотѣлъ построить себѣ дворецъ въ новой столицѣ своего царства; но давая первый примѣръ, которому должно было позже слѣдовать его сыну, онъ приказалъ просить у Хирама архитектора для руководства при его постройкахъ и искусныхъ мастеровъ, чтобы научить работать тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые взялись бы за это дѣло и, въ тоже время, прислъ позволенія срѣзать дубы для сруба дворца въ знаменитомъ Ливанскомъ лѣсу; всѣ эти просьбы тирскій царь поторопился исполнить для него Безпорядки эпохи Судей и долгое угнетеніе отъ Филистимлянъ прервали дѣйствительно всякое употребленіе искусствъ между Израильтянами, сдѣлавшимися неспособными къ какой-нибудь работѣ, тогда какъ, при выходѣ изъ Египта, они могли исполнить сами работы для Скиніи.

II.—Почти двухвѣковый періодъ, продолжавшійся отъ этого перваго союза Тирянъ съ Евреями до основанія Карѳагена, оказывается единственнымъ, для котораго мы знаемъ самымъ точнымъ образомъ внутреннюю исторію Тира, благодаря отрывку изъ оригинальныхъ лѣтописей этого города, переведенному греческимъ историкомъ Менандромъ, отрывку, сохраненному для насъ Іосифомъ[2]).

Хираму I наслѣдовалъ Авивааль. Объ его царствованіи, совпадавшемъ съ большей частью царствованія Давида, ничего неизвѣстно, если не считать того, что онъ поддерживалъ дружбу съ Израильтя-

---

[1]) *Sam.* II. V 11.—*Joseph.* Ant. jud. VII, 3, 2.

[2]) Contr. Apion. I, 18.

нами. Тиряне должны были, дѣйствительно, благосклоно смотрѣть на окончательное уничтоженіе Давидомъ могущества Филистимлянъ и покореніе Арамеянъ, когда онъ взялъ Дамаскъ, Гаматъ и распространилъ свое владычество до Евфрата.

Хирамъ II, сынъ Авивааля, вступилъ на престолъ въ 1028 г. Тирскія лѣтописи указываютъ на взятіе Трои Греками, какъ имѣвшее мѣсто въ началѣ его правленія, въ 1023 г., и мы пытались выяснить въ другомъ изслѣдованіи, сообразно съ мнѣніемъ Вольпея, что это число, совершенно сходное съ тѣмъ, которое Ктезій заимствовалъ изъ ассирійскихъ лѣтописей, даетъ гораздо болѣе гарантій въ точности, чѣмъ искусственныя и совершенно различныя одни отъ другихъ исчисленія поколѣній, употребляемыя большей частью греческихъ историковъ для опредѣленія времени этого событія, важнаго въ исторіи ихъ страны. Хирамъ отмѣченъ въ этихъ же самыхъ лѣтописяхъ тѣмъ, что лично подавилъ мятежъ города Цитіума на островѣ Кипрѣ, пытавшагося освободиться отъ власти метрополіи.

Съ первыхъ же годовъ своего царствованія, Хирамъ предпринялъ въ Тирѣ большія работы, совершенно измѣнившія наружность города [1]). Онъ перестроилъ съ роскошью, не имѣвшей себѣ ничего равнаго, великій храмъ Мелькарта, основанный за тысячу лѣтъ раньше, и храмъ богини Астореты, прилегавшій къ первому. Небольшой морской рукавъ, отдѣлявшій священный островъ Мелькарта отъ островка, на которомъ возвышался городъ, былъ засыпанъ, такъ что образовался одинъ громадный островъ, поверхность котораго, кромѣ того, была болѣе, чѣмъ удвоена устройствомъ на югѣ искусственной почвы, гдѣ построенъ былъ новый кварталъ, называвшійся во времена Грековъ Эрихорономъ. Островной Тиръ, преобразованный такимъ образомъ былъ защищенъ со всѣхъ сторонъ плотинами и окруженъ сильно укрѣпленной стѣной. Древній портъ имѣлъ набережныя, которыя тянулись на всемъ пространствѣ его береговъ, а второй портъ былъ основанъ на южной сторонѣ острова, гдѣ такимъ образомъ почти двойное число кораблей могло находить убѣжище. Царскій дво-

[1]) *Dius*, ap. *Joseph*, Contr. Apion, I. 17.

рецъ былъ также построенъ Хирамомъ въ островномъ городѣ, который, съ тѣхъ поръ, сталъ истиннымъ Тиромъ и пріобрѣлъ всю важность, между тѣмъ какъ континентальный городъ, Палетиръ, или старый городъ, шелъ къ паденію.

III.—Хирамъ былъ занятъ этими великими работами, когда умеръ Давидъ и когда Саломонъ вступилъ на престолъ израильскій, въ 1021-мъ г. Тирскій царь снѣшилъ отправитьословъ въ Іерусалимъ, чтобы привѣтствовать вступленіе на престолъ сына своего союзника; и Саломонъ, которому Давидъ завѣщалъ обязанность построить храмъ Іеговѣ, просилъ тогда Хирама довершить это возможное дѣло своимъ содѣйствіемъ. Подлинныя копіи писемъ, которыми обмѣнялись по этому поводу два царя, сохранялись еще въ тирскихъ архивахъ во время Іосифа, сообщающаго переводъ ихъ[1]). Однако, Хирамъ, поглощенный своими собственными работами, не могъ тотчасъ-же доставить Саломону то, чего онъ просилъ, и построеніе Іерусалимскаго храма началось лишь въ 1017-мъ году. Мы разсказали объ этомъ построеніи въ одной изъ главъ, посвященныхъ исторіи Израильтянъ. Поэтому, намъ достаточно напомнить здѣсь, что Хирамъ послалъ въ Іудею архитектора, надсмотрщиковъ за работами, плавильщиковъ, плотниковъ и камнетесовъ изъ Гебала, такъ какъ рабочіе этого города считались лучшими въ Финикіи; что онъ позволилъ взять съ Ливана, сколько необходимо, кедроваго лѣса не только для сруба храма, но также и для новаго дворца Саломону; что наконецъ, далъ ему всѣ металлы, употреблявшіеся въ дѣло, и въ такомъ большомъ изобиліи, что ихъ было достаточно для орнаментики и утвари этихъ различныхъ зданій

Взамѣнъ этого, Саломонъ хотѣлъ сначала уступить Хираму двадцать городовъ и мѣстечекъ Галилеи, сосѣднихъ съ территоріей Тира, но финикійскій монархъ, какъ мудрый политикъ, не заботился о континентальномъ увеличеніи, которое могло позже привести изъ-за поддданныхъ къ столкновенію между двумя царствами. Онъ отказался, поэтому, отъ предложенія Саломона и предпочелъ обезпечить на из-

[1]) Antiq. jud. VIII, 2, 6 и 7.

вѣстное число лѣтъ свою столицу и свой флотъ провизіей, условившись такъ, чтобы, пока продолжались работы, Саломонъ доставлялъ бы ему ежегодно опредѣленное количество хлѣба, вина и масла, т. е. земледѣльческіе продукты своей страны.

IV.—Чтобы скрѣпить еще болѣе свой союзъ съ тирскимъ дворомъ, Саломонъ женился на дочери Хирама, а также на дочери фараона, царствовавшаго тогда въ Танисѣ, и на дочери царя сѣверныхъ Геѳеянъ. Эти-то двѣ хананейскія царицы и ввели въ Іерусалимѣ культъ Ваала и Астореты.

Вскорѣ Хирамъ и Саломонъ предприняли, съ общими издержками, навигаціи въ Офиръ. Намъ нѣтъ необходимости повторять опять разсказъ объ этомъ, а тѣмъ болѣе разсказъ о построеніи храма. Издавна, впрочемъ, драгоцѣнные товары Индіи были однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли Финикіянъ, которые они свозили по большей части въ свою страну, потомъ же распространяли ихъ сухимъ путемъ въ Египетъ, въ страны Евфрата, и по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря. Весьма большее число купцовъ изъ этого народа жило въ южной Аравіи, куда нескусно еще сдѣланные индійскіе корабли, пользуясь муссонами, приносили продукты своей страны, то въ Іеменъ, то въ древнее отечество Хананеянъ, на берега Эритрскаго моря. Но чтобы достигнуть оттуда Финикіи, товары перевозились обыкновенно караванами чрезъ пустыни центральной Аравіи. Когда во времена XVIII-ой и XIX-ой египетскихъ династій, корабли, управляемые сидонскими матросами, совершали обыкновенно навигаціи по Красному морю, они не двигались далѣе страны Пуна или Іемена. Предпріятіе Хирама и Саломона положило начало первымъ прямымъ путешествіямъ изъ отдаленныхъ портовъ Аравійскаго залива къ берегамъ самой Индіи. Путешествія вполнѣ достигли успѣха, но не продолжались послѣ царствованія сына Давидова. Корабли, совершившіе это путешествіе, названы въ Библіи »кораблями Тарписа«; они были устроены по тому же образцу, по какому Тиряне строили свои корабля только для далекаго плаванія въ Испанію.

V.—Хирамъ умеръ гораздо раньше Саломона, въ 994-мъ г. Его сынъ Ваалсазаръ, наслѣдовавшій ему, занималъ тирскій престолъ

только 7 лѣтъ; сынъ послѣдняго, Абдасторетъ, царствовалъ 9 лѣтъ и погибъ жертвой заговора, составленнаго четырьмя сыновьями его кормилицы, въ 978-мъ году, въ томъ самомъ, когда совершилось раздѣленіе царствъ на Іудейское и Израильское. Весьма вѣроятно, что египетскій царь Шешонкъ, приготовившійся около этого времени къ походу въ Палестину, принималъ участіе въ мятежѣ, происшедшемъ въ странѣ Евреевъ, и не былъ также чуждъ тому, что положило конецъ тирской династіи, къ которой принадлежалъ Хирамъ.

За убійствомъ Абдасторета, въ теченіи 51 года, слѣдовали смуты и мятежи; во время этихъ неурядицъ, разные соперники оспаривали тирскій престолъ другъ у друга и быстро слѣдовали одинъ за другимъ, и этотъ періодъ точно соотвѣтствуетъ періоду безпорядковъ въ царствѣ Израильскомъ, гдѣ династіи Іероваама и Вааза были одна за другой уничтожены; эти обстоятельства доказываютъ только, какъ много общаго было между политическимъ положеніемъ обоихъ государствъ. Отрывки изъ Менандра, сохраненные Іосифомъ, называютъ между тѣми, которые пользовались властью въ этотъ промежутокъ времени, Далиляsторета, Астореты, Асторима и Фалію. Наконецъ, спустя четыре года, послѣ того, какъ Амри удалось установить въ Израилѣ прочную и сильную власть, открывая собой новый царствующій домъ, въ 927 г., жрецъ богини Астореты, по имени Итоваалъ, установилъ также порядокъ въ Тирѣ, завладѣвъ короной, и сталъ родоначальникомъ новой династіи

VI.—Итоваалъ выдалъ замужъ свою дочь Іезавель за сына Амри, Ахава, вступившаго на израильскій престолъ въ 919 г. Мы видѣли выше пагубное и безграничное вліяніе, которымъ пользовалась тирская царица надъ своимъ слабымъ мужемъ. При посредствѣ жречества Ваала, организовавшагося очень прочно въ финикійской монархіи и получившаго столько же политическаго, какъ и религіознаго могущества, сначала въ царствѣ Израильскомъ, а потомъ и въ Іудейскомъ, послѣ смерти благочестиваго Іосафата, она вліяла тогда на оба еврейскія царства, какъ настоящій сюзеренъ, и это продолжалось въ Израилѣ до смерти Іорама, въ 886 г., а въ Іудеѣ—до вступленія на

престолъ Іоаса, въ 879 г. На нѣкоторое время даже, съ Аталіей, тирскій домъ Итоваала вытѣснилъ домъ Давида въ Іерусалимѣ.

Однако, въ правленіе Итоваала, около того же времени, когда онъ выдалъ свою дочь въ замужество за Ахава, новый дѣятель появился на исторической финикійской сценѣ. Это—военное могущество Ассиріи, которое должно было, спустя два вѣка, покорить большую часть Финикіи, которое обнаружилось сначала кратковременнымъ нашествіемъ, и отъ котораго Итоваалу легко было откупиться разъ заплаченной данью. Ниневійскій завоеватель, Ассурназирпалъ, дѣйствительно говоритъ, въ надписи на Нимрудскомъ монолитѣ, сохраняющемся въ Британскомъ музеѣ, въ разсказѣ о своихъ подвигахъ подъ 916-мъ г. до Р. Х: »Въ это время, я взялъ окрестности горы Ливана. Я двинулся оттуда къ великому Финикійскому морю. На вершинахъ горъ, я вознесъ благодарность великимъ богамъ, я прославилъ ихъ жертвами. Я получилъ дани съ царей странъ, лежащихъ на границѣ горъ: Тира, Сидона, Гебала..... Финикіи и Арада, находящихся на морѣ; эти дани состояли въ серебрѣ, золотѣ, оловѣ, бронзѣ, желѣзной утвари, тканяхъ, окрашенныхъ въ пурпуръ и шафранъ..... въ деревьяхъ сандальномъ, черномъ, кожахъ морскихъ звѣрей. Они пали ницъ передо мной«.

Еще раньше, между 1120 и 1100 гг., Теглатфаласcаръ I довелъ свое господство до Ливана и Арада; взойдя на корабль этого города, онъ убилъ своей рукой дельфина. Но это первое верховное владычество Ассиріянъ было непродолжительно.

VII.—Итоваалъ умеръ въ 894-мъ году и оставилъ престолъ своему сыну Ваалеазару II, царствовавшему только 6 лѣтъ. Этотъ послѣдній имѣлъ наслѣдникомъ своего сына Матана, правленіе котораго началось въ 888 г., а окончилось въ 879. При этомъ царѣ, зимой, съ 884 г. на 883, Ассиріяне, все чаще и чаще обращавшіе свои нападенія къ Сиріи и вступавшіе въ великія войны съ царями Дамаска, также какъ и съ царями Геѳеянъ береговъ Оронта, на границахъ Финикіи, явились снова; но это новое появленіе ихъ продолжалось столько же, какъ и нашествіе при Итоваалѣ. Салманассаръ V, дѣйствительно, говоритъ въ надписи на Нимрудскомъ обелискѣ: »Въ двадцать первый походъ, я перешелъ Евфратъ въ двадцать пер-

вый разъ; я пошелъ къ городамъ: Газаелю, Дамаску. Я получилъ дани съ Тира, Сидона и Гебала«.

Къ правленію же Матана или къ первымъ годамъ царствованія его преемника мы должны отнести потерю Финикіянами ихъ поселеній, Мелоса и Теры, а равно городовъ, Камира и Ялиза, на островѣ Родосѣ. Это время есть необходимое слѣдствіе того, которое мы допустили для взятія Трои. Дѣйствительно, извѣстно самымъ положительнымъ образомъ, что послѣднія владѣнія, остававшіеся у Финикіянъ на островахъ Спорадскихъ, были отняты у нихъ Дорянами въ шестидесятый годъ послѣ вторженія этихъ послѣднихъ въ Пелопонезъ, и великое событіе, извѣстное въ греческой исторіи подъ названіемъ Возвращенія Гераклидовъ, случилось 80-ю годами позже паденія города Пріама. Мы не имѣемъ никакихъ подробностей о завоеваніи Мелоса и Теры; но спеціальные историки острова Родоса разсказываютъ, что Ялизъ и Камиръ, управлявшіеся, въ моментъ прибытія Дорянъ, царемъ, по имени Фаліей, сдались только послѣ продолжительной осады [1]).

VIII. — Первые годы власти четвертаго царя изъ основанной Итоваломъ династіи были отмѣчены въ Тирѣ политическимъ мятежемъ, приведшимъ къ основанію великаго африканскаго города, сдѣлавшагося позже соперникомъ Рима. Матанъ умеръ, оставивъ двое дѣтей, одиннадцатилѣтняго сына Пиѳмеліона, ставшаго знаменитымъ въ поэтическихъ преданіяхъ подъ именемъ Пигмаліона, и нѣсколькими годами старшую дочь, Элиссару [2]), Элиссу классическихъ писателей; ихъ послѣднимъ желаніемъ было вступить обоимъ на престолъ. Но народный элементъ, искавшій случая измѣнить совершенно аристократическую форму правленія, которой Тиръ управлялся до тѣхъ поръ, возмутился и принудилъ провозгласить царемъ одного Пиѳмеліона, окруживъ его совѣтниками, преданными демократіи [3]). Элиссара, лишенная престола,

---

[1]) *Athen.* VIII, 61.

[2]) Эта первоначальная форма имени, искаженнаго въ Элиссу, встрѣчается въ *Grand Etymologique* въ словѣ Διδώ.

[3]) *Justin*, XVIII, 4, 3.

вышла замужъ за Зихарваала [1]), Сихея Виргилія, Ацербаса или Ацербала другихъ преданій, великаго жреца Мелькарта, второе лицо въ государствѣ послѣ царя; самое положеніе первосвященника дѣлало его главой аристократической партіи.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Пигмеліунъ, воспитанный въ интересахъ народной партіи, приказалъ убить Зихарваала [2]). Элиссара, жаждавшая мести за смерть своего мужа, дѣлается душой заговора, имѣвшаго цѣлью низвергнуть ея брата и установить древнюю власть аристократіи; 300 членовъ сената, стоявшихъ во главѣ патриціанскихъ семействъ, приняли въ немъ участіе. Но демократія бодрствовала настолько, что заговорщики отчаялись на скорый успѣхъ въ самомъ Тирѣ. Тогда они рѣшились выселиться, чтобы только не оставаться подчиненными Пигмеліуну и народной партіи [3]). Внезапно овладѣвъ находившимися тогда въ гавани кораблями, готовыми поднять паруса, они взошли на нихъ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ и отправились, съ намѣреніемъ основать подъ другихъ небомъ новый Тиръ, подчиненный власти Элиссары, которой эмиграція дала прозвище Дидоны »бѣглянки« [4]). Этотъ отъѣздъ имѣлъ мѣсто въ 872 году, седьмомъ царствованія Пигмеліуна.

Тирскіе эмигранты направились къ Африкѣ, гдѣ поселенія ихъ отечества всегда умножались и гдѣ они были увѣрены, что найдутъ соотечественниковъ, готовыхъ ихъ принять. Они намѣрены были высадиться въ Зевгитанѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сидоняне, шесть вѣковъ раньше, основали Камбею, пришедшую къ полному паденію, вслѣдствіе того развитія, какого достигла Утика подъ тирскимъ господствомъ, и, быть можетъ, совершенно покинутую. Ливіе-финикіяне, жители страны, были тогда данниками царя собственно Ливіянъ, называвшагося Япономъ [5]).

---

[1]) Настоящая форма имени дана Сервіемъ, *ad* Virgil. *Aeneid*, I v. 343.

[2]) Cynth. Cenet. ad Virqil. Aeneid., I, 12.

[3]) *Justin*. VIII, 4. *Augustin*, Enarrat in Psalm. XLVIII.

[4]) Tim. fr., 23.—См. *Movers*, Phoenizische Alterthum. t. I, p. 363.

[5]) Solin. 27. 9.

Элиссара купила у него территорію для своей колоніи, состоявшей изъ бѣглецовъ и построила тамъ городъ, получившій названіе *Kiryath-hadschath* (безъ сомнѣнія, въ обыденномъ произношеніи Финикіянъ скороговоркой выходило *Karth-hadschath)*, »новый городъ«, откуда Греки, по искаженію, произвели *Carchedon* и Римляне *Carthago.*

Личность Элиссары, прославленная нѣкогда поэзіей подъ именемъ Дидоны, становится позже у поэтовъ и въ народной легендѣ почти всецѣло миѳической, и разсказъ объ основаніи Карѳагена окруженъ баснословными обстоятельствами. Но въ ней нельзя не узнать положительно историческій характеръ, на основаніи того, что мы только что воспроизвели и что старый Катонъ, Трогъ-Помпей, а позже и святой Августинъ заимствовали изъ національныхъ лѣтописей Карѳагена.

§ 3.—Послѣдне время первенства Тира.—Осада этого города Саріукиномъ.

(872—715).

I.—Пігмеліунъ царствовалъ еще сорокъ лѣтъ послѣ бѣгства своей сестры и заговорщиковъ, къ которымъ она присоединилась; онъ умеръ лишь въ 839 году. Эмиграція вождей аристократической партіи сдѣлала пустыми формальностями древнія учрежденія, ограничивавшія прежде власть тирскихъ царей и Пігмеліунъ, опираясь на демократію, могъ распоряжаться самодержавно, какъ встрѣчается это слишкомъ часто въ исторіи, потому что самая трудная задача управленія состоитъ въ примиреніи демократіи и свободы.

Царь, основавшій абсолютную монархію, не былъ, впрочемъ, счастливъ въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Онъ вынужденъ былъ признать верховную власть Ассиріянъ, господство которыхъ въ Сиріи упрочивалось съ каждымъ годомъ все болѣе. Дѣйствительно, ниневійскій царь Бинликусъ III, правившій отъ 857 до 828, считаетъ между странами, правильно платившими ему дани, »всю Финикію, города Тира и Сидона«.

Сохраненный Менандромъ отрывокъ и останавливающійся на Пігмеліунѣ не сообщаетъ намъ именъ наслѣдниковъ этого царя. Но,

въ промежуткѣ между его царствованіемъ и осадой Тира Саріукиномъ, положившимъ конецъ господству этого города надъ другими финикійскими городами, надо помѣстить двухъ царей, по имени Бодасторетъ, извѣстныхъ лишь по финикійской надписи Сидона. Въ этомъ монументальномъ текстѣ, объясненномъ графомъ Вогюэ, Бодасторетъ, »царь Сидонянъ«, т. е. царь Тира, и сынъ царя Бодасгорета, представленъ назначающимъ мѣстнаго царя Сидону, Ар ...., сына Калласторета.

II.—Необходимость подчиняться сюзеренной ассирійской власти не нанесла ущерба морскому могуществу Финикіянъ. Они съумѣли воспользоваться состояніемъ ослабленія, въ которое повержена была Греція вслѣдствіе великаго кризиса, вызваннаго нашествіемъ Дорянъ и переселеніемъ Іонянъ въ Малую Азію, передъ эпохой, когда ихъ колоніи достигли большаго развитія и когда ихъ мореходство получило еще болѣе значительный блескъ, чѣмъ въ предшествовавшую эпоху. Въ союзѣ съ Тирренскими Пелазгами центральной Италіи, которые одни могли бы быть тогда ихъ соперниками, пользуясь одинаковымъ съ ними положеніемъ, Финикіяне опять захватили въ свои руки торговлю между Востокомъ и Греціей и, въ теченіи полустолѣтія, были единственными агентами ихъ, возстановляя такимъ образомъ почти всецѣло въ пользу Тира монополію, которой пользовался нѣкогда Сидонъ въ этихъ же моряхъ. Греческіе хронографы также упоминаютъ подъ 824—786 о талассократіи, или господствѣ Финикіянъ на Архипелагѣ.

III.—Пораженіе Ассурликуса, Сардапанала Грековъ, и разрушеніе Ниневіи въ 789 г, прервали на нѣсколько лѣтъ ассирійское господство въ Финикіи. Кажется, что халдеецъ Фулъ обратилъ свое оружіе противъ этой страны, когда онъ принудилъ Манагема, царя израильскаго, признать себя его вассаломъ. Но возстановитель ассирійскаго царства, Теглатфалассаръ II, достигшій власти въ 744 году налагалъ нѣсколько разъ дань на Финикію и посѣщалъ ея города. Намъ позволительно будетъ воспользоваться даннымъ случаемъ для того, чтобы напомнить о походахъ Теглатфалассара II въ Сирію, Финикію и Палестину, о которыхъ мы могли

говорить лишь весьма неполно въ книгѣ, посвященной Ассиріянамъ но которые только что разъяснены Гроторгомъ Смитомъ и Оппертомъ) во время печатанія нашего труда, разъяснены по надписямъ Британскаго музея, до тѣхъ поръ несовершенно изслѣдованнымъ.

Спустя два года, послѣ своего вступленія на престолъ, въ 749 г., Теглатфаласcаръ пошелъ противъ Сиріи, чтобы привести ее въ повиновеніе, какъ только что сдѣлалъ онъ это съ Вавилоніей и страной Каспійскихъ Скиѳовъ. Эніель, царь гаматскій, Разинъ, сынъ Бенъ-Гидри, царь дамасскскій, Факей, царь израильскій, составили союзъ противъ него съ Азріасомъ [2]), сыномъ Табееля, котораго эти царя противоставили въ Іудеѣ сначала Іоафану, а потомъ Ахазу. Союзники были разбиты, царства Гаматское и Дамасскское опустошены, Факей лишенъ престола въ пользу Манагема II. Все отступало передъ Теглатфаласcаромъ, городъ Арнадъ сопротивлялся одинъ и выдерживалъ въ теченіи трехъ лѣтъ осаду, которую царь ассирійскій поручилъ вести своимъ военачальникамъ. Прежде чѣмъ покинуть Сирію, въ 724 г., онъ получилъ дань съ Гистаспа *(Gustaspi)*, царя коммаженскаго, Разина, царя дамасскскаго, Манагема, царя израильскаго, Хирама, царя тирскаго, Сибентваала, царя гебалскаго, Урикки, царя куйскаго (положеніе города Куи остается неизвѣстнымъ, но онъ долженъ быть въ Сиріи), Пизириса, царя каркемишскаго, и Эніеля, царя гаматскаго.

Въ 734 году, Факей вступилъ снова на престолъ Самаріи при помощи Разина, и оба они преслѣдовали Ахаза, царя іудейскаго, который умолялъ ниневійскаго монарха о помощи. Теглатфаласcаръ пришелъ весной 733 года съ огромнымъ войскомъ въ Сирію, рѣшивъ воспользоваться случаемъ, чтобы подчинить окончательно всѣхъ народовъ этой страны. Онъ началъ разрушеніемъ Дамасскаго царства и убіеніемъ Разина. Идя потомъ противъ Филистимлянъ, онъ взялъ

---

[1]) Въ статьяхъ, обнародованныхъ Берлинскимъ Журналомъ Египетской Археологіи и Филологіи.

[2]) Библія называетъ только эту личность »сыномъ Табееля«. Одни ассирійскія надписи даютъ возможность узнать его имя.

Газу, царь которой, Ганонъ, бѣжалъ сначала въ Египетъ, потомъ же возвратился. Митенти, царь азотскій, также сначала бѣжалъ и былъ временно замѣщенъ Рукипту, своимъ сыномъ, но, въ свою очередь, скоро вернулся назадъ, чтобы подчиниться Теглатфаласcару. Этотъ царь совершилъ великій походъ противъ Арабовъ Думы, взялъ ихъ городъ и наложилъ на нихъ значительную дань. Къ концу 731 г., Теглатфаласcаръ, передъ возвращеніемъ въ Ниневію, созываетъ полное собраніе вассаловъ въ Дамаскѣ. Двадцать три вассальные царя пришли туда, чтобы отдать почтеніе сюзерену и принести свои дани. Вотъ имена ихъ, приводимыя нами въ томъ же порядкѣ, въ какомъ исчисляютъ ихъ оффиціальныя надписи завоевателя: Гистаспъ коммажепскій Урикки куискій, Сибентваалъ гебальскій, Пизирисъ каркемишскій, Эпіель гаматскій, Панамму симальскій изъ Арменіи, Таргуляръ гамгумскій изъ той же страны, Сулумалъ мелитенскій, Дадилъ колхидскій, Вассами тибаремскій, Ускильти тунаскій, Урпалла туганскій, Тугамъ истундаскій, Уримъ губиснаскій (эти четыре имени ничто иное, какъ названія сосѣднихъ съ Кавказомъ городовъ, точное положеніе которыхъ до сихъ поръ еще не могло быть опредѣлено), Матанваалъ арадскій, Санибъ аммонскій, Саломонъ моавитскій, Факей израильскій, Самсія, царица арабская, Митенти аскалонскій, Ахазъ іудейскій, Кадумалка эдомскій, Ганонъ газскій.

Тирскій царь не фигурируетъ въ этомъ спискѣ. Мы не знаемъ, былъ ли это еще Хирамъ, сидѣвшій на престолѣ этого города, или уже его сынъ Мутонъ. Но слѣдующій годъ, годъ положительныхъ эпиграфическихъ свидѣтельствъ, даетъ намъ знать, что царствовалъ Мутонъ. Послѣдній заключилъ союзъ съ Факеемъ въ концѣ 730 года, и вмѣстѣ они отказались платить дань Ассиріянамъ. Теглатфаласcаръ не считалъ этотъ мятежъ настолько важнымъ, чтобы, для подавленія его, требовалось личное присутствіе царя. Онъ ограничился отправкой войска въ Сирію. Съ приближеніемъ Ассиріянъ, вспыхнулъ заговоръ въ Самаріи. Осія убилъ Факея и завладѣлъ короной, которую призналъ и упрочилъ за нимъ ниневійскій монархъ. Мутонъ, царь тирскій, видя себя лишеннымъ союзника, не пытался болѣе сопротивляться и подчинился безъ пораженія.

Нѣсколько лѣтъ раньше, въ 701 г., междоусобный споръ, причина котораго неизвѣстна, и подробности котораго не дошли до насъ, привелъ къ тому, что жители Сидона овладѣли Арадомъ, съ согласія тирскаго царя, и поселили тамъ колонистовъ, съ тѣхъ поръ пользовавшихся первенствомъ въ этомъ городѣ [1]).

IV.—Однако, мореходство Грековъ снова начало развиваться на моряхъ и въ непродолжительное время достигло широкихъ размѣровъ. Неодолимое стремленіе къ распространенію охватило эллинскіе города, основавшіе на всѣхъ берегахъ колоніи, куда они посылали излишекъ своего населенія, потому что почва Греціи недостаточна была болѣе для того, чтобы питать его. Многочисленные города были основаны въ южной Италіи въ теченіи первой половины VIII вѣка отсюда греческія колоніи естественно должны были распространиться скоро на побережье Сициліи [2]). Въ 734 г., Теоклесъ предпринялъ туда первый походъ, въ которомъ участвовали Халкидяне, Мегаряне и Наксіяне, построившіе города: Наксосъ и Мегару. Въ слѣдующемъ году, 733, Анхіасъ изъ Коринѳа, въ свою очередь, прибылъ туда, сопровождаемый огромной толпой Коринѳянъ и Коркирянъ, съ которыми и построилъ Сиракузы. Основаніе этихъ двухъ колоній было результатомъ хорошо обдуманной политики, органомъ которой служилъ Дельфійскій оракулъ, предлагагавшій желающимъ идти искать случая строить новые города, преслѣдуя общее направленіе. По совѣтамъ оракула также, начиная съ этого момента, греческіе походы въ Сицилію повторяются все чаще и чаще и, черезъ нѣсколько лѣтъ, устроенныя ими поселенія покрывали всѣ берега этого облагодѣтельствованнаго природой острова. Тиряне, владѣвшіе тамъ многочисленными факторіями принуждены были отступить передъ Греками и покинуть эти неукрѣпленныя позиціи. Однако, греческіе колонисты, если и заставили ихъ такимъ образомъ удалиться, не могли однако воспрепятствовать Тирянамъ стоять твердой ногой въ странѣ. Дѣйствительно, послѣдніе удержались въ трехъ городахъ,

---

[1]) См. *Movers* Phaenizische Alterthum, т. I, стр. 99.

[2]) См. *Brunet de Presles*, Recherches sur les etablissements des Grecs en Sicile. Paris. 1845.

безъ сомнѣнія, гораздо лучше защищенныхъ: Мотіи, »грязномъ«, Кефирѣ, »городѣ«, по преимуществу, названномъ позже Солоитомъ, и Маханатѣ, »полѣ«, извѣстномъ у Грековъ подъ именемъ Панормы; расположенные на западной оконечности острова, эти три города могли весьма легко получить помощь изъ Карѳагена, къ которому они были ближе, чѣмъ къ какому-нибудь другому пункту Сицилін. Такимъ образомъ, Финикіяне удержали за собой, даже послѣ основанія греческихъ городовъ торговлю съ Сицилісй и туземными народностями, жившими внутри Карѳагеняне послѣдовали немного позже три города, только что нами названные, и эти города, оставаясь всегда открытыми пунктами для высадки на берегъ, позволили имъ начать великія военныя предпріятія съ цѣлью завоевать всю Сицилію.

V. - Спустя немного времени, послѣ того какъ прибытіе греческихъ колонистовъ вызвало паденіе большей части сирійскихъ факторій Сицилін, Финикія увидѣла надъ собой разразившейся такую грозу, какой не испытывала она со времени разрушенія Сидона Филистимлянами, и эта гроза результатомъ имѣла измѣненіе политическихъ условій, господствовавшихъ въ странѣ въ теченіи пяти вѣковъ, положивъ конецъ владычеству Тира надъ другими городами. Эти событія заключаютъ собой второй періодъ финикійской исторіи [1]).

Царь, по имени Элули, вступилъ на престолъ Тира около 726 года. Слѣдовательно, съ его вступленіемъ почти совпадаютъ поселенія Грековъ въ Сицилін. Но онъ имѣлъ потомъ случай воскресить обаяніе тирскаго могущества, укротивъ своимъ флотомъ мятежъ важнаго города Цитіума на островѣ Кипрѣ. Едва онъ достигъ этого успѣха, какъ Саріукинъ, царь ассирійскій, послѣ взятія и разрушенія Самаріи, побѣдилъ Ганона, царя газскаго, и Шабака, царя эѳіопскаго и египетскаго, въ битвѣ при Рафіи, проникъ въ Финикію со своимъ побѣдоноснымъ войскомъ и потребовалъ отъ богатыхъ городовъ этой страны дани, которую платили они Теглатфаласcару (720). Сидонъ, Ако и всѣ другіе города не осмѣлились противиться нине-

---

[1]) *Menandr.*, ap.—*Ioseph*, Antiq. jud. IX, XIV, 2.

війскому завоевателю, отворили свои ворота и спѣшили повиноваться его приказаніямъ. Покинутый всѣми другими Финикіянами, Элули не упалъ духомъ и отказался подчиниться. Онъ не былъ даже поддержанъ всѣми тирянами въ своемъ смѣломъ рѣшеніи защищаться до крайности, чѣмъ принимать чужеземную верховную власть. Континентальный городъ, Палетиръ, отдѣлившись отъ своего царя, принялъ Саріукина въ свои стѣны, частію вслѣдствіе страха передъ ассирійскимъ могуществомъ, частію вслѣдствіе ревности къ островному городу, доведшему до упадка его древнее значеніе, частію, можетъ быть, потому, что онъ сталъ общимъ притономъ аристократической партіи, лишенной власти сто тридцать лѣтъ назадъ Пшмеліуномъ. Элули заперся въ морскомъ городѣ, защищенномъ со всѣхъ сторонъ водами, и оттуда, окруженный жителями, рѣшившимися также, подобно ему, на сопротивленіе, вызвалъ на бой своего страшнаго врага.

Саріукинъ, приказавъ другимъ финикійскимъ городамъ доставить 60 кораблей, управляемыхъ 800 гребцовъ, надѣялся легко получить удовлетвореніе отъ островнаго Тира. Но Тиряне, съ 12-ю лишь кораблями, выступили противъ этого флота, разбили его, разорили много кораблей и взяли 500 плѣнниковъ. Ассирійскій царь не хотѣлъ пытать счастье во второмъ морскомъ сраженіи, и осада Тира, веденіе которой онъ поручилъ своимъ полководцамъ, не принимая болѣе въ ней личнаго участія, затянулась на долго и перешла почти исключительно въ блокаду. Островокъ, заключавшій въ себѣ городъ, былъ лишенъ природой всякаго источника, годнаго для питья, и ассирійскіе полководцы самоувѣренно думали быстро привести его къ сдачѣ, лишивъ жителей воды уничтоженіемъ водопровода, построеннаго Хирамомъ и проводившаго почти до порта источники Расъ-эль-Анна. Но они полагались на отсутствіе неукратимой энергіи у Тирянъ. Рѣшившись не сдаваться, послѣдніе должны были рыть колодцы на своей скалѣ и, наконецъ, достигли огромной подпочвенной водной плоскости; съ этихъ поръ, опасность умереть отъ жажды не была страшна для нихъ, и они могли безконечно продолжать борьбу. Осада продолжалась въ теченіи 5 лѣтъ, но, наконецъ, полководцы Саріукина, утомленные своими усиліями, оказывавшимися

чистой потерей времени и людей и не видя возможности счастливаго исхода предпріятія, рѣшились сняться съ якоря, что имѣло мѣсто въ 715 году до Р. Х.

§ 4.—Ассирійское господство въ Финикіи.—Осада и взятіе Тира Набуходороссоромъ.

(715—574).

I.—Тиръ вышелъ побѣдителемъ изъ своей борьбы съ Ассиріей, и героизмъ его сопротивленія доставилъ ему великую славу. Но другіе финикійскіе города, сдѣлавшись данниками Саріукана, избѣжали его верховной власти, и еще болѣе, во время осады, Тиръ потерялъ свою послѣднюю колонію въ моряхъ Ѳракіи, Фазосъ, остававшійся до тѣхъ поръ въ его власти, даже послѣ паденія другихъ хананейскихъ поселеній Архипелага. Дѣйствительно, жители Пароса, прельщенные драгоцѣнными золотыми рудами этого острова, воспользовались тѣмъ, что Тиръ, принужденный защищать свои собственныя стѣны, не въ состояніи былъ отправить туда помощь, и овладѣли этой колоніей. Войско, въ рядахъ котораго находился поэтъ Архилокъ, высадилось въ Фазосѣ, прогнало оттуда Финикіянъ, замѣнило ихъ Парійскими колонистами и подчинило своей власти туземныхъ жителей[1]), ѳракійскаго происхожденія, которые эксплоатировали руды въ пользу Тира.

Вскорѣ Саріукинъ воспользовался случаемъ отомстить Тиру за неудачу своихъ войскъ, отнявъ у жителей одну изъ самыхъ цвѣтущихъ ихъ колоній ту самую, которую Элули, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ привелъ въ повиновеніе. Въ 708 г., флотъ, вооруженный для ассирійскаго монарха въ портахъ Финикіи и страны Филистимлянъ, переправилъ его войско на островъ Кипръ, подчинившійся безъ сопротивленія. Въ самомъ городѣ Цитіумѣ, принадлежавшемъ Тиру, Саріукинъ приказалъ поставить колонну въ память своего завоеванія;

---

[1]) *Clem. Alex*, Stromat I, 21, 131.

эта колонна сохраняется до настоящаго времени и составляетъ собственность Берлинскаго музея. Начиная съ этого момента, городъ не записѣлъ болѣе отъ Тирянъ и слѣдовалъ судьбѣ остальнаго острова Кипра, но его населеніе осталось навсегда исключительно финикійскимъ.

II.—Саріукинъ былъ убитъ въ 704 г., и тотчасъ возмущеніе, очевидно поднятое его убійцами, вспыхнуло въ Вавилоніи. Неукротимый Элули воспользовался этими обстоятельствами, чтобы возстановить авторитетъ своей власти надъ другими городами Финикіи захватить дань, которую платили они Ассиріянамъ. Но въ 700 г. прибылъ въ Сирію Сеннахерибъ во главѣ многочисленнаго войска съ цѣлью завоевать все то, что еще сопротивлялось ему въ этой странѣ, и потомъ сдѣлать нападеніе на Египетъ.

Первой страной, на которую бросился сынъ Саріукина, была Финикія. Также какъ и 20 лѣтъ назадъ, большая часть городовъ, Сидонъ, Арадъ, управлявшійся нѣкіимъ Абдилитомъ, Симронъ, царь котораго назывался Мигимми, Гебалъ и его царь Уранилкъ, Сарепта, Усъ, Ахзибъ, Ако, Бетзиттп, городъ весьма близкій къ Сидону, подчинились при одномъ приближеніи завоевателя. Элули заперся снова въ островномъ Тирѣ, надѣясь и теперь защититься съ такимъ же успѣхомъ, какъ и противъ Саріукина. На этотъ разъ счастіе покинуло его. Онъ былъ побѣжденъ, городъ взятъ, и Сеннахерибъ приказалъ сѣсть на престолъ, вмѣсто бѣжавшаго Элули, какому-то Итовааду, признавшему себя его вассаломъ и данникомъ. Въ воспоминаніе своей побѣды и полнаго подчиненія Финикіи, Сеннахерибъ приказалъ изваять на скалахъ Нагаръ-эль-Кельба, подлѣ Берита, тріумфальные барельефы, существующія до настоящаго времени, также какъ и барельефы фараона Рамзеса II, приказавшаго сдѣлать ихъ въ томъ же самомъ мѣстѣ.

III.—Въ свѣдѣніяхъ, какія дошли до насъ о двухъ войнахъ Саріукина и Сеннахериба съ Элули, есть одно обстоятельство, которое должно особенно привлечь вниманіе. Это—усердіе, съ какимъ въ оба раза всѣ финикійскіе города покидаютъ дѣло Тира, открываютъ свои ворота ассирійскому монарху и, не довольные тѣмъ, что заставляютъ

свою метрополію сражаться собственными силами они доставляютъ своему врагу корабли для нападенія на Тиръ. Одного ужаса передъ ниневійскимъ могуществомъ недостаточно, чтобы объяснить этотъ фактъ; надо допустить также глубокую зависть городовъ Финикіи къ Тиру, желаніе видѣть его сраженнымъ, чтобы воспользоваться его разрушеніемъ. Мы также всегда видѣли въ исторіи, что города, поставленные въ такія же условія, въ какихъ стоялъ Тиръ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, оканчивали обращеніемъ въ настоящихъ подданныхъ и подчиненіемъ тѣмъ городамъ, которые были сначала ихъ союзниками. Все указываетъ, что дѣла шли тѣмъ же путемъ и въ Финикіи. Тиряне заставляли города подчиняться весьма неохотно тяжести своего первенства; они сконцентрировали въ своихъ рукахъ почти всѣ нити торговли и заставили жителей другихъ городовъ скорѣе играть роль своихъ матросовъ, чѣмъ роль союзниковъ. Отсюда, положеніе Сидона, Гебала, Ако, по отношенію къ царямъ Ассиріи, завоеваніе которыхъ эти города привѣтствовали съ радостью, потому что оно должно было положить конецъ господству Тира и поставить всѣ морскіе города Ханаеянъ на путь взаимнаго равенства и подчиненія одному и тому же сюзерену. И въ самомъ дѣлѣ, это было неизбѣжнымъ результатомъ войнъ ниневійскихъ монарховъ, и послѣ того какъ Элули былъ лишенъ престола и замѣненъ Итоваломъ, Тиръ, уступившій новому положенію вещей, кажется, не дѣлалъ никакой попытки къ тому, чтобы возвратить себѣ свое древнее главенство.

Дѣйствительно, не Тиръ болѣе, но Сидонъ мы видимъ, спустя немного болѣе 20 лѣтъ послѣ похода Сеннахериба, пытающимся поднять голову при его сынѣ, Ассарагаддонѣ. Когда гордый сынъ Саріукина былъ убитъ во время смуты въ Ассирійскомъ царствѣ, царь сидонскій, Абдимилку, увидѣлъ въ этомъ благопріятный случай, чтобы отказать въ дани и сбросить иго, надѣясь, безъ сомнѣнія, сдѣлаться потомъ совершенно независимымъ и возстановить въ пользу своей собственной власти, гегемонію, которой пользовался Тиръ. Но вскорѣ Ассарагаддонъ, собравъ многочисленное войско, лично явился въ Сирію и, прежде чѣмъ напасть на Манассію, царя іудейскаго, пошелъ противъ Сидона, чтобы подавить въ немъ мятежъ. Городъ, оса-

жденный съ суши, былъ взятъ приступомъ: »Я предалъ смерти всѣхъ его вельможъ, говоритъ Ассарагаддонъ въ одной надписи; я уничтожилъ его стѣны и его жилища, я побросалъ ихъ въ море. Я уничтожилъ мѣста храмовъ ихъ«. Абдимилку и часть населенія, видя, что городъ взятъ, бѣжали на корабли и выплыли въ море, надѣясь найти на немъ безопасность и имѣть возможность возвратиться потомъ къ своимъ очагамъ, когда удалится ассирійское войско. Ассарагаддонъ приказалъ другимъ финикійскимъ городамъ дать ему корабли, напалъ на сидонскій флотъ, разбилъ его и отнялъ у него значительную добычу. Часть населенія, взятая въ рабство, была отведена въ Ассирію.

Тотъ же самый Ассарагаддонъ, исчисляя немного позже своихъ вассальныхъ царей въ надписи на призмѣ, принадлежащей Британскому музею, называетъ Ваала, царя тирскаго, Идіосагата, царя гебалскаго, Кулуваала, царя арадскаго, и Авиваала, царя симронскаго. О Сидонѣ нѣтъ болѣе рѣчи, потому что онъ не подымался уже послѣ тяжкаго наказанія, накликаннаго имъ на себя мятежомъ Абдимилку.

Въ 667 г., Финикія возмутилась противъ Ассурбанипала и заключила союзъ съ эѳіопскимъ монархомъ Ротъ-Аменомъ, внукомъ и преемникомъ Тарака. На слѣдующій годъ, 666, Ассурбанипалъ, послѣ третьяго похода въ Египетъ, наказалъ невѣрность своихъ хананейскихъ вассаловъ. Онъ взялъ сначала Ако, потомъ Тиръ, управлявшійся тогда царемъ Ваалomъ, который владѣніе имъ получилъ въ благодарность. Ниневійскій завоеватель идетъ затѣмъ положить осаду передъ островнымъ городомъ Арада, который одинъ тогда еще сопротивлялся и защищался энергично. Но, наконецъ, Арадъ былъ взятъ, и его царь, Якинду, сынъ Кулуваала, лишилъ себя жизни, чтобы не даться живымъ въ руки Ассиріянамъ. Его восемь сыновей были взяты въ плѣнъ, и Ассурбанипалъ приказать семь изъ нихъ предать смерти въ своемъ присутствіи. Онъ пощадилъ жизнь только старшему, Азваалу, и поставилъ его царемъ Арада. Съ тѣхъ поръ и до конца царствованія сына Ассарагаддона, стремленіе къ самостоятельности никогда не нарушало подчиненія Финикіи верховному владычеству Ниневіи.

IV.—Однако, могущество Ассирійскаго царства, въ тотъ самый

моментъ, когда оно достигало своего апогея, близилось къ концу. Въ 625 г., Сарукъ, послѣдній царь Ниневіи, былъ осажденъ Ціаксаромъ въ своей столицѣ. Тогда—то имѣло мѣсто нашествіе Скиѳовъ, спасшее еще на нѣсколько лѣтъ Ниневію. Послѣ временнаго покоренія Мидіи и пораженія Ціаксара, скиѳскія орды быстро двинулись чрезъ всю Азію и дошли до границъ Египта, гдѣ остановились и повернули назадъ къ сѣверу. Финикійскія деревни дважды подверглись опустошенію. Но города, защищенные своими стѣнами, видѣли этотъ потокъ проходящимъ мимо, не касаясь ихъ; ни одинъ изъ финикійскихъ городовъ не испыталъ судьбы Аскалона, преданнаго разграбленію варварскими всадниками Турана.

Въ 610 г., въ то время, когда Ассирійская монархія находилась при послѣднемъ издыханіи въ рукахъ слабаго Сарука, когда Набополассаръ, царь вавилонскій, совершилъ завоеваніе всѣхъ провинцій Месопотаміи до Евфрата, фараонъ Нэхао, желая также принять участіе въ разграбленіи Ниневійскаго царства и воскресить военныя традиціи царей XVIII-ой и XIX-ой династіи, перешелъ границу, разбилъ и въ битвѣ убилъ царя іудейскаго Іосію при Магеддо и сдѣлался повелителемъ Сиріи. Финикійскіе города съ готовностью приняли Египтянъ, отдались имъ безъ сопротивленія, счастливые тѣмъ, что освободились отъ Ассиріянъ, ярмо которыхъ оказалось для нихъ слишкомъ тяжелымъ. Они помнили, безъ сомнѣнія, о благосостояніи; а также о широкихъ привилегіяхъ, которыми наслаждался нѣкогда Сидонъ во время фараоновскаго владычества. Тогда-то Нэхао поручилъ тирскимъ мореходцамъ совершить предпріятіе – объѣхать вокругъ Африку, предпріятіе, хотя и удавшееся, но не имѣвшее никакого практическаго и торговаго результата, потому что не было повторено.

V.—Въ теченіи всей эпохи ассирійскаго господства, торговля Финикіи не замедлялась. Богатства Тира, въ особенности, не уменьшались. Если городъ Мелькарта пересталъ управлять другими финикійскими городами, то онъ сохранилъ свой торговый флотъ, свои торговыя отношенія, свои рынки, свое чудовищное колоніальное могущество на западѣ Средиземнаго моря, въ Африкѣ и Испаніи. Положительныя данныя могли бы даже привести къ мысли, что, въ теченіи

этого-то періода, когда продуктъ оловянныхъ рудъ въ Испаніи уменьшился чувствительно, Тиряне рѣшились на еще болѣе отдаленныя морскія путешествія и вступили въ Атлантическій Океанъ, съ цѣлью прямо на Британскихъ островахъ искать Кариваллисскаго олова [1]), о которомъ они имѣли уже свѣдѣнія, потому что, съ незапамятныхъ временъ, этотъ металлъ привозился на берега Средиземнаго моря рѣчной торговлей, источникомъ богатства нѣкоторыхъ галльскихъ народовъ. Эта торговля шла вверхъ по Сенѣ, потомъ, послѣ короткаго пути по твердой землѣ, спускалась по Сонѣ и, за тѣмъ, по Ронѣ. На пути этой торговли, городъ Алезія, лежавшій въ центрѣ горъ, отдѣляющихъ бассейны Сены и Соны, считался основаннымъ Геркулесомъ, или Мелькартомъ, тирскимъ богомъ по преимуществу [2]). Тиръ, несмотря на то, что съ нимъ случилось, скоро излѣчился отъ ранъ, нанесенныхъ ему Саріукиномъ и Сеннахерибомъ. Ко времени ассирійскаго господства также относится великолѣпное описаніе блеска Тира и его богатствъ, сдѣланное пророкомъ Іезекіилемъ (XXVII гл.), описаніе, въ которомъ передъ нашими глазами развертывается полная картина пространства, обнимаемаго торговлей финикійскаго города. Тиръ небылъ уже тогда политической главой Финикіи, но всегда оставался въ ней царемъ. Это былъ еще городъ самый многочисленный, самый промышленный, городъ, корабли котораго изрѣзывали всѣ моря, городъ, съ которымъ »шли торговать всѣ народы міра«. Но рѣшенія Провидѣнія осудили все это благосостояніе, сопровождавшееся страшнымъ развратомъ. Давно уже голосъ пророковъ предвѣщалъ Тиру паденіе; часъ его насталъ.

VI.—Въ 606 г, Нэхао, побѣжденный при Каркемишѣ Набуходоссоромъ, потерялъ въ одинъ день всю Сирію и былъ настойчиво преслѣдуемъ своимъ молодымъ противникомъ до границъ Египта. Отозванный внезапно въ Вавилонъ смертью своего отца, въ началѣ 604 г., Набуходоссоръ отложилъ нападеніе на царство Іудейское и

---

[1]) Strab., III, стр. 175.—См. *De Rougemont*, L'age de bronze, стр. 117 и слѣд.

[2]) Diod. Sic. III, 61.

на финикійскіе города. Эти послѣдніе были также пощажены въ оба раза, когда въ 602 и 599 гг., халдейскій завоеватель являлся въ Сирію и каждый разъ бралъ Іерусалимъ. Поэтому, они думали, что гроза навсегда прошла стороной, не касаясь ихъ. Но въ это же самое время, видя такую безпечность, Іезекіиль обратилъ свое пророческое краснорѣчіе противъ города Мелькарта.

»Тиръ говоритъ объ Іерусалимѣ съ криками радости. Ворота этого столь полнаго народомъ города разбиты, его богатства останутся для меня, и я увеличусь его развалинами«.

»Вотъ то, что говоритъ Господь: я иду противъ тебя, о Тиръ, и я заставлю многихъ народовъ идти противъ тебя, какъ море заставляетъ двигаться свои волны«.

»Они разрушатъ стѣны Тира, и они разобьютъ его башни.... Онъ сдѣлается среди моря скалой, служащей рыболовамъ для просушиванія сѣтей... И онъ будетъ преданъ въ добычу народамъ«.

»Города, которые отъ него зависятъ и находятся въ окрестностяхъ, также будутъ совершенно уничтожены«.

»Я намѣренъ заставить идти страны сѣвера къ Тиру, Набуходоносора, царя вавилонскаго, этого царя царей; онъ прійдетъ съ конями, военными колесницами и большими полчищами, состоящими изъ различныхъ народовъ«.

»Онъ построитъ деревянныя башни, земляныя насыпи противъ валовъ, онъ будетъ поражать своими таранами«.

Въ 590 году, это пророчество начало исполнятся. Интриги египетскаго царя Уапрагета достигли того, что противъ Набуходоносора организовался союзъ, въ которомъ приняли участіе Седекія, царь іудейскій, и города Финикіи. Итоваалъ III, бывшій тогда тирскимъ царемъ сталъ во главѣ этихъ послѣднихъ. Но Набуходоносоръ напалъ на союзниковъ прежде, чѣмъ успѣли они соединить всѣ свои силы. Принудивъ египетское войско возвращаться назадъ даже безъ боя, онъ завоевалъ города Лахисъ и Азеху въ Іудейскомъ царствѣ и и шелъ осадить Іерусалимъ, взятый и разрушенный по истеченіи 18-ти мѣсяцевъ (588). Въ началѣ слѣдующаго года, восточная часть Дельты подверглась нашествію и разграбленію, потомъ

вавилонскія полчища пошли противъ Финикіи. При ихъ приближеніи, всѣ города сиѣшили подчиниться; одинъ Тиръ осмѣлился сопротивляться. Итоваалъ заперся въ своихъ валахъ, надѣясь остановить усилія халдейскаго царя и получить во время помощь отъ Уапрагета.

Іезекіиль предсказалъ, что осада будетъ такъ жестока и такъ долга, что »каждая голова станетъ лысой и каждое плечо вытертымъ«. Дѣйствительно, она продолжалась 13 лѣтъ[1]), и Тиряне выказывали въ это время неукротимую энергію, мужество, доходившее до остервенснія, постоянство и упорство, которыя были, кажется, отличительной чертой характера Хананеянъ всякій разъ, когда имъ приходилось защищать свои очаги и выдерживать осады позади стѣнъ своего города. Континентальный городъ сначала былъ осажденъ, взятъ и совершенно разрушенъ. Тогда защитники, какъ во времена Саріукина и Сеннахерпба, отправились на островной городъ и тамъ выдержали новую осаду, гораздо болѣе трудную для Вавилонянъ, принужденныхъ бороться стественными препятствіями съ несравненно большими, чѣмъ тѣ, какіе могло создать искусство[2]). Только въ 574-мъ году, когда Набуходороссоръ пришелъ изъ Вавилона, чтобы лично ускорить предпріятіе, на долго такъ затянувшееся, островной Тиръ былъ взятъ силой, разграбленъ и частью разрушенъ. Разрушеніе было таково, что надменный городъ никогда болѣе не подымался и долженъ былъ съ тѣхъ поръ лишь прозябать, не имѣя возможности наново создать свое мореходство, возвратить себѣ колоніи и поддержать свою торговлю, все, что наслѣдовалъ Карѳагенъ. Царь Этваалъ былъ уведенъ плѣнникомъ въ Вавилонъ, и съ нимъ всѣ наиболѣе знатныя семейства. Другая часть населенія, взойдя на остатки флота въ моментъ приступа искала убѣжища въ Карѳагенѣ. Набуходороссоръ оставилъ за Тиромъ значеніе царскаго города, сдѣлавши царемъ нѣкоего Ваала.

---

[1]) *Menandr.*, ap.—*Joseph.*, Contr. Apion. 1, 21.

[2]) *Hieronym*, Comment. in Ezech. c. XXVI.

§ 5.—Война Уапрагета въ Финикіи.—Господство Вовилонянъ.—Финикійскіе города при первыхъ персидскихъ царяхъ.

(574—506).

I.—Египтянинъ Уапрагетъ не съумѣлъ явиться во время на помощь Тиру, сопротивленіе котораго, однако, было очень продолжительно, а тѣмъ болѣе онъ не поспѣлъ съ помощью къ Іерусалиму. Только когда великій финикійскій городъ палъ, военныя приготовленія Египта оказались докопченными и фараонъ рѣшился выйти въ путь. Халдеяне пользовались на сушѣ такимъ превосходствомъ, что фараонъ не осмѣлился предпринимать континентальнаго похода въ Палестину. Съ огромнымъ числомъ Іонянъ и Каріянъ, находившихся въ его службѣ по найму, онъ снарядилъ такой флотъ, какого Египетъ не имѣлъ со временъ Тутмозиса III, и на морѣ началась борьба.

Флотъ Уапрагета направился къ Финикіи, безъ сомнѣнія, съ надеждой, что достаточно его одного присутствія, чтобы поднять въ ней города. Но послѣдніе принуждены были съ этихъ поръ слѣдовать за знаменемъ Набуходороссора, ставшаго ихъ господиномъ; подавляющее превосходство его войскъ, боязнь испытать на себѣ судьбу Тира, заставила ихъ оставаться въ повиновеніи и доказать халдейскому монарху вѣрную службу своими кораблями. Флотъ финикійскихъ городовъ, соединенный съ флотомъ маленькихъ царствъ острова Кипра, признавшихъ безъ всякаго, даже слабаго, сопротивленія верховную власть Набуходороссора тотчасъ послѣ битвы при Каркемишѣ выступаетъ противъ флота Уапрагета, чтобы загородить ему путь. Большая морская битва произошла на водахъ Кипра и побѣда осталась за греческими и карійскими кораблями египетскаго царя[1]) Преслѣдуя свои успѣхи, флотъ фараона отправляется взыскать военную контрибуцію со всѣхъ городовъ финикійскаго побережья и открыто завоевываетъ Сидонъ; но онъ не могъ удержаться въ этомъ городѣ и удовольствовался тѣмъ, что унесъ изъ него весьма значительную до-

[1]) Herodot. II, 161.—Diod. Sic. I, 68.

бычу. Арадъ былъ также занятъ Египтянами, оставившими тамъ на нѣкоторое время свой гарнизонъ, что доказывается найденными въ Арадѣ въ послѣдніе годы нѣсколькими гіероглифическими надписями, относящимися къ царствованію Уапрагета. Но, какъ и все прочіе, походъ этого царя въ Финикію былъ гораздо менѣе серьезной попыткой вырвать страну изъ власти Набуходоросора, чѣмъ большимъ морскимъ грабежемъ безъ политическихъ результатовъ.

II.—Зависть Сидона къ Тиру была удовлетворена разрушеніемъ этого города; въ то же время, Сидоняне, какъ люди практическіе, поторопились извлечь изъ этого пользу. Отъ опустошеннаго и уничтоженнаго Тира они наслѣдовали торговлю, ихъ портъ былъ первымъ въ Финикіи, и ихъ мореходство, въ весьма короткое время, сдѣлало быстрый шагъ впередъ. Между тѣмъ какъ городъ Мелькарта геройски защищалъ свою свободу въ неравной борьбѣ, въ которой онъ долженъ былъ окончить подчиненіемъ, Сидонъ, ползавшій у ногъ господина, старался сохранить его милость безпрекословнымъ повиновеніемъ. Это поведеніе доставило ему значительныя торговыя привилегіи и драгоцѣнныя территоріальныя щедрости со стороны Набуходоросора.

Дѣйствительно, къ тому самому моменту финикійской исторіи, который непосредственно слѣдовалъ за войной Уапрагета, различнаго рода указанія согласно заставляютъ относить сидонскаго царя Эсмуназара; саркофагъ этого царя, носящій длинную финикійскую надпись, самую пространную, какая только извѣстна до сихъ поръ, былъ открытъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и подаренъ Лувръ скому музею щедростью герцога де-Люинь. »Я, говоритъ этотъ монархъ въ своей эпитафіи, я Эсмуназаръ, царь Сидона, сынъ Табнита, царя Сидона, внукъ Эсмуназара, царя Сидона, и моя мать—Амустарета, жрица нашей богини Астореты, царица, дочь царя Эсмуназара, царя Сидона. Мы построили храмъ Алонимовъ (великихъ боговъ) въ Сидонѣ, на морской землѣ, и *Ешмуруны* прославляютъ тамъ Асторету. Мы также построили на горѣ храмъ Эсмуну, опирающемуся рукой на змія, и Семиты служатъ ему. Наконецъ, мы построили храмы Алонимовъ сидонскихъ въ Сидонѣ, Ваала сидонскаго и Астореты, Славы Ваала. Пусть же владыка царей даруетъ намъ навсегда власть надъ

Доромъ, Яфо и землями, обильными прекраснымъ хлѣбомъ и находящимися въ Саронской долинѣ, въ награду за великія дѣянія, которыя я совершилъ«. Изъ этихъ выраженій видно, что одною изъ главныхъ заботъ Эсмуназара, въ теченіи его царствованія, было возстановленіе сидонскихъ храмовъ, лежавшихъ въ развалинахъ, со времени взятія и разграбленія города Египтянами, обстоятельство, болѣе всего способствующее опредѣленію эпохи этого царя. Мы узнаемъ въ тоже время, что »владыка царей«, т. е. монархъ-сюзеренъ, Набуходоросоръ, наградилъ своего сидонскаго вассала богатымъ кускомъ земли отъ царства Іудейскаго, которое онъ только что разрушилъ, равниной Саронской, въ окрестностяхъ Іоппе и Лидды, извѣстной своей плодоносностью, потомъ тѣми же самыми городами: Яфо, Іоппе Грековъ, и Доромъ, расположенными на двухъ оконечностяхъ равнины.

III.—Однако, мы уже разсказали выше, что Тиръ, въ своемъ полномъ униженіи, продолжалъ управляться особеннымъ царемъ. Отрывокъ изъ тирскихъ лѣтописей, переведенныхъ Менандромъ, сохранился въ описаніяхъ Іосифа[1]) и позволяетъ намъ прослѣдить перемѣны внутренней исторіи этого города въ теченіи непродолжительнаго господства Вавилонянъ.

Царь Ваалъ, поставленный на престолъ Набуходоросоромъ, правилъ десять лѣтъ; но въ началѣ 563-го года, мы видимъ его низвергнутымъ мѣстнымъ мятежемъ, послѣ котораго монархическая власть была уничтожена и замѣнена республиканскими городскими правителями съ титуломъ суффетовъ Время этого мятежа точно совпадаетъ съ безуміемъ халдейскаго завоевателя и, кажется, Тиряне поспѣшили воспользоваться этимъ событіемъ, принесшимъ глубокую смуту въ государство, чтобы избавиться отъ царя, котораго надъ ними поставили силой. За низверженіемъ Ваала слѣдовалъ періодъ анархіи, когда партіи одна у другой оспаривали власть и когда управленіе не могло оставаться долго въ однихъ рукахъ. Экниваалъ сынъ Ваалзиллеха, былъ первымъ суффетомъ, но оставался въ этой

---

[1]) Contr. Apion. I, 21.

должности всего два мѣсяца; онъ имѣлъ преемникомъ Калеба, сына Абдаи, управлявшаго десять мѣсяцевъ. Послѣ Калеба, первосвященникъ Мелькарта, по имени Габбаръ, завладѣлъ верховной властью, которую онъ могъ удерживать за собою въ теченіи лишь трехъ мѣсяцевъ. Тогда Тиряне рѣшились имѣть двухъ суффетовъ, и народъ избралъ для исполненія этой обязанности Мутона и Герасторета, двухъ сыновей Абделима. Они стояли у дѣлъ шесть лѣтъ, и послѣ нихъ царское достоинство было возстановлено какимъ-то Ваалаторомъ. Это бурное время, въ продолженіи котораго всѣ названныя личности такъ быстро смѣнялись одне другими въ Тирѣ, соотвѣтствуетъ эпохѣ не менѣе смутной, когда Вавилонъ видѣлъ свою царскую династію измѣнявшейся два раза, и Эвильмеродахъ, Нергалсарассоръ и Беллабарисрукъ II слѣдовали одинъ за другимъ на его престолѣ. Ни одинъ изъ этихъ царей не старался вмѣшиваться во внутреннія дѣла Тира, продолжавшаго платить имъ свою дань.

По истеченіи лишь одного только года правленія, Ваалаторъ былъ низвергнутъ. Отрывокъ изъ Менандра указываетъ намъ тогда на царя изъ древняго царскаго рода, Мегерваала, вышедшаго изъ вавилонской темницы и прибывшаго въ Тиръ, куда отправилъ его сюзеренъ, чтобы занять престолъ. Это случилось въ тотъ годъ (555), когда Набонагидъ только что надѣлъ на себя тьяру въ столицѣ Халдеи и снова ввелъ болѣе единства и правильности въ управленіи царствомъ, основы котораго были сильно расшатаны. Мегерваалъ умеръ въ концѣ четвертаго года царствованія (551) и имѣлъ наслѣдникомъ своего брата Хирама; въ 14-й годъ правленія этого царя Финикія признала своимъ господиномъ Кира, побѣдителя Вавилона. Хирамъ правилъ послѣ того шесть лѣтъ, какъ вассалъ Кира, и умеръ въ 531-мъ году, оставивъ Тирское царство своему сыну Мутону, занимавшему престолъ еще въ эпоху похода Ксеркса противъ Греціи.

IV.—Необнаруживая никакой попытки къ сопротивленію, финикійскіе города, лишь только Киръ взялъ Вавилонъ, спокойно перешли отъ господства Халдеевъ къ господству Персовъ и подчинились власти завоевателя. Они показали самое покорное послушаніе своимъ новымъ повелителямъ, платили имъ туже самую дань, какъ и прежнимъ, и

также доставляли свои корабли для походовъ, какіе объявляли персидскіе цари, подобно завоеванію Египта Камбизомъ. Но когда этотъ царь хотѣлъ напасть на Карѳагенъ, то финикійскій флотъ отказался выступить для порабощенія своихъ остававшихся еще свободными братьевъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Цивилизація, нравы и вліяніе Финикіянъ.

§ 1.—Торговля.

I.— Торговля и преимущественно морская, что мы тотчасъ видѣли изъ сдѣланнаго нами краткаго очерка финикійской исторіи, была всегда главнымъ дѣломъ Финикіянъ. Можно даже сказать, что ихъ лѣтописи, за исключеніемъ нѣсколькихъ военныхъ эпизодовъ защиты родной территоріи, составляютъ, въ дѣйствительности, за все время, пока стоятъ они на историческомъ поприщѣ, лишь лѣтописи одного огромнаго торговаго дома.

Эта роль была такой, впрочемъ, какую сама природа и географическое положеніе страны необходимо заставляли этотъ народъ играть. Финикія, помѣщенная на краю азіатскаго континента, на берегахъ большаго моря, которое ставило ее въ прямое сообщеніе съ Африкой и Европой, была призвана назначеніемъ Провидѣнія служить складомъ товаровъ между Востокомъ и Западомъ. Европа, Азія и Африка, въ теченіи долгихъ вѣковъ, сообщались между собой сначала также исключительно своими флотами.

Природа и блестящіе успѣхи первобытной торговли, которую Финикіяне поддерживали морскимъ путемъ, помогли имъ установиться извѣстнымъ образомъ. Народы, торговавшіе съ ними, были еще совершенно дики, безъ всякой промышленности, въ томъ состояніи, въ какомъ первые европейскіе мореходцы нашли туземцевъ Океаніи. Съ другой стороны, Хананеяне были промышленны почти столько же, какъ и торговы; они довели до высшей степени совершенства производства нѣкоторыхъ ремеслъ. Продукты ихъ металлургіи восхва-

ляются въ египетскихъ текстахъ со времени XVIII-ой династіи, ковры ихъ славились во всемъ древнемъ мірѣ; нѣкоторые краски, какъ напр., пурпуровая, составляли безраздѣльно въ ихъ рукахъ монополію; ихъ стекляныя издѣлія, многочисленными образцами которыхъ мы владѣемъ, равнялись изъ цѣліямъ, выпускавшимся Венеціей изъ своихъ заводовъ въ средніе вѣка. Поэтому, Финикіяне были не только маклерами великихъ цивилизованныхъ и промышленныхъ націй, какъ Египтяне и Ассиріяне, между которыми они помѣщались, но многое вырабатывали сами и распространяли свои собственные товары посредствомъ сбыта, который постоянно создавала ихъ мореходная дѣятельность. При такихъ условіяхъ, ихъ торговля велась исключительно путемъ обмѣна. Они ходили сначала въ Грецію, потомъ въ Испанію, Галлію, Италію, Ливію, и повсюду къ варварамъ, позже на острова Британскіе и одно время даже въ Индію; тамъ Финикіяне получали отъ жителей металлы, строевой лѣсъ, различныя сырыя естественныя произведенія, какія каждая изъ этихъ странъ могла имъ доставить; взамѣнъ, они давали мануфактурныя произведенія, металлическіе инструменты, ковры, глиняную и стеклянную посуду; пониманіе удобствъ этихъ произведеній распространялось ихъ отношеніями и вызывало сознаніе нужды въ породностяхъ, отвыкавшихъ уже сами собой отъ слишкомъ рудиментарныхъ производствъ и привычекъ *каменнаго періода*, но еще неспособныхъ на производство ихъ собственными руками.

Такимъ образомъ становится понятнымъ то явленіе, что Финикіяне, эти великіе купцы, въ роли которыхъ Венеціанцы, Голандцы, даже сами Англичане въ новѣйшія времена, лишь отчасти могутъ быть сравниваемы, что Финикіяне, повторяемъ, послѣ того какъ были призведены нуждами своихъ торговыхъ операцій къ упрощенію письма и изобрѣтенію азбуки, не были вызваны ими къ болѣе подходящему въ ихъ спеціальности изобрѣтенію—денегъ. Въ теченіи долгихъ вѣковъ, они не чувствовали потребности въ деньгахъ, которая должна обнаружиться лишь въ торговлѣ цивилизованныхъ съ цивилизованными, а не цивилизованныхъ съ дикими, и Финикіяне оставили

Грекамъ славу этого другаго великаго изобрѣтенія, долженствовавшаго имѣть не менѣе важные и не менѣе плодотворные результаты.

Въ болѣе близкія къ намъ времена, условія финикійской торговли необходимо измѣнились. Финикіяне-то сами способствовали болѣе, чѣмъ какой нибудь другой народъ, распространенію матеріальной цивилизаціи во всѣхъ частяхъ Средиземноморскаго бассейна. Но ихъ торговля, ограничиваясь съ этихъ поръ лишь цивилизованными народами, не шла оттого медленнѣе. Характеръ ея успѣховъ и предметовъ измѣнился, но за то остался навсегда дѣятельнымъ. Дѣйствительно, самые цивилизованные народы Запада и первые Греки получали всегда изъ Азіи нѣкоторые продукты роскоши, спросъ на которые, съ ихъ стороны, увеличивался по мѣрѣ того, какъ они начинали вводить у себя тонкости чувственной и стремящейся къ наслажденіямъ жизни. И эти самые народы, хотя и приготовлявшіе, съ своей стороны, издѣлія искусно и въ изобиліи, искали всегда произведеній разныхъ отраслей восточной промышленности.

II.—Съ обширной морской торговлей Финикіянъ должна была естественно соединяться и сухопутная, не менѣе распространенная; она велась при посредствѣ каравановъ. Нѣкоторые великіе торговые пути, дѣятельно посѣщавшіеся финикійскими купцами, шли чрезъ материкъ Европы и позволяли имъ, по мѣрѣ надобности, обезпечиваться цѣнными произведеніями нѣкоторыхъ странъ, отдаленныхъ на столько, что, при мореходствѣ, Финикіянъ невозможно было достигнуть ихъ. Мы говорили уже о торговомъ пути, который шелъ чрезъ Галлію до устьевъ Роны и по которому доставлялось корнваллійское олово гораздо раньше, чѣмъ Тиряне рѣшились отправляться прямо до Касситеридовъ. Не менѣе также извѣстно, что, со времени сидонскаго первенства, янтарь съ береговъ Балтики занималъ очень важное мѣсто между произведеніями, которыя Финикіяне привозили изъ своихъ морскихъ путешествій и ввозили въ Азію. Однако, хотя и говорятъ объ этомъ нѣкоторые ученые, невозможно допустить, чтобы въ какую нибудь эпоху корабли Сидона или Тира посѣщали Балтику и берега Пруссіи, отечество янтаря. Финикіяне набирали этотъ драгоцѣнный товаръ у устьевъ Эридана (По), и въ теченіи долгаго времени, Греки ду-

мали, что онъ пріобрѣтался Финикіянами тамъ. Торговля велась до устьевъ этой рѣки сухимъ путемъ при посредствѣ каравановъ, проходившихъ всю Германію и, на возвратномъ пути, по той же самой дорогѣ, распространявшихъ предметы азіатской промышленности, а позже, вмѣстѣ съ тѣмъ, и этрусской, по всей Германіи и Скандинавіи, гдѣ эти произведенія оказали большое вліяніе на первые опыты фабрикаціи ихъ туземными народами [1]). Но особенно внутри Азіи сухопутная торговля Финикіянъ достигла широчайшихъ размѣровъ: она приносила въ порты морскихъ Хананеянъ естественные или мануфактурные продукты, которые ихъ корабли везли обмѣнивать на первыя предметы Запада и, на обратномъ пути, распространяли послѣдніе въ различныхъ азіатскихъ странахъ.

Чтобы составить себѣ полное и ясное понятіе объ этой сухопутной торговлѣ Финикіянъ, надо подраздѣлить ее на три вѣтви, соотвѣтствующія тремъ главнымъ направленіямъ; изъ нихъ первая вѣтвь обнимала южную торговлю, или арабо-индійскую, вторая — восточную или ассиро-вавилонскую, наконецъ, третья — сѣверную или армяно-кавказскую.

Ш. — Въ первомъ направленіи, караваны старались достинуть различныхъ странъ южной Аравіи, Іемена, Гадрамота и Омана. Они приносили оттуда продукты самой страны: золото, твердые камни, какъ, напр., оникъ и агатъ, ѳиміамъ, ладанную камедь и смирну продукты Индіи, нагружавшіеся въ портахъ Адена, Кана и Гарана: алмазы, пряные коренья, слоновую кость, драгоцѣнные и благовонные деревья; наконецъ, продукты эѳіопскаго берега, столь близкаго къ Іемену: золото, слоновую кость, черное дерево и страусовыя перья. Агентами транспортовъ этой торговли являются арамейскія племена, пре-

---

[1]) Объ этомъ можно справиться, но съ нѣкоторой осторожностью, въ трудѣ Ружемона „*о бронзовомъ періодѣ*“ (Paris, 1866). Авторъ настаиваетъ, съ нѣкоторымъ основаніемъ, на вліяніи финикійской торговли и представляетъ весьма интересную картину ея, но онъ несправедливо обходитъ молчаніемъ этрусское вліяніе, столь очевидное въ большомъ числѣ произведеній бронзоваго періода западныхъ и сѣверныхъ странъ Европы.

имущественно же жители Кайдара, на югѣ Пустынной Аравіи, Мадіанитяне и Идумяне Каменистой Аравіи. »Арабы и всѣ эмиры Кайдара«, говоритъ Іезекіиль, обращаясь къ Тиру, »торгуютъ съ тобой и приводятъ къ тебѣ своихъ верблюдовъ..... Эдомъ также участвуетъ въ торговлѣ съ тобой, и онъ приноситъ тебѣ красную вениcу, пурпуръ, вышитыя матеріи, хлопчатобумажныя полотна, дикихъ козъ и драгоцѣнные каменья, взамѣнъ тѣхъ продуктовъ, которые ты ему доставляешь«. Караваны Іемена, снаряжаемые, главнымъ образомъ, Мадіанитянами и Идумеянами, восходятъ къ сѣверу, держась въ небольшомъ разстояніи отъ берега, до Макорабы (Мекки) или до Ямбо и Гавары (называемой Греками Лейке Коме), проходили чрезъ Ятрибъ (Медину), откуда достигали Селы, или Петры, столицы Набатеевъ, и, наконецъ, являлись въ Финикію чрезъ страны Моава и Аммона. Караваны Гадрамота и Омана, которые велись жителями Кайдара, шли въ Герру, что на Персидскомъ заливѣ, значительный портъ, куда причаливали также многочисленные корабли, направлявшіеся изъ Индіи. Отсюда караваны, проходившіе пустыни внутренней Аравіи, двигаясь отъ оазиса къ оазису, направлялись къ Тиру той дорогой, которая, въ началѣ этой книги, указана, какъ путь великаго переселенія Хананеянъ.

Финикіяне входили съ Египтомъ, Палестиной и Арамеей въ правильныя отношенія. Изъ разсказа Геродота даже слѣдуетъ, что Финикіяне начали торговлю исключительно распространеніемъ у другихъ народовъ произведеній Египтянъ и Ассиріянъ. Іезекіиль говоритъ: »Ты развѣшиваешь на своихъ палаткахъ хлопчатобумажныя ткани и вышиванья, приготовляемыя въ Египтѣ«. Хлопчатая бумага была однимъ изъ туземныхъ продуктовъ египетской почвы, а вышиванья этой страны принимались за верхъ совершенства въ промышленности. »Народы Іуды и Израиля давали тебѣ пшеницу изъ Миніата, сладкое вино, масло и бальзамъ, взамѣнъ за твои продукты. Дамаскъ, привлеченный твоими богатствами, торговалъ съ тобой; онъ давалъ тебѣ вино изъ Гельбона и шерсть изъ пустыни«. Гельбонское вино, т. е. аленское, было или считалось лучшимъ въ Азіи. Шерсть отъ стадъ, ходившихъ по Сирійской пустынѣ, была равно знаменита

своей тонкостью. Эта шерсть, употреблявшаяся въ работу, окрашивалась въ пурпуръ на фабрикахъ Тира и Сидона и, распространявшаяся въ блестящихъ тканяхъ по цѣлому міру, составляла одну изъ главныхъ отраслей финикійской торговли.

IV—Арамея служила первымъ торговымъ пунктомъ между Финикіей, Вавилономъ и Ниневіей. Сиріяне были въ сѣверномъ и восточномъ направленіяхъ для Финикіянъ тѣмъ же, чѣмъ Мадіанитяне, Идумеяне и жители Кайдара въ южно-аравійскомъ направленіи, т. е. посредствовавшими агентами и извощиками ихъ торговли. Путь шелъ, по переходѣ Ливана и Антиливана, чрезъ Бальбекъ (Геліополисъ Грековъ), Дамаскъ и Эмезу. Въ этомъ послѣднемъ городѣ, дороги въ Ассирію и Вавилонію расходились. Ниневійская дорога принимала направленіе, которому слѣдуютъ до сихъ поръ еще, отправляясь въ Моссулъ, чрезъ Гаматъ, Гельбонъ (Алепу), Эдессу (Орфу) и Низибу. Вавилонская дорога врѣзывалась глубоко въ восточную пустыню, среди которой караваны находили вѣрную станцію въ Тадморѣ (Пальмирѣ), а чрезъ него прямо достигали Тапсака на Евфратѣ. Въ этотъ послѣдній городъ вавилонскіе товары прибывали по рѣкѣ, и спрійскіе, финикійскіе и палестинскіе купцы начинали ихъ покупать здѣсь. Іезекіиль не говоритъ, каковы были произведенія, получаемыя Тиромъ этимъ путемъ. Но вавилонская торговля намъ достаточно извѣстна, чтобы мы могли о ней въ этомъ случаѣ напомнить. Кромѣ великолѣпныхъ хлопчатобумажныхъ и льняныхъ тканей, Вавилоняне въ совершенствѣ праготовляли предметы украшеній и роскоши: топко вырѣзанныя трости, драгоцѣнные выточенные камни и духи, употребленіе которыхъ стало въ ту пору уже всеобщимъ на Востокѣ. При посредствѣ Вавилона также, Финикіяне получали произведенія внутренней Азіи. Мы показали уже выше, что караваны ихъ великаго города отправлялись въ Бухарію и Малый Тибетъ. Этимъ путемъ народонаселеніе Сиріи познакомилось съ шелкомъ, о которомъ упоминается уже въ книгѣ Іезекіиля.

V.—Сухопутная торговля, направлявшаяся изъ Финикіи къ сѣверу, намъ рѣшительно была-бы неизвѣстна, если бы не писалъ о ней тотъ же самый пророкъ: »Тувалъ и Мозохъ торговали съ тобой, го-

воритъ онъ, и доставляли на твои рынки рабовъ и мѣдные сосуды. Тогорма давала тебѣ, взамѣнъ за твои произведенія, лошадей обыкновенной и благородной породъ, а равно и муловъ«. Тубалъ и Мозохъ, мы говорили уже это, когда шла рѣчь о генеалогіи потомковъ Ноя, означаютъ сѣверныя страны Малой Азіи, лежащія по сосѣдству съ Чернымъ моремъ, отечество Тибаренянъ и Мосхіевъ. Что касается до Тогормы, то это—Арменія. Кто не знаетъ, что предметы торговли, о которыхъ говоритъ пророкъ, неизмѣнно тѣ же, какіе эти самыя страны доставляютъ и въ настоящее время? Только русское завоеваніе положило конецъ торговлѣ рабами, удержавшейся въ Грузіи у Черкессовъ со всѣми магометанскими странами и наполнявшей гаремы Турціи и Персіи. Когда Ксенофонтъ во главѣ Десяти Тысячъ прибылъ въ страну Курдюковъ, онъ пораженъ былъ большимъ количествомъ металлической домашней утвари, бывшей въ употребленіи у этого народа; бокъ-о-бокъ, Халибы славились, съ незапамятныхъ временъ, своей металлургіей. Мѣдь и теперь въ этой странѣ не въ меньшемъ употребленіи, въ какомъ была она некогда. Она составляетъ главный предметъ торговли съ Багдадомъ и Бассорой; тамъ фабрикуютъ исключительно изъ мѣди всю домашнюю утварь, и въ городахъ очень немногіе занимаются другой работой, кромѣ мѣдницкаго мастерства. Наконецъ, Арменія, даже въ настоящее время, является страной, богатой лошадьми самой красивой наружности; тамъ находятся тѣ нисейскія лошади, превосходные бѣгуны древности, которые удивляли цвѣтомъ и блескомъ своей шерсти не менѣе, чѣмъ красотой своихъ формъ, и которыхъ однихъ считали достойными быть запряженными въ колесницу персидскихъ царей.

VI.—Вся эта разнообразная торговля, поддерживавшаяся въ теченіи долгихъ вѣковъ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, скопила въ финикійскихъ городахъ огромныя богатства. Но эти богатства не мало способствовали ихъ быстрому паденію. Они-то и возбудили алчность ассирійскихъ и халдейскихъ монарховъ; они-то также и ввели въ населеніе безграничную деморализацію и глубокій развратъ, этотъ развратъ, который всегда предаетъ народы чужеземному завоеванію. »Вы были въ наслажденіяхъ Божьяго рая«, кричитъ Іезекіиль

къ Тирянамъ, »ваша одежда была обагащена всякаго рода дракоцѣнными каменьями; сардоникъ, топазъ, яшма, хризолиты, ониксы, сафиры, красная вениса, изумруды блещутъ на ней вмѣстѣ съ золотомъ; въ вашу честь раздавались звуки флейтъ и барабановъ..... Но вы запятнаны множествомъ своихъ беззаконій и неправдъ своей торговли; поэтому-то я заставлю выйти изъ среды васъ огонь, который пожретъ васъ, и я обращу васъ въ пепелъ«.

§ 2.—Колоніи.

Чтобы облегчить себѣ торговлю и дать ей болѣе прочныя основанія и болѣе безопасности, Финикіяне, во всѣхъ странахъ, гдѣ корабли ихъ и купцы имѣли обыкновеніе останавливаться, основали постоянныя конторы, факторіи, на подобіе тѣхъ, какія основаны еще въ наше время на африканскомъ берегу и которые были первымъ зерномъ европейскихъ владѣній въ Индіи. Мы упоминали уже, говоря о времени ихъ основанія, о главныхъ изъ этихъ поселеній, образовывавшихъ непрерывную цѣпь на всѣхъ берегахъ Средиземнаго моря до Геркулесовыхъ Столповъ.

Два раза только сыны Ханаана пытались устроить собственно такъ называемыя колоніи, занимавшія огромныя пространства территоріи, съ земледѣльческимъ населеніемъ, и пользовавшіяся тамъ верховной властью. Это были: беотійская колонія, основанная въ Ѳивахъ, и африканская, отъ которой произошла Ливіе-финикійская народность; за неключеніемъ этихъ двухъ попытокъ, Финикіяне, во время ихъ наибольшаго благополучія, въ ту пору, когда морская торговля древняго міра находилась исключительно сконцентрированной въ нихъ рукахъ, создавали только простыя факторіи.

Но Финикіяне имѣли факторіи всюду, и послѣдніе пользовались огромнымъ вліяніемъ на различныя страны, въ которыхъ основывались. Всѣ они становятся зерномъ большихъ городовъ, потому что дикіе еще туземцы быстро группируются вокругъ финикійской факторіи, привлекаемые выгодами, которыя они тамъ находятъ, и преимуществами гражданственной жизни. Всѣ они также были дѣя-

тельными центрами распространенія вещественной цивилизаціи. Дикій народъ не вступаетъ въ дѣятельную и продолжительную торговлю съ цивилизованнымъ народомъ, безъ заимствованія мало по малу у него культуры, особенно, когда это касается племенъ, столько же умныхъ и столько же способныхъ къ прогрессу, какими оказались европейскія племена. Новыя нужды пробуждались у нихъ; они съ жадностью хватались за мануфактурные продукты, приносимыя имъ и доставлявшіе столько наслажденій, о какихъ они прежде даже не думали, но вскорѣ у нихъ родилось желаніе проникнуть тайну ихъ производствъ, приняться за ремесла, которыми вырабатывались продукты, начать самимъ пользоваться источниками, какіе доставляла ихъ почва, вмѣсто того, чтобы отдавать ихъ всегда этимъ чужестранцамъ, такъ хорошо умѣвшимъ извлекать изъ нихъ пользу.

II.—Но вліяніе торговли на цивилизацію и ея роль распространительницы прогресса—общее мѣсто. Слѣдовательно, распространяться здѣсь объ этомъ излишне. Мы хотѣли бы только показать, какъ, при возникновеніи человѣческихъ обществъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря, Финикіяне, будучи, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, купцами и моряками по преимуществу, этимъ самымъ способствовали болѣе, чѣмъ всякій другой народъ, распространенію среди еще дикихъ племенъ, обитавшихъ по берегамъ этого моря, основныхъ тайнъ полезныхъ искусствъ и первыхъ началъ культуры.

Египетъ и Ассирія стали очагами, у которыхъ родилась матерьяльная цивилизація. Хананеяне явились какъ бы ихъ миссіонерами. Начиная Греціей и кончая Гибралтарскимъ проливомъ, нѣтъ ни одной страны, гдѣ не сказалось бы ихъ вліяніе на начала осѣдлой жизни, гдѣ нельзя было бы ясно различить плодотворное дѣйствіе этихъ смѣлыхъ мореходцевъ, которымъ путешествія Геркулеса, національнаго бога Тира, служили миѳическимъ символомъ. Благодаря вліянію факторій и ихъ дѣятельности, Греція, Италія, Галлія, Испанія, по выходѣ изъ первобытнаго варварства, стали сначала совершенно азіатскими и оставались такими до того времени, когда жители этихъ странъ почувствовали себя на-столько ушедшими впередъ по пути

прогресса, чтобы мочь существовать собственными силами, когда ихъ индивидуальный геній, питаемый этимъ воспитаніемъ сдѣлался способнымъ разорвать обвивавшія его пелены и отмѣтить свою цивилизацію собственной печатью.

III.—Въ этомъ отношеніи никогда не удастся преувеличить значенія Финикіянъ въ древнемъ мірѣ и участія, какое они принимаютъ въ первыхъ шагахъ человѣчества на пути къ цивилизаціи. Одно мнѣніе, которое мы готовы раздѣлять и которое не должно лишать насъ надежды дождаться дня, такъ быстръ отнынѣ ходъ археологическихъ наукъ, когда мы въ силахъ будемъ доказать истину, одно мнѣніе, новторяемъ, старается сдѣлать Ханаанеянъ Сидона и Тира распространителями основныхъ тайнъ металлургіи у народовъ западной Европы и считать *бронзовый періодъ* въ нашихъ странахъ несуществующимъ не вслѣдствіи вторженія, какъ думали это спачала, новаго племени, уничтожившаго первобытныхъ дикарей каменнаго періода, но, скорѣе, вслѣдствіе великаго вліянія Финикіянъ и первоначальнаго развитіи туземной культуры подъ ихъ руководствомъ.

То, что называютъ *бронзовымъ періодомъ* составляетъ періодъ развитія цивилизаціи, въ который, послѣ того какъ оставлено было употребленіе домашней утвари и оружій изъ камня, не знали еще ничего, кромѣ металлургіи бронзы, и дѣлали исключительно изъ этого матеріала все, что приготовлялось позже изъ желѣза. Предметы этого періода развитія человѣческой культуры въ нѣкоторыхъ странахъ западной Европы, гдѣ ихъ находятъ, въ Испаніи, Италіи, Германіи, на Британскихъ островахъ или въ странахъ Скандинавіи, всѣ приготовлены съ такой металлической примѣсью и представляютъ между собой столько единства въ формѣ и орнаментикѣ, что ихъ свободно считаютъ вышедшими изъ одного и того же завода. Еще болѣе, стиль ихъ орнаментики совершенно азіатскій.

Но гдѣ распространеніе роли и вліянія Финикіянъ обнаруживается самымъ яснымъ образомъ, такъ это, безспорно, въ исторіи письма. Этотъ вопросъ на-столько важенъ, что заслуживаетъ быть предметомъ особеннаго параграфа.

§ 3.—Финикіяне и азбучное письмо.

I.—Письмо, въ самомъ началѣ, было чисто *идеографическимъ*, т. е. изображеніемъ мысли въ рисункахъ; у всѣхъ народовъ, весьма давно цивилизовавшихся оно началось этимъ состояніемъ, въ которое необходимость, вытекавшая изъ прогресса мысли и все большаго разнообразія вещей, чтобы выражать ихъ письмомъ, скоро ввела элементъ *фонетизма*, или изображенія звуковъ. Но на этомъ новомъ пути различные народы не достигли одной и той же точки развитія. Туранцы, изобрѣтатели клинообразнаго письма, и ученики ихъ Ассиро-Халдеяне, также какъ и Китайцы, не поднялись выше *силлабизма*, разсматривающаго слово, какъ совершенно недѣлимое, и выражающаго слогъ однимъ знакомъ, силлабомъ, слагающимся изъ соединенія согласной, нѣмой самой по себѣ, и одного гласнаго звука, позволяющаго произносить ее, или, какъ говорятъ грамматики, служащаго ей для движенія. Одни Египтяне, народъ въ высшей степени философскій, поняли упрощенный и богатый послѣдствіями принципъ *алфавитизма*, разлагающій слогъ и изображающій въ немъ различными знаками согласную и гласную. Поэтому, они первые имѣли въ своей письменной системѣ истинныя буквы.

Но, все-таки, поднявшись до этой ступени, графическая система Египтянъ сохранила многочисленные слѣды различныхъ состояній, которыя она должна была пройти, чтобы достигнуть послѣдней. До тѣхъ поръ, пока гіероглифы фараоновской земли были употребляемы, т. е. до царствованія императора Діоклетіана, они сохраняли просто фигуративные знаки и большое число символическихъ чертъ; даже рядомъ съ чисто алфавитными буквами всегда удерживалось извѣстное количество силлабическихъ знаковъ. Прибавьте къ этой смѣси разнаго рода буквъ способность всѣхъ идеографическихъ знаковъ принимать случайное фонетическое значеніе, какъ начала нѣкоторыхъ словъ, и съ другой стороны, возможность употреблять идеографически знаки, обыкновенно служащіе чистымъ и простымъ изображеніемъ звуковъ, независимо отъ какого бы то ни было понятія: таковы факты, пред-

ставляемыя гіероглифическимъ египетскимъ письмомъ тому, кто хотѣлъ бы анализировать его возникновеніе, развитіе и духъ. Оно представляетъ, безъ сомнѣнія, самую совершенную изъ системъ первобытнаго письма, системъ, которыя начали чистымъ идеографизмомъ; но какъ эта система еще груба, смѣшанна и несовершенна! Сколько темноты и неопредѣленности въ чтеніи, которыя, меньшіе для Египтянъ, чѣмъ для насъ, должны были, однако, представляться для нихъ самихъ! Сколько шансовъ для смѣшиванія и заблужденія, отъ которыхъ могла предохранить одно только продолжительное изученіе и большая практика! Какая крайняя запутанность! Безъ сомнѣнія, гіероглифы не были, какъ это весьма долго думали, жреческой тайной, открывавшейся лишь нѣкоторымъ избраннымъ адептамъ; это было письмо, которымъ пользовались во всѣхъ случаяхъ, когда встрѣчалась необходимость писать. Но весьма ясно, что, безъ чего жрецы имѣли бы нужду дѣлать его тайной, 'система письма, на столько запутанная, что знаніе ея требовало также долгаго времени для изученія, не могла быть очень распространена въ народной массѣ; въ древнемъ Египтѣ поэтому, вслѣдствіе самой природы графической системы а не желанія сдѣлать изъ нея рѣшительно непонятный секретъ для толпы, люди, умѣвшіе читать и писать, гражданскіе и религіозные писцы, составляли родъ отдѣльнаго класса и замкнутой касты въ націи.

II.—Такимъ образомъ, даже послѣ того какъ Египтяне достигли до анализа слога и отвлеченія согласной, оставалось совершить капитальный прогрессъ, чтобы довести письмо до степени простоты и ясности, которая одна могла бы дать ему возможность исполнить достойно и совершенно свое высокое назначеніе. Отвергнуть всякую черту идеографизма, равно не признавать силлабическаго значенія, изображать только звуки, при посредствѣ частаго алфавитизма, наконецъ, приводить фонетическіе звуки къ одному неизмѣнному знаку для каждаго самостоятельнаго звука, таковъ былъ прогрессъ, который долженъ былъ произвести на свѣтъ собственно такъ называемый алфавитъ, совершить близкое соединеніе письма со словомъ, окончательно освободить человѣческій духъ отъ пеленъ первобытнаго сим-

волизма и позволить письму свободно принять свое паренiе, давая ему достойное его орудiе ясности, гибкости и совершеннаго удобства.

Этотъ прогрессъ одинъ могъ позволить искусству правописанiя проникнуть въ народныя массы, полагая конецъ всѣмъ запутанностямъ, которыя до сихъ поръ дѣлали изъ него темную и недоступную науку и сообщиться всѣмъ народамъ, дѣлая изъ письма орудiе, удобоприложимое ко всѣмъ нарѣчiямъ, ко всѣмъ идеямъ и ко всѣмъ религiямъ. Дѣйствительно, преимущественно идеографическое письмо могло лишь съ величайшимъ трудомъ переходить отъ одного народа къ другому. Чтобы ихъ пользоваться, надо было имѣть тѣже понятiя, туже цивилизацiю и почти тотъ же языкъ

III.—Но Египтянамъ не удалось совершить этотъ послѣдній и рѣшительный шагъ впередъ. Непреодолимыя препятствiя являлись къ тому, чтобы они сами извлекли это слѣдствiе открытiя, заставившаго ихъ сначала измѣнить силлабическiе знаки въ истинныя буквы.

Первое препятствiе лежало въ привычкѣ,, этой второй натурѣ, пользующейся надъ человѣкомъ весьма великимъ и рѣшительно непреодолимымъ вліянiемъ. Усовершенствовать постепеннымъ прогрессомъ правила извѣстнаго искусства, которое родилось на вашихъ рукахъ, которое создано вами самими, совершенствовать, сохраняя въ немъ существенные элементы, легшiе въ его основанiе—вещь нетрудная; но порвать связи съ долговѣковымъ преданiемъ, слагателями котораго были ваши предки, въ которомъ вы воспитались и къ которому, наконецъ, сами приспособились—усилiе сверхчеловѣческое и почти невозможное. Второе препятствiе, не менѣе сильное, вытекаетъ изъ религiи. Всѣ первобытныя письмена, вслѣдствiе самой своей символической природы и своего духа, носили существенно религiозный и священный характеръ. Они родились подъ защитой жречества и проникнуты его духомъ символизма. При первой зарѣ цивилизацiи у первобытныхъ народовъ, изобрѣтенiе искусства правописанiя являлось какой-то столь чудесной вещью, что простой народъ не могъ его представить себѣ иначе, какъ только даромъ неба. Гiероглифическая система была поэтому названа Египтянами »письмомъ боговъ«.

Вслѣдствіе этихъ препятствій, Египтяне оставили другимъ честь окончательнаго изобрѣтенія алфавита, достигнувъ сами до порога этого открытія. Но не всѣ народы имѣли возможность совершить его; нуженъ былъ такой изъ нихъ, который стоялъ бы въ особенныхъ условіяхъ и былъ одаренъ особеннымъ геніемъ.

Прежде всего, нуженъ былъ такой народъ, который, въ своемъ географическомъ положеніи, касался бы Египта и подчинялся глубокому вліянію цивилизаціи, развившейся на берегахъ Нила. Дѣйствительно, лишь при такихъ условіяхъ, онъ могъ принять точкой отправленія открытіе Египтянъ, необходимое основаніе послѣдняго прогресса, который долженъ былъ состоять въ удаленіи изъ письма всякаго идеографическаго элемента и подборѣ общихъ знаковъ для изображенія каждаго отдѣльнаго звука. Одного этого физическаго условія оказывалось еще не достаточно. Надо были другія условія, лежавшія въ инстинктахъ и духѣ націи. Народъ, призванный дать такимъ образомъ человѣческому письму его окончательную форму, долженъ былъ быть народомъ коммерческимъ по существу, народомъ, у котораго торговля считалась великимъ дѣломъ жизни, народомъ, который велъ много текущихъ счетовъ и двойную бухгалтерію. Въ самомъ дѣлѣ, при торговыхъ отношеніяхъ, сама природа вещей должна была необходимо заставить, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, чувствовать неудобства смѣси идеографизма, также какъ и выгоды постояннаго употребленія одинаково выговаривающихся знаковъ для одной и той же согласной и стремиться къ усовершенствованію письма посредствомъ его упрощенія, приводя это письмо къ чистому изображенію звуковъ при помощи неизмѣнныхъ знаковъ, такъ чтобы одно начертаніе служило для каждаго звука.

Въ древнемъ мірѣ былъ только одинъ такой народъ, который разомъ удовлетворялъ всѣмъ этимъ условіямъ: мы разумѣемъ Финикіянъ. Дѣйствительно, сыны-то Ханаана и наложили печать послѣдняго прогресса на искусство письма, и изобрѣли собственно такъ называемый алфавитъ. Свидѣтельство древности единодушно приписываетъ имъ эту честь. Мы уже выше сказали, что Финикіяне составили свой алфавитъ, выбравъ изъ начертаній гіератическаго егип-

петскаго письма двадцать двѣ буквы, изъ которыхъ каждая становится постояннымъ и неизмѣннымъ изображеніемъ одного изъ звуковъ ихъ языка. Мы также замѣтили, что, по весьма сильнымъ доводамъ, это изобрѣтеніе должно быть отнесено къ тому времени, когда Хананеяне, съ царями-Пастухами во главѣ, господствовали надъ Египтомъ.

IV. — Финикіяне были не только изобрѣтателями алфавита, но также и распространителями его во всѣхъ частяхъ міра. Особенно туда, куда направляли свои путешествія и гдѣ завязывали торговыя отношенія, они несли знаніе азбучнаго письма. Тайна этого искусства, необходимаго для развитія человѣческаго духа, постоянно занимаетъ первое мѣсто между элементами цивилизаціи, передававшимися народамъ чрезъ ихъ соприкосновеніе съ Финикіянами, и, пользуясь остроумнымъ выраженіемъ Ренана, можно сказать, что азбука вездѣ была однимъ изъ ихъ »предметовъ вывоза«.

Мы не только не знаемъ никакого собственно такъ называемаго алфавита, предшествовавшаго финикійскому, но всѣ тѣ, которые существуютъ на памятникахъ или которые сохранились въ употребленіи до настоящаго времени, не происходятъ болѣе или менѣе прямо, но по нѣкоторой филіаціи, отъ перваго алфавита, составленнаго сыномъ Ханаана.

V.—Сравнительная филологія достигла теперь группировки языковъ въ естественныя семейства такимъ же образомъ, какъ ботаника и зоологія сгруппировали растенія и живыя существа. Палеографія, или наука о письменахъ, достигаетъ подобной же классификаціи для системъ алфавитнаго письма, возстановляя ряды ступеней филіаціи, болѣе или менѣе многочисленные, которыми они связываются со своимъ первобытнымъ прототипомъ. Поэтому, существуютъ семейства письменъ, какъ семейства языковъ, эти два семейства, впрочемъ, рѣшительно независимы другъ отъ друга, и дѣленія ихъ не соотвѣтствуютъ между собой, такъ какъ часто встрѣчается полное противорѣчіе между природой языка и природой письма.

Различные извѣстные алфавиты легко соединяются въ пять главныхъ группъ, точно соотвѣтствующихъ различнымъ на-

правленіямъ, по которымъ финикійская торговля должна была распространять свое полезное изобрѣтеніе въ мірѣ. Эти группы таковы: *семитическая*, *греко-италійская*, *иберійская*, достаточно опредѣляющіяся своими названіями; потомъ группа *сѣверная*, обнимающая различные роды рунических буквъ, т. е. древнія національныя письмена Скандинавовъ, Германцевъ и Славянъ до обращенія ихъ въ христіанство, наконецъ, послѣдняя группа, которую мы предполагаемъ назвать *индо-гомеритской*. Эта послѣдняя представляетъ алфавитъ, съ совершенно отличной физіономіей; она характеризуется появленіемъ новаго начала, отмѣтки гласныхъ посредствомъ условнаго прибавленія, соединяющагося съ изображеніемъ согласной и измѣняющаго въ немъ иногда довольно замѣтно форму. Первобытное мѣсто происхожденія этого начала, кажется, было въ южной Аравіи. Оттуда оно распространилось, съ одной стороны, на Африку, гдѣ письмена Абиссинцевъ и Ливіянъ образовали, вмѣстѣ съ гиміаритскимъ, особенное семейство, или алфавитъ древнихъ жителей Іемена; съ другой стороны, на Аріану, гдѣ составляется собственное письмо, и на Индію, самый древній алфавитъ которой, магади *(magadhi)*, соединяемый Альбрехтомъ Веберомъ съ финикійскимъ источникомъ, далъ основаніе безчисленному множеству отступленій, подраздѣляющихся на пять второстепенныхъ семействъ,—деванагарское, палійское дравидійское, оксанійское и тибетское; мы исчисляемъ здѣсь ихъ въ хронологическомъ порядкѣ происхожденія.

Группа *семитическая* точно соотвѣтствуетъ сухопутной торговлѣ Финикіи съ Арамеей и бассейномъ Евфрата и Тигра; *греко-италійская*—сидонскимъ путешествіямъ въ Архипелагъ и Грецію, гдѣ эллинская легенда приписываетъ введеніе письма кадмской колоніи въ Беотіи; наконецъ, *иберійская* — торговлѣ Тира съ южной Испаніей. Колыбель письменъ *сѣверной* группы находилась, кажется, въ странахъ, сосѣднихъ съ Понтомъ—Евксинскимъ, въ то время, когда предки германцевъ и скандинавовъ имѣли еще тамъ свои жилища, и мы видѣли выше, что Финикіяне въ извѣстную эпоху вели торговлю по морю съ этой страной. Наконецъ, группа *индо-гомеритская* есть результатъ значительной торговли, которую Фини-

кія поддерживала съ югомъ Аравіи, а при ея посредствѣ, съ Индіей, съ одной стороны, и восточнымъ берегомъ Африки, съ другой.

VI.—Мы и въ мысли не имѣемъ заставлять читателя прослѣдить посредствомъ таблицы, въ книгѣ, подобной настоящему Руководству, всей этой филіаціи алфавитовъ, происшедшихъ отъ финикійскаго. Это дѣло возможно было бы только тогда, когда существовалъ бы спеціальный трактатъ и полная сравнительная палеографія. Но мы хотѣли, по крайней мѣрѣ, дать здѣсь, какъ сдѣлали это для письма Египтянъ, Ассиріянъ и Персовъ, алфавитъ, изобрѣтенный мореходцами Ханапеянами, помѣщая въ параллель каждому изъ его знаковъ, происшедшіе отъ него еврейскія, греческія и латинскія буквы. Эта таблица (см. въ концѣ книги) сама по себѣ далеко несовершенна, потому что не можетъ показать ни слѣдовъ финикійскаго алфавита въ еврейскомъ, который образовывался непосредственно слѣдовавшими рядами, ни палеографическихъ варьяцій, приведшихъ Грековъ отъ первобытной формы ихъ письма къ той, которая встрѣчается на памятникахъ эпохи процвѣтанія. Исторія филіаціи графическихъ системъ, происшедшихъ отъ хананейской, вовсе, впрочемъ, не изложена вполнѣ и послѣдовательно. Этимъ вопросомъ мы спеціально занимались и выпустимъ въ свѣтъ о немъ скоро обширный трудъ, удостоенный награды въ рукописи Академіи Надписей и Изящной Словесности.

§ 4.—Земледѣліе и промышленность.

I.—Мы уже говорили, что Финикіяне были не только мореходцами и купцами, но также и промышленниками. Если они играли роль маклеровъ цвѣтущихъ мануфактуръ Ассиріи, Халдеи и Египта, то многое, въ свою очередь, выдѣлывали сами, и нѣкоторые продукты ихъ собственной промышленности пользовались въ древнемъ мірѣ огромной репутаціей.

На первомъ мѣстѣ изъ мануфактурныхъ произведеній Финикіи надо помѣстить произведенія красильнаго искусства, которое давало пурпуръ, весьма высоко цѣнимый всѣми древними народами, и одинъ изъ оттѣнковъ его, считавшійся самымъ рѣдкимъ и самымъ краси-

вымъ сдѣлался знакомъ царскаго достоинства. Крашеніе въ пурпуръ было изобрѣтеніемъ исключительно мореходцевъ Хананеянъ, и миѳологическая легенда вела происхожденіе его отъ Мелькарта, бога Тира Пурпуровую краску добывали изъ различныхъ морскихъ гастероподныхъ моллюсокъ, особенно изъ нѣсколькихъ видовъ рода *багрянокъ (murex)*. Цвѣтъ пурпура имѣлъ болѣе или менѣе темный фіолетовый румянецъ, допускавшій извѣстное число оттѣнковъ, смотря по роду употреблявшихся моллюсокъ и по мѣстамъ, гдѣ производилась ихъ ловля. Финикіяне не ограничивались употребленіемъ пурпуроносныхъ раковинъ, добывавшихся ловлей въ ихъ лишь собственной странѣ; они извлекали ихъ на весьма многихъ пунктахъ Средиземнаго моря и даже Океана. Самый красивый, самый блестящій и выше всѣхъ цѣнившійся пурпуръ, истинно царскій пурпуръ, добывался около Тира и его ближайшихъ окрестностей; тамъ вылавливался *murex trunculus* Моря Греціи доставляли чаще всего фіолетовую краску, потому что изъ нихъ извлекали *murex prandaris*; главныя ловли ихъ существовали на островахъ Низиросѣ и Киѳерѣ, на южной оконечности Пелопонесса, вдоль берега Лаконіи и въ нѣсколькихъ мѣстахъ сицилійскаго побережья. Пурпуроносныя моллюски Океана, въ громадномъ количествѣ находимыя около Британскихъ острововъ, давали столь темный цвѣтъ, что его называли »черпымъ пурпуромъ«; но до сихъ поръ еще не удалось опредѣлить окончательно тотъ именно видъ, изъ котораго въ этихъ странахъ приготовляли краску.

Въ пурпуръ окрашивались всѣ хлопчатобумажныя, льняныя или шелковыя ткани, преимущественно же шерстяные ковры, которые Финикіане пріобрѣтали совершенно готовыми изъ азіатскихъ странъ или приготовляли сами, употребляя для этого особенно тонкую шерсть овецъ Сирійской пустыни. Такъ какъ эта краска цѣнилась весьма дорого, то ее употребляли только для тканей лучшаго качества. Приготовленіе было довольно сложно: ковры должно было два раза погружать въ красильныя ванны (*purpurae dibaphae*), и оттѣнки ихъ разнообразились отъ употребленія при этой двойной операціи двухъ пурпуровъ различнаго происхожденія и цвѣта.

II.—Другой промышленностью, столь же широко развитой у Фи-

никіянъ, была выдѣлка стекла. Многіе древніе писатели приписывали имъ изобрѣтеніе этого продукта и думали, что оно оставалось въ нхъ рукахъ тайной въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Памятники опровергаютъ это сказаніе, потому что мы видимъ уже изъ выдутыхъ стеклянныхъ издѣлій ихъ стеклянные цилиндры между изображеніями египетскихъ гробницъ IV-ой и V-ой династіи. Но они свидѣтельствуютъ въ тоже время о большей прочности финикійскихъ стеклянныхъ издѣлій, сконцентрированныхъ, главнымъ образомъ, въ Сидонѣ и Сарептѣ, подобно тому, какъ красильни въ Тирѣ. Песокъ, который они употребляли, добывался на берегахъ небольшой рѣки Белуса, недалеко отъ Кармеля; для этого употребленія онъ считался самымъ лучшимъ, также какъ теперь во всей Европѣ считается такимъ песокъ Фонтенебло. Довольно значительное число произведеній этой мануфактуры дошло до насъ, и мы можемъ судить объ удивительномъ искусствѣ финикійскихъ мастеровъ стеклянныхъ издѣлій. Они особенно отличались въ приготовленіи сосудовъ изъ непрозрачной эмали, представляющей поясы или ленты блестящихъ цвѣтовъ и всегда весьма гармонически переплетенныхъ, сосудовъ, выдѣлывавшихся такимъ же образомъ, какъ *vetri tarsiati* Венеціянцевъ XVI-го столѣтія, посредствомъ слоевъ (baguettes) эмали, налипавшихъ и соединявшихся между собой отъ новаго варенія въ огнѣ муфеля. Этотъ способъ, у древнихъ, совершенно характеризуетъ финикійскую фабрикацію и долженъ быть разсматриваемъ, какъ результатъ изобрѣтенія собственно жителей Сидона.

III,—Будучи горшечниками, также какъ и мастерами стеклянныхъ издѣлій, не менѣе искусными, Финикіяне являются учителями, научившими Грековъ производству разрисованныхъ сосудовъ, доведенному потомъ эллинскими народами до высочайшей степени совершенства. Древнѣйшіе сосуды этого рода, выдѣлывавшіеся Греками совершенно скопированы съ вещей финикійской работы, и часть изъ нихъ, положительно архаической эпохи, находимая на нѣкоторыхъ островахъ Архипелага, какъ, напр., Тирѣ и Мелосѣ, кажется, принадлежала работѣ самихъ Хананеянъ того времени, когда они занимали эти острова. Гончарное производство осталось навсегда однимъ изъ главныхъ предметовъ вывоза изъ Финикіи, и въ концѣ тирскаго пе-

ріода, когда начались морскія путешествія по Атлантическому океану къ островамъ Си́лли и Британскимъ, гончарныя издѣлія были однимъ изъ предметовъ, которые мореходцы доставляли въ наибольшемъ количествѣ туземцамъ взамѣнъ ихъ олова.

IV—Мы имѣли уже случай сказать нѣсколько словъ о металлургіи Финикіянъ. Она, кажется, не простиралась на желѣзо и сталь потому что хананейскіе города обращали все минеральное богатство страны въ издѣлія, когда находили въ немъ матеріалъ, годный для употребленія, и слѣдовательно могли обрабатывать эти металлы въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Но, вмѣсто того, Финикіяне приготовляли много бронзы, которая была, кажется, однимъ изъ самыхъ выгодныхъ матеріаловъ. Ихъ способность и опытность въ этомъ родѣ производства часто расхваливается въ Библіи, перечисляющей всѣ замѣчательныя работы изъ бронзы, исполненныя тирскими мастерами для храма и дворца Саломона. Нѣсколько разъ упоминается, сверхъ того, о бронзовыхъ финикійскихъ сосудахъ въ гіероглифическихъ надписяхъ XVIII-ой и XIX-ой династіи, и въ историческихъ изображеніяхъ этой эпохи въ Египтѣ мы видимъ фигурирующими, между принесенными фараону данями, эти вазы огромныхъ размѣровъ въ формахъ, разомъ и элегантныхъ, и полныхъ могуществъ и старательной отдѣлки. Страбонъ [1]) говоритъ также, что главнымъ предметомъ вывоза хананейскихъ мореходцевъ къ островамъ Си́лли и Великобританіи считались, вмѣстѣ съ горшечными издѣліями, бронзовыя орудія, безъ сомнѣнія, тѣ, которые послужили прототипомъ для характеристическихъ орудій *бронзоваго періода* нашихъ западныхъ странъ.

Чаши изъ драгоцѣнныхъ металловъ, вычеканенныя золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерами Финикіи, нѣсколько разъ упоминаются въ гомерическихъ поэмахъ, какъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ предметовъ роскоши тогдашней Греціи. Онѣ встрѣчаются на островѣ Кипрѣ и въ Этруріи, куда приносила ихъ торговля; музеи Ватиканскій и Луврскій владѣютъ лучшими образцами ихъ. Одиссей также говоритъ, какъ о

---

[1])I. III, стр. 175

драгоцѣнности, объ одной золотой и янтарной цѣпи, артистически выдѣланной Сидонянами. И дѣйствительно, Финикіяне были весьма искусными ювелирами; раскопки, дѣлающіяся уже нѣсколько лѣтъ въ некрополяхъ Марата (Амрита) и Антарада (Тортозы), позволили открыть многочисленные образчики этой промышленности, которые даютъ высокое понятіе объ умѣньи выдѣлывать и вкусѣ древнихъ хананскихъ ювелировъ.

Наконецъ, разскажемъ, по положительному свидѣтельству Іезекіиля, о томъ развитіи, какого достигла въ финикійскихъ городахъ искусство выдѣлки издѣлій изъ слоновой кости. Зубы слона привозились въ Тиръ и Сидонъ двумя путями: караваны Іемена приносили ихъ изъ Индіи и западнаго берега Африки; въ тоже самое время, по Средиземному морю, корабли, совершавшіе рейсы между Финикіей и ея колоніями сѣвернаго побережья Африки, приносили другіе сорты зубовъ, потому что слоны, извѣстно самымъ положительнымъ образомъ, вмѣсто того, чтобы быть запертыми, какъ въ настоящее время, въ экваторіальныхъ странахъ, распространялись въ провинціяхъ, составляющихъ теперь Мароко, Алжиръ и Тунисское царство. Финикіяне обрабатывали этотъ прекрасный матеріалъ съ совершенно особеннымъ искусствомъ, и другія страны Передней Азіи не знали соперниковъ имъ въ этомъ отношеніи, потому что всѣ вещи изъ слоновой кости, которыя до сихъ поръ вырыты изъ-подъ развалинъ ассирійскихъ дворцовъ, всѣ финикійской работы.

V.—Мы сказали уже, что территорія Финикіи не достаточна была для того, чтобы питать свое населеніе, самая большая часть котораго, сконцентрированная въ городахъ, предавалась занятію мореходствомъ, торговлей и промышленностью. Однако, поля этой страны, въ свою очередь, были населены и замѣчательно хорошо воздѣланы. Вокругъ Тира, Берита, Гебала приготовлялись наиболѣе уважавшіяся вина; изъ нихъ ливанскія особенно пользовались репутаціей, которую удержали за собой до настоящаго времени въ одной части Азіи. »Финикія«, пишетъ г. Ренанъ въ одномъ изъ своихъ донесеній объ археологическомъ изслѣдованіи этой страны, »Финикія — единственная страна въ мірѣ, гдѣ земледѣльческая промышленность оставила гран-

діозные слѣды... Въ окрестностяхъ Тира, эти остатки первобытнаго сельскаго хозяйства встрѣчаются почти на каждой возвышенности и всегда съ однимъ и тѣмъ же характеромъ: огромныя работы въ скалѣ, остатки четыреугольныхъ домовъ, построенныхъ безъ стиля изъ прекраснаго камня, но худо соединеннаго, огромное число водоемовъ, погребовъ, чановъ необыкновенной величины, саркофаговъ величественныхъ формъ... Финикіяне строили садки, долговѣчные прессы. Промышленныя орудія, столь хрупкія у насъ, были колоссальны въ Финикіи.

§ 5.—Языкъ и литература.

I.—Мы не намѣрены здѣсь опять разыскивать причину извѣстнаго явленія, вслѣдствіе которой Финикіяне, происшедшіе отъ расы Хама, говорили, совершенно семитическимъ языкомъ. Этотъ вопросъ былъ уже изслѣдованъ въ нашей первой книгѣ. Какъ бы то ни было, однако, извѣстно, что нарѣчіе финикійское отличалось отъ еврейскаго лишь нѣсколькими легкими оттѣнками и ничѣмъ существеннымъ. Тождество грамматическихъ формъ и словаря такъ полно между еврейскимъ и финикійскимъ нарѣчіями, что ихъ нельзя разсматривать какъ отдѣльные языки, но только какъ два весьма мало различные діалекта одного и того же языка. Это же засвидѣтельствовалъ пророкъ Исаія, называя еврейское нарѣчіе *языкомъ Ханаана*; у греческихъ писателей названія *языка финикійскаго* и *языка еврейскаго* также являются совершенными синонимами.

II.—Памятники финикійской письменности дошли до насъ въ очень небольшомъ числѣ; однако, они позволяютъ намъ съ точностью возстановить черты этого нарѣчія. Они ограничиваются сотней обѣтныхъ или надгробныхъ надписей; одни изъ нихъ чисто финикійскаго происхожденія, другіе же, и это—самое большое число, карѳагенскаго. Только два между этими эпиграфическими текстами составляютъ исключеніе по своему развитію, но лишь одинъ изъ нихъ носитъ нѣкоторый литературный характеръ: это—надпись на саркофагѣ Эсмуназара, сидонскаго царя, въ которой проклятія противъ тѣхъ, кто осквернитъ гробницу, изрекаются въ совершенно библейскомъ стилѣ;

другой текстъ, пуническаго происхожденія, представляетъ тарифъ жертвоприношеній; два искаженные экземпляра этого текста были открыты одинъ въ Марселли, а другой въ Карѳагенѣ.

Къ этимъ эпиграфическимъ остаткамъ надо присоединить, чтобы пополнить перечень нашихъ источниковъ, служащихъ для знакомства съ финикійскимъ языкомъ, нѣсколько сотенъ словъ и собственныхъ именъ, цитированныхъ греческими и латинскими писателями подъ болѣе или менѣе искаженными формами. Наконецъ, въ одной изъ комедій Плавта, *Poenulus*, нѣсколько финикійскихъ стиховъ, латинское значеніе которыхъ поставлено вслѣдъ за ними, влагается въ уста какому-то карѳагенянину. Эти стихи сильно искажены въ манускриптахъ несвѣдущими переписчиками, не понимавшими въ нихъ ничего, и усиліямъ первоклассныхъ ученыхъ, между которыми должно назвать Бохарта и Гезеніуса, не удалось до сихъ поръ возстановить въ нихъ текстъ болѣе опредѣленнымъ образомъ. Но большую часть его, однако, можно привести въ первоначальный видъ и въ ней также замѣчается чисто еврейскій характеръ.

Ш.—Итакъ, ничего не сохранилось для насъ изъ литературы Финикіянъ. Тѣмъ не менѣе, она имѣла у нихъ нѣкоторое развитіе, и происхожденіе ея восходитъ къ довольно древней эпохѣ. Еще до нашествія Іисуса Навина, хананейскія племена владѣли литературной культурой. Одинъ изъ городовъ въ Палестинѣ, Дабиръ, назывался Киріатъ-Сеферомъ, »городомъ книгъ«. Мы видимъ на египетскихъ памятникахъ придворнаго поэта фигурирующимъ между приближенными царя сѣверныхъ Геѳеянъ въ битвѣ при Кадешѣ противъ Рамзеса II.

Подобно тому, какъ Вавилоняне имѣли книги Оаннеса, а Египтяне —книги Тота, Финикіяне пользовались писаннымъ закономъ, книгами, въ которыхъ ихъ космогоническая система, основныя начала ихъ религіи и ихъ общественной организаціи были изложены въ формѣ священныхъ наставленій. Они, подобно сосѣдямъ, приписывали книгамъ божественное происхожденіе и смотрѣли на нихъ, какъ на дѣло своего бога Таота, тождественнаго съ египетскимъ Тотомъ. Почитаніе, связанное съ этимъ писаннымъ закономъ, также окончилось тѣмъ, что его стали олицетворять въ общественныхъ поклоненіяхъ подъ чертами боже-

скаго существа, называвшагося Туромъ (Thuro), »закономъ«, и Кусаретой (Khousareth), »гармоніей«, которую они сдѣлали потомъ супругой Таота.

Различные города Финикіи владѣли богатыми архивами и правильными лѣтописями, которыя велись тщательно съ весьма древней эпохи. Наконецъ, мы знаемъ, что финикійская литература содержала въ себѣ нѣсколько сочиненій о религіи и космогоніи, не имѣвшихъ каноническаго и священнаго характера книгъ Таота, также какъ и большое число практическихъ трактатовъ о земледѣліи и другихъ полезныхъ искусствахъ.

IV.—Во время преемниковъ Александра, когда Греки стали заниматься изученіемъ исторіи и цивилизаціи этихъ азіатскихъ народовъ, которыми они начали съ того времени управлять, нѣкоторые писатели сдѣлали заимствованія изъ національной финикійской литературы въ формѣ переводовъ или подражаній, въ тоже время, какъ Берозъ переводилъ вавилонскія лѣтописи, а Манефонъ—египетскія. Къ несчастію, намъ не осталось ничего изъ произведеній Теодота, Гипсикрата и Мохуса; извѣстны остались только имена этихъ авторовъ. Мы выше уже воспользовались немного тѣмъ, что сохранилось въ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ Діемъ и Менандромъ эфесскимъ изъ тирскихъ лѣтописей. Но самымъ драгоцѣннымъ и самымъ важнымъ остаткомъ этой греко-финикійской литературы, дошедшей до нашего времени, является отрывокъ перевода, который Филонъ библосскій сдѣлалъ изъ книги о системѣ іерархіи, родствѣ боговъ и происхожденіи міра, книги, вышедшей въ свѣтъ »въ эпоху троянской войны«, какъ говорятъ, изъ-подъ пера нѣкоего Санхоніатона беритскаго и посвященной имъ Авиваалу, царю своего роднаго города. Только этотъ отрывокъ дошелъ до насъ въ очень худомъ состояніи, благодаря сочиненіямъ христіанскаго апологиста Евсевія кессарійскаго (въ *Евангельскомъ пріуготовленіи*). Онъ проникнутъ духомъ эвгемеризма, отличавшимъ александрійскихъ Грековъ и вовсе конечно не принадлежавшимъ древнему финикійскому автору; поэтому, мы въ правѣ думать, что книга Филона библосскаго была скорѣе подражаніемъ, чѣмъ собственно такъ называемымъ переводомъ. Но, несмотря на все это, от-

рывокъ изъ Санханіатона въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ остается тѣмъ не менѣе однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ источниковъ откуда мы можемъ черпать свѣдѣнія для финикійской религіи.

§ 6.—Религія.

I.—Религія Финикіянъ, также какъ и религія другихъ народностей Сиріи, отъ которой первая отличается лишь нѣкоторыми внѣшними и неважными особенностями, была весьма родственна съ религіей Вавилона и Ассиріи, проникнута тѣми же началами и тѣмъ же духомъ и произошла, очевидно, изъ одного и того-же первоначальнаго источника. Вообще божескія личности носили въ ней тѣ-же самыя названія; только онѣ не были расположены въ столь же ученомъ іерархическомъ порядкѣ, не были одѣты въ родственную форму столь же ясной личности и легче смѣшивались между собой и съ первобытнымъ единствомъ божеской субстанціи.

Дѣйствительно, какъ первое основаніе религіозной системы Финикіи и Сиріи, а равно и системы Халдее-Ассиріянъ, мы находимъ мысль о божескомъ существѣ, единомъ и всеобщемъ, которое смѣшивается съ вещественнымъ міромъ, истекавшимъ изъ его субстанціи, а не созданнымъ имъ. У сѣверныхъ Геѳеянъ, Кетовъ египетскихъ памятниковъ, это божеское существо получило названіе *Седа* (Sed), или *Сета* (Set), »всемогущаго«, откуда произошла форма *Сутека* (Soutekh); Арамеяне Дамаска и Бамбиса (Гіераполиса Грековъ) называли его *Гададомъ* (Hadad), »единымъ«; Аммонитяне—*Молохомъ* (Moloch), »царемъ«; Моавитяне—*Хамосомъ* (*Chamos*), »властителемъ«. У Финикіянъ и хананейскихъ народностей Палестины его иногда обозначали названіями *Эля* (*El*), »бога« по преимуществу, аналогичнаго съ вавилонскимъ *Илу* (*Ilou*), и *Яога* (*Jaoh*), »существа« абсолютнаго, »вѣчнаго«, подобнаго Іеговѣ Евреевъ; но оба эти названія были рѣдко употребляемы и имѣли таинственный характеръ. Обычнымъ названіемъ, такъ сказать, нормальнымъ и постоянно употребляемымъ, служило *Ваалъ* (*Baal*), »Господь«.

II.—Богъ Финикіянъ, какъ во всякомъ древнемъ пантеизмѣ, являл-

ся разомъ и единымъ, и во многихъ лицахъ. Онъ подраздѣлялся на множество ипостасей, называвшихся *Ваалимами* (*Baalim*), второстепенными божествами, истекавшими изъ субстанціи первоначальнаго существа; они были только олицетвореннымн аттрибутами его, обоготворяемыми силами непостижимаго и недоступнаго существа.

Это равно встрѣчается, какъ мы видѣли уже выше, въ религіи Вавилона и Ассиріи. Но если что принадлежитъ собственно Финикіи, такъ это то, что эти подраздѣленія божеской сущности и могущества являются у нихъ скорѣе географическими и политическими, чѣмъ философскими. Это были не столько божескіе аттрибуты, сколько мѣстныя святилища; они давали тамъ рожденіе второстепеннымъ богамъ, *Ваалимамъ*, эпонимамъ главныхъ городовъ и нѣкоторыхъ мѣстностей. *Ваалъ*, боготворимый въ Тирѣ, Сидонѣ, Тарсѣ, на горѣ Гермонѣ, на горѣ Θегорѣ, дѣлается по этой системѣ *Ваалъ-Тсуромъ*, *Ваалъ-Сидономъ*, *Ваалъ-Тарсомъ*, *Ваалъ-Гермономъ*, *Ваалъ-Θегоромъ*. »Будучи такимъ«, совершенно справедливо замѣчаетъ гр. Вогье, »онъ могъ получить частное названіе, оканчивавшееся искаженіемъ въ народномъ духѣ его первобытнаго характера, но тѣмъ не менѣе оставлявшее существовать смутное понятіе о первоначальномъ единствѣ«. Это-то одна надпись и изъясняетъ намъ въ двухъ словахъ; *Мелькартъ* (*Melkarth*), великій богъ Тира, культъ котораго былъ далеко распространяемъ тирскими колоніями, считался ничѣмъ инымъ, какъ *Вааломъ* метрополіи. »Господину *Мелькарту*, *Ваалу* Тира«, говоритъ одно посвященіе на островѣ Мальтѣ. Это — верховный богъ, разсматриваемый, какъ мѣстное божество, спеціальный покровитель города, понятіе, согласующееся съ этимологіей самаго имени. *Мелькартъ* сокращеніе изъ *Мелекъ-Кирьятъ* (*Melek-Kiryath*), »царь города«.

Подобная система носитъ отпечатокъ существенно федеративныхъ учрежденій Ханаанеянъ и духа мѣстнаго партикуляризма, составлявшаго основаніе характера ихъ жизни.

III. — Но не всѣ второстепенныя олицетворенія *Ваалимовъ* имѣли это географическое и политическое происхожденіе; между ними существовало большое число такихъ, которыя представляли, подобно тому, какъ и въ Вавилонѣ, аттрибуты и свойства божескаго существа и

феномены, въ которыхъ оно проявлялось. Это божеское существо, первоначальный Ваалъ, смѣшивалось, какъ мы только что сказали, съ вещественнымъ міромъ. Онъ былъ богомъ - природой по преимуществу, дѣйствовавшимъ во всемъ мірѣ, и творцомъ физической жизни, уничтожавшимъ каждый годъ свое дѣло, чтобы снова его возобновить потомъ, при перемѣнѣ временъ года; и такія послѣдовательныя операціи разрушенія и возобновленія, вслѣдствіе пантеистическаго понятія о его сущности, считались производимыми имъ, происходившими не въ мірѣ имъ созданномъ, но въ его собственной субстанціи, бывшими реакціей въ немъ самомъ. Каждому изъ фазисовъ этихъ дѣйствій соотвѣтствовало частное божеское названіе и особенная ипостась, которая становилась во внѣшней формѣ спеціальнымъ олицетвореніемъ второстепеннаго порядка. Богъ, разсматривавшійся, какъ творецъ различныхъ существъ, дѣлался *Ваалъ-Таммузомъ (Baal-Tammouz)*, называвшимся также *Адономъ (Adon)*, »господиномъ«, откуда Греки произвели своего Адониса; какъ сохранитель, онъ носилъ имя *Ваалъ-Хона (Baal-Chon)*; какъ разрушитель—*Ваалъ-Молоха (Baal-Moloch)*; какъ участвующій въ разложеніи уничтоженныхъ существъ, изъ которыхъ должна была выйти жизнь новыхъ, назывался *Ваалъ-Зебубомъ (Baal-Zebub)*.

Финикіяне, подобно Вавилонянамъ, естественно постоянные созерцатели небеснаго свода, пораженные чудесами звѣздной гармоніи и дѣятельной ролью солнца въ жизненныхъ явленіяхъ, окончили тѣмъ, что все въ природѣ приписывали звѣздамъ и притомъ самымъ блестящимъ изъ нихъ. Имъ казалось, что Богъ хотѣлъ избавиться отъ Евреевъ, если запретилъ имъ слишкомъ частое разсматриваніе звѣздъ: они поклонялись имъ не какъ самымъ блестящимъ проявленіямъ божескаго могущества, но какъ истинному божеству. Ваалъ сдѣлался поэтому солнечнымъ богомъ, а сдѣлавшись такимъ, онъ назывался спеціально *Ваалъ-Самимомъ (Baal-Samim)*, »богомъ небесъ«. Всѣ *ваалимы* были облечены этимъ характеромъ; но тотъ ваалимъ, въ которомъ рѣзче обозначался этотъ характеръ, назывался *Таммузомъ* или *Адонисомъ*, спеціальнымъ богомъ города и таинствъ Гебала. Эта знаменитая личность, ставшая у Грековъ простымъ сирійскимъ охотни-

комъ, служила для Финикіянъ богомъ самаго солнца, разсматриваемаго въ весеннее время года, богомъ, умиравшимъ каждый годъ, чтобы снова родиться въ безконечномъ ряду естественныхъ явленій, когда улыбающаяся жизнь въ началѣ года сгорала отъ лѣтняго зноя или увядала отъ зимнихъ холодовъ, такъ что ихъ праздники выражались всегда сценами печали.

Семь планетъ, въ свою очередь, считались спеціальными *ваалимами*, обоготворяемыми подъ общимъ именемъ *Кабиримовъ (Cabirim)*, или »могущественныхъ«. Ихъ насчитывали восемь, хотя планетныхъ тѣлъ было извѣстно тогда всего лишь семь; но восьмая, *Эсмунъ (Esmoun)*, невидимая для взоровъ смертныхъ, назначалась служить связью съ семью другими планетами, въ которой послѣдніе смѣшивались, она стояла ближе всѣхъ къ первобытному Ваалу. Эсмунъ олицетворялъ собой совокупность звѣздной системы, участвовалъ въ гармоніи вселенной и ея законахъ; и, въ этомъ новомъ положеніи, онъ считался такимъ же самымъ, какъ и *Таотъ* законодатель.

IV.—Финикійская религія превзошла даже эту чисто звѣздную точку зрѣнія на порядокъ природы. Въ ея божескихъ личностяхъ замѣчается болѣе общая физическая концепція. Это—понятіе о роли огненнаго начала въ природѣ, элемента огня, принимаемаго въ самомъ широкомъ своемъ значеніи, разсматриваемаго, какъ жизненное начало, источникъ всякой дѣятельности, всякаго возрожденія и всякаго разрушенія. Звѣздные или солнечные боги суть боги существенно огненные. Но этотъ характеръ проявляется еще яснѣе, независимо отъ всякаго спеціальнаго и опредѣленнаго явленія, въ личности *Ваалъ-Молоха* и его культѣ, гдѣ огонь игралъ весьма важную роль. Къ этому же роду концепцій присоединяется *Ваалъ-Гамонъ*, »горящій Ваалъ«, національный богъ Карѳагена, другая божеская личность второстепеннаго разряда, и *Решефъ (Reschef)*, »молнія«, небесный огонь, а также *Адаръ*, главный богъ Дамаска, котораго мы уже видѣли въ Ассиріи.

Эта идея символизировалась свѣтлымъ камнемъ, подъ формой котораго Мелькартъ былъ обоготворяемъ въ великомъ храмѣ города

Тира. Надо еще упомянуть здѣсь о принадлежащемъ къ той же самой категоріи богѣ Арамеянъ Гаурана *Кетсю, (Katsiu)*, »аэролитѣ«.

Эти послѣднія олицетворенія служили связью, существовавшей въ сиро-халдейскихъ культахъ между богами огня и богами, обоготворяемыми подъ видомъ камня, чаще всего подъ видомъ камня, падавшаго изъ атмосферы. Эти священные камни назывались *бейтъ-элями (beith-el)*, откуда Греки произвели названіе ихъ *бетилями* т. е. »жилищами боговъ«, потому что думали, будто божеская субстанція пребывала въ нихъ постоянно. Тотъ же самый божескій и священный характеръ приписывался, а слѣдовательно воздавался и непосредственный культъ нѣкоторымъ горамъ, равно какъ и источникамъ.

V.—Но богъ-природа пантеистическихъ религій—субстанція существенно сложная. Причина и первообразъ видимаго міра, онъ имѣетъ двойную сущность, онъ распоряжается и содержитъ въ себѣ два принципа всякаго земнаго рода,—принципъ дѣятельный и принципъ пассивный, мужескій и женскій; это—двойственность въ единствѣ, мысль о которой, возникшая вслѣдствіе раздвоенія символовъ, создала понятіе о женскихъ божествахъ.

Богиня, въ религіозныхъ финикійскихъ надписяхъ, называется »проявленіемъ« мужескаго бога, которому она соотвѣтствуетъ. Поэтому женское начало не отличается отъ мужескаго существенно; это, такъ сказать, субъективная форма первобытнаго существа, второе божеское лицо, настолько отличное отъ перваго, что могло супружески съ нимъ соединяться, но оставаясь, все-таки, ничѣмъ инымъ, какъ только самимъ божествомъ въ его внѣшнемъ проявленіи.

Эта общая концепція женскаго божества подраздѣлялась, подобно мужеской, на множество мѣстныхъ олицетвореній или аттрибутовъ. Каждому второстепенному Ваалу соотвѣтствовалъ женскій Ваалъ, *Ваалета (Baaleth)*, бывшая ничѣмъ инымъ, какъ самимъ богомъ, разсматриваемымъ подъ другой только формой. Каждая изъ этихъ формъ составляла полное единство, отраженіе первобытнаго единства. Но когда Ваалъ получалъ характеръ солнечный, Ваалета получала природу лунную, если одинъ присутствовалъ днемъ, другая присутствовала ночью, если одинъ олицетворялъ элементы, считавшіеся дѣ-

ятельными, огонь и воздухъ, другая олицетворяла элементы страдательные, воду и землю.

Мы знаемъ лишь небольшое число этихъ божескихъ паръ въ финикійской религіи. Мы знаемъ лишь, что въ Сидонѣ былъ *Ваалъ-Сидонъ* и *Астарета*, въ Гебалѣ—*Таммузъ* и *Ваалета* (*Baaltis* греческихъ писателей), въ Карѳагенѣ—*Ваалъ-Гамонъ* и *Танита*, у сѣверныхъ Геѳеянъ—*Ѳедъ* и *Ѳедета*, у Арамеянъ Дамаска и Бамбиса—*Гададъ* и *Атаргата*, у другихъ народностей—*Решефъ* и *Анаѳа*.

Вообще, въ сиро-финикійской религіи, женскія личности еще менѣе отличались одни отъ другихъ, чѣмъ мужескія, имѣли характеръ болѣе неопредѣленный и болѣе родовой, относились къ явленіямъ или къ естественнымъ тѣламъ менѣе опредѣленно. Однако, въ нихъ можно различить два класса: тѣ, которыя представляютъ болѣе частнымъ образомъ землю, и тѣ, которыя представляютъ звѣзды, какъ, напр., луну или планету Венеры. Ваалета города Гебала и Атаргата Бамбиса принадлежали къ первой категоріи и весьма близко подходили къ фригійской Цибелѣ, богинѣ земли. Астарета Сидона, кажется, напротивъ, была болѣе всего звѣздной.

VI.—Религія финикіянъ, какъ видно это изъ краткаго изложенія ея системы, только что нами предложеннаго, очень хорошо опредѣлена Мовереномъ, однимъ изъ ученыхъ, занимавшихся ею наиболѣе серьезно: это—апоѳеозъ силъ и законовъ природы, обоготвореніе существъ, въ которыхъ дѣйствуютъ эти силы и законы и въ которыхъ они считаются активными, т. е. живущими въ нихъ живущими. Вокругъ этой религіозной системы группировался въ внѣшнемъ и общественномъ культѣ, рядъ чудовищныхъ дѣйствій, оргій, священныхъ жертвоприношеній, уже указанныхъ нами въ Вавилонѣ и сопровождавшихъ всѣ натуралистическіе культы древности. Но что въ частности принадлежало Финикіянамъ, такъ это—характеръ страшной жестокости, оставившій свои слѣды въ церемоніяхъ ихъ культа и въ заповѣдяхъ ихъ религіозныхъ обычаевъ. Никакой другой народъ не походилъ на нихъ въ этой смѣси крови и разврата, которыми они думали почтить божество. И въ самомъ дѣлѣ, какъ сказалъ это знаменитый Крейцеръ: ужасъ былъ болѣзнью этой религіи, жаждавшей крови и окруженной самыми черными обра-

зами. При видѣ лишеній, охотныхъ мученій и особенно страшныхъ жертвъ, которыхъ она требовала отъ живыхъ, неудивительно, почему умершіе могли казаться имъ достойными зависти. Она налагала молчаніе на самыя священныя чувства природы, она унижала души суевѣріями то жестокими, то развратными, а это приводитъ къ вопросу, какое нравственное вліяніе такая религія могла имѣть на народные нравы«. Самымъ страшнымъ изъ всѣхъ обрядовъ финикійской религіи были тѣ жертвы въ честь Ваала-Молоха, въ которыхъ сожигались дѣти живьемъ своими собственными родителями, то для соединенія ихъ съ божествомъ, то для смягченія божескаго гнѣва. Источникъ этого ужаснаго обыкновенія коренился въ понятіи объ огненной природѣ божества, приводившемъ къ разсмотрѣнію самаго огня, какъ божескаго существа. Финикіяне перенесли это обыкновеніе въ свои колоніи и особенно въ Карѳагенъ, гдѣ оно возвысилось до степени основнаго государственнаго учрежденія. Мы знаемъ еще, что за этими ненавистными жертвами слѣдовали празднества, запечатлѣнныя разомъ и глубокой печалью, и неистовой радостью. Погребальныя сцены, перемѣшанныя съ чудовищными оргіями, составляютъ, въ свою очередь, то, что характеризовало таинственныя празднества Таммуза, или Адониса, прославлявшіяся съ величайшимъ блескомъ въ Гебалѣ и на Ливанѣ. Отсюда святая и пылкая брань еврейскихъ пророковъ противъ финикійскихъ Содомовъ.

Религія и особенно культъ народа носятъ на себѣ всегда отпечатокъ его собственнаго духа. Нравственный образъ Финикіянъ, какой оставила намъ древность, также мало лестенъ; онъ намъ рисуетъ ихъ разомъ грубыми и раболѣпными, печальными и жестокими, развратными и жаждущими крови, самолюбивыми и алчными, неумолимыми и безвѣрными; кажется, что духъ финикійскаго культа содѣйствовалъ, вмѣстѣ съ ихъ торговой и промышленной дѣятельностью, тому, чтобы сдѣлать ихъ сердца недоступными для благородныхъ ощущеній, для нуждъ высшаго порядка. Насколько искусные и ученые, какими являлись Финикіяне въ матеріальной жизни, настолько, въ мірѣ нравственномъ, были они потомками сына, особенно проклятаго въ общемъ проклятіи сыновей Хама.

VII.—Наконецъ, религія Финикіи была распространяема все еще далѣе отъ весьма отдаленной эпохи сидонскими и тирскими мореходцами. Критъ, Кипръ, почти всѣ острова, расположенные вдоль береговъ Малой Азіи, представляютъ намъ самые ясные слѣды ея вліянія. На Критѣ Минотавръ, пожирающій дѣтей, и бронзовый пылающій исполинъ, называвшійся Талосомъ и поглощавшій, говорятъ, иностранцевъ, были ничѣмъ инымъ, какъ весьма мало искаженнымъ преданіемъ о личности Ваалъ-Молоха, о культѣ этого бога и ужасныхъ закланіяхъ въ честь его. Кипръ и Китера получили отъ Сидонянъ религію сирофиникійской богини-природы, сидонской Астореты, которая, сдѣлавшись Афродитой, была перенесена оттуда во всю Грецію и на берега Италіи съ прозвищами Киприды (Cyprïs) и Китеры (Cytherée). На Родосѣ, солнце имѣло свой храмъ, свою колоссальную статую, и Сатурнъ прославлялся тамъ, какъ финикійскій Ваалъ, съ которымъ отождествляли его Греки, человѣческими жертвами. Кабиры Лемноса, Имброса и Самоѳракіи также имѣли связь съ религіозной системой Ханаанянъ. На оконечности Эгейскаго моря, Фазосъ былъ знаменитъ своимъ храмомъ, посвященнымъ тирскому Геркулесу, т. е. первоначально Мелькарту.

§ 7.—Космогонія.

I.—Финикіяне внесли въ ученіе о своихъ святилищахъ систему матеріалистической и пантеистической космогоніи, весьма родственной съ космогоніей вавилонской религіи. Она изложена въ священныхъ книгахъ, о которыхъ мы говорили выше, и написана на большихъ столбахъ, предназначенныхъ для распространенія знанія ея въ народѣ, видѣвшемъ такіе столбы почти во всѣхъ храмахъ. Основныя данныя этой космогоніи были всюду одни и тѣже; но формы, имена личностей, абстракты въ своей первой концепціи, фигурирующіе тамъ, разнообразились, переходя изъ святилища въ святилище, изъ города въ городъ, что также случалось, какъ мы видѣли, и съ именами почитавшихся главныхъ божествъ. Съ однимъ запасомъ принциповъ и общихъ мыслей, финикійская религія, въ своей внѣшней физіономіи, носила характеръ вполнѣ мѣстной раздробленности.

Отрывки изъ Санхоніатона сохранили намъ краткій анализъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ космогоній, которыя, подъ различными формами, всегда сводились къ самымъ существеннымъ элементамъ. Къ несчастью, произведенія каждой космогоніи не указаны, и вмѣсто того, чтобы быть тщательно раздѣленными, они были крайне перепутаны между собою, то самимъ Филономъ библосскимъ, то Евсевіемъ, авторомъ единственныхъ извлеченій, какими мы владѣемъ. Результатомъ этого оказалась хаотическая смѣсь, въ которой, думали съ перваго разу, никогда нельзя будетъ ничего узнать, но потомъ болѣе внимательное изученіе привело къ различенію съ достаточной точностью нѣсколькихъ разсказовъ, смѣшанныхъ въ одинъ.

II.—Вотъ сначала самая важная и самая глубокомысленная изъ космогоній, собранныхъ въ книгѣ Санхоніатона. Послѣднія ея выраженія указываютъ, кажется, что она была заимствована изъ Сидона. Сравнивая ее съ вавилонской космогоніей Бероза и различныхъ арійскихъ народовъ, космогоніей, которую мы привели въ своемъ мѣстѣ, станетъ поразительнымъ сходство въ воззрѣніяхъ всѣхъ языческихъ религій о началѣ міра; стараясь обойти тотъ актъ, которымъ Богъ извлекъ вселенную изъ ничтожества, и смѣшивая твореніе съ Творцемъ, всѣ эти религіи, безъ исключенія, по одному фатальному закону, впали въ одни и тѣже чудовищныя заблужденія.

»Въ началѣ былъ Хаосъ (Богу), и Хаосъ былъ теменъ и смѣшанъ, и Дыханіе (Руагъ) парило надъ Хаосомъ. И Хаосъ не имѣлъ конца, и существовалъ изъ вѣка въ вѣкъ. И Дыханіе любило свои собственныя начала, и возникло смѣшеніе, и это смѣшеніе было названо Желаніемъ (Шефетомъ). И Желаніе было началомъ творенія всего, и Дыханіе не знало своего собственнаго творенія. И Дыханіе и Хаосъ смѣшались, и Мотъ (элементъ влажный) родился. И изъ Мота вышло сѣмя всякаго творенія, и Мотъ сталъ отцемъ всѣхъ вещей. Мотъ имѣлъ форму яйца. И солнце, и луна, и звѣзды, и большія созвѣздія заблистали. И были существа живыя, лишенныя чувства, и отъ этихъ существъ живыхъ родились существа разумныя, и названы были Тсофезаминами (тѣми, которые созерцаютъ небо). Отъ блеска громовъ, во время борьбы элементовъ, начинавшихъ

раздѣляться, пробудились эти разумныя существа, бывшія какъ бы во снѣ, и тогда существа мужескія и существа женскія начали двигаться по землѣ и по морю. И Дыханіе родило Вѣтры: сѣверный, южный, восточный и западный. И Хаосъ и Вѣтеръ западный соединились, и они произвели на свѣтъ Время (Уломъ) и Старину (Кадмонъ); и эти послѣдніе произвели Союзъ (Толедетъ), и Племя (Моледетъ), населявшія Финикію и поклонявшіяся солнцу, какъ владыкѣ небесъ, подъ именемъ Ваалъ-Самима. Время и Старина родили сыновей, именуемыхъ Свѣтомъ, Огнемъ и Пламенемъ, и эти послѣдніе изобрѣли употребленіе огня, производя треніе одного куска дерева о другой. И они имѣли сыновей, бывшихъ великанами (рефаимами) на землѣ и называвшихся Казіемъ, Ливаномъ, Антиливаномъ и Θаворомъ. Отъ этихъ родились Самемрумъ (тотъ, который возвышается до небесъ) и Узо (косматый) [1]), начавшіе извлекать пользу изъ своихъ матерей, отдавая ихъ за деньги. И Самемрумъ жилъ на островѣ Тирѣ, и онъ имѣлъ споры съ Узо. Самемрумъ изобрѣлъ искусство строить хижины изъ переплетеннаго тростника и папируса; Узо изобрѣлъ искусство дѣлать одежды изъ кожъ животныхъ, которыхъ онъ ловилъ, и онъ-то первый довѣрился волнамъ въ наскоро приготовленной лодкѣ, чтобы бѣжать отъ пожара, произведеннаго громомъ въ лѣсу, покрывавшемъ тогда островъ Тиръ«. (Весьма ясно, что здѣсь дѣло идетъ о Тирѣ, или первоначальномъ Тилосѣ, что въ Персидскомъ заливѣ)..... „Самемрумъ имѣлъ сыновей и дочерей, и изъ его поколѣнія родился Сидонъ, изобрѣтшій охоту и рыбную ловлю и бывшій отцемъ Сидонянъ“.

Происхожденіе людей и, разумѣется, въ особенности финикійскихъ племенъ, вмѣстѣ съ изобрѣтеніемъ полезныхъ искусствъ, занимаетъ главное мѣсто въ этой космогоніи, выходящей изъ принципа вѣчности матеріи и приписывающей все ея самопроизвольному развитію. Другой отрывокъ, отечество котораго, кажется, должно быть отыскиваемо въ Гебалѣ и

---

[1]) Таково вообще принятое толкованіе. Но не былъ-ли *Узо* позже героемъ—эпонимомъ того важнаго города *Узо*, существованіе котораго воскрешаютъ передъ нами ассирійскіе памятники?

который слѣдуетъ непосредственно за первымъ въ извлеченіяхъ изъ Санхоніатона, трактуетъ только объ этихъ относящихся къ происхожденію людей вопросахъ; то, что говорится въ немъ объ образованіи вселенной, оставлено въ сторонѣ, безъ сомнѣнія, потому, что эта часть разсказа тождественна съ сидонской космогоніей. »Содъ (всемогущій), считаемый жителями Гебала верховнымъ богомъ, [родилъ Садимовъ], изобрѣтшихъ постройку домовъ. И отъ нихъ родились Элимы (существа могущественныя) и Титаны (Рефаимы). Отъ этихъ родились Аминъ и Магъ (?), которые изобрѣли земледѣліе. И отъ нихъ родились Мизоръ (Египтянинъ) и Сидикъ (справедливый), Мизоръ имѣлъ сыномъ Таота, который изобрѣлъ буквы, а отъ Сидика родились Кабиры, положившіе начало мореходству и медицинѣ. Таммузъ Эліунъ (верховный), который погибъ отъ дикаго звѣря и въ честь котораго устраиваются печальныя празднества, вмѣстѣ съ Ваалъ-Беритомъ, далъ начало человѣку, вышедшему изъ земли (Адаму) и поколѣнію людей, населившихъ сначала Гебалъ«. Здѣсь такъ же, какъ и въ предшествующемъ разсказѣ, происхожденіе человѣческой расы является только въ концѣ цѣпи эманацій, послѣ ряда божескихъ личностей, олицетворявшихъ всѣ изобрѣтенія, безъ которыхъ они немогли понять, чтобы человѣчество могло существовать.

III.—Тѣ же самыя идеи, что и въ великой сидонской космогоніи, приведенной нами выше, изложены, но подъ формой всецѣло *теогонической*, т. е. какъ послѣдовательныя поколѣнія личныхъ и антропоморфическихъ боговъ, въ третьемъ разсказѣ, который въ извлеченіяхъ изъ Санхоніатона представляется намъ теперь склееннымъ вмѣстѣ съ двумя другими. Онъ-то и пострадалъ болѣе всѣхъ. Очевидно, въ немъ мы имѣемъ не болѣе, какъ разбитый скелетъ, сильно обезображенный введеніемъ эвгемерическихъ элементовъ, нѣкоторымъ образомъ религіозную эпопею въ родѣ той, какую Гезіодъ составилъ позже для Грековъ. Сверхъ того, мы не всегда можемъ возстановить въ немъ истинную финикійскую форму божескихъ названій, которыя Филонъ библосскій замѣнялъ равнозначущими греческими. Однако, этотъ теогоническій разсказъ, заимствованный, кажется, подобно предыдущему, изъ таинственныхъ ученій святи-

лища Гебала, есть одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ, даже въ своемъ искаженномъ состояніи, и мы, думаемъ, обязаны воспроизвести его здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ.

„Высочайшій (Эліунъ) произвелъ Небо и Землю. Соединившись, Небо и Земля произвели Эля, Бетъ-Эля (священный камень), Дагона и Атласа (Таммуза?). Потомъ Небо имѣло много дѣтей отъ другихъ женъ. Раздраженная, Земля разошлась съ нимъ, и Небо хотѣло перебить всѣхъ дѣтей, которыхъ имѣло оно отъ своей сестры. Эль, по совѣтамъ Таота, вступилъ тогда въ борьбу съ Небомъ, своимъ отцемъ. Эль родилъ Прозерпину (оригинальная форма неизвѣстна) и Минерву (Таниту); первая умерла дѣвой. По совѣтамъ Таниты и Таота, Эль изобрѣлъ острогу и копье. И Таотъ научилъ Элогимовъ, происшедшихъ отъ Эля и его подругъ, магическимъ средствомъ поражать Небо. Наконецъ, Элю удалось лишить власти всемогущее Небо, своего отца. Одна изъ женъ Неба, взятая въ плѣнъ Элемъ, была отдана Дагону, которому она подарила Тамираса (Ваалъ-Тамара), зачатаго ей отъ Неба. Однако, Эль былъ основателемъ города Гебала, и тамъ онъ зарылъ въ землю своего брата Атласа (Таммуза?), по совѣтамъ Таота“. (Послѣ этого убійства), Кабиры (принимавшіе въ немъ участіе и бывшіе также сами, въ финикійскомъ разсказѣ, какъ и въ соотвѣтствующемъ греческомъ, братьями зарѣзаннаго бога) „построивъ корабли съ величайшей поспѣшностью, подняли паруса и отправились основать храмъ на горѣ Казіи. Эль убилъ, кромѣ того, своего сына Садида и вторую изъ своихъ дочерей И Небо пыталось прельстить Эля посредствомъ своихъ трехъ дочерей, Астарты (Астореты), Реи (Атаргаты) и Діонеи (Ваалеты), потомъ Имарменеи (Гады) и Горы (Ноамы); но Эль, въ свою очередь, обольстилъ ихъ. И Небо изобрѣло бетили, камни живые [котовые считались упавшими съ неба]. Эль имѣлъ отъ Астореты семь дочерей, Титанидовъ [оригинальная форма неизвѣстна], отъ Атаргаты—семь сыновей и отъ Ваалеты—дочерей. Кромѣ того, онъ имѣлъ отъ Астореты двухъ сыновей, Желаніе (Шефетъ) и Любовь (оригинальная форма неизвѣстна). И Дагонъ изобрѣлъ воздѣлываніе хлѣба и соху. Отъ Сидиха“, [личности, вдругъ являющейся

средн разсказа, по происхожденіе которой, вѣроятно, было указано выше, въ томъ мѣстѣ, которое теперь потеряно], отъ Сидика и одной изъ Титанидъ родился Эсмунъ. И Эль имѣлъ еще другихъ трехъ сыновей отъ Атаргаты: втораго Эля, Ваала и Аполлона (Ваалъ-Самина). Отъ него также родились Понтосъ, Тифонъ и Нерея (мы не знаемъ финикійскихъ формъ этихъ трехъ именъ, такъ переведенныхъ Филономъ библосскимъ). И Понтосъ родилъ Посидона (оригинальная форма неизвѣстна) и Сидона, изобрѣтшаго искусство пѣнія. Что касается до Ваалъ-Тамара, то онъ родилъ Мелькарта. И вспыхнула война между Небомъ, Понтосомъ и Ваалъ-Тамаромъ. И Эль, когда ему удалось захватить Небо, своего отца, такъ изуродовалъ его, что отцовская кровь окрасила рѣки и источники. Великая Асторета (Кебирата), Ваалъ-Тамаръ и Гададъ, царь боговъ, управляли тогда вмѣстѣ съ Элемъ. И Асторета, имѣвшая коровью голову, проходя по землѣ, нашла звѣзду, упавшую съ неба, и принесла ее на святой островъ Тиръ, чтобы сдѣлать ее тамъ предметомъ поклоненія. Эль, проходя также чрезъ міръ, далъ своей дочери Танитѣ титулъ царицы Аттики (весьма ясно, что въ разсказѣ встрѣчается вставка греческой эпохи). »Однако, Эль (чтобы искупить страданія, какія онъ заставилъ перенести Небо, своего отца), принесъ ему въ жертву своего единственнаго законнаго сына и установилъ обрядъ обрѣзанія, примѣнивъ его къ себѣ самому; принесенный въ жертву сынъ его назывался Мотомъ (Смертью). И Эль далъ городъ Гебалъ Ваалетѣ, Беритъ—Посидону, и Сидонъ—Кабирамъ. Таотъ придумалъ изображенія боговъ, священныя буквы, религіозныя эмблемы и сдѣлалъ знаки царскаго достоинства Элю. И Эль, пріѣдя на югъ, далъ Египетъ Таоту. И всѣ эти вещи были записаны въ священныя книги, подъ руководствомъ Таота, семью Кабирами, сыновьями Сидика, и ихъ восьмымъ братомъ Эсмуномъ. Тѣ же, которые получили ихъ въ наслѣдство и передали посвященіе въ таинства ихъ своимъ преемникамъ, были Озирисъ и Ханаанъ, праотецъ Финикіянъ«.

§ 8.—Искусства и памятники.

I.— »Отличительной чертой памятниковъ [1]) финикійской архитектуры, говоритъ Ренанъ, служитъ соединеніе массивной и величественной твердости, презрѣніе къ законченности въ деталяхъ, какъ бы для того, чтобы легче было произвести общій эффектъ могущества и величія, и наконецъ, любовь къ монолитизму«. Небольшое количество финикійскихъ построекъ, слѣды которыхъ до сихъ поръ существуютъ, были сдѣланы вообще изъ огромнѣйшихъ камней. Какъ на самые разительные примѣры этого можно указать на валы города Арада, подземныя постройки Іерусалимскаго храма, воздвигнутыя для Саломона финикійскими архитекторами и каменщиками, наконецъ, на первобытныя подземныя постройки большаго Бальбекскаго храма.

Финикійскіе храмы, какъ можно судить о нихъ по развалинамъ храма Венеры въ Пафосѣ [2]), на островѣ Кипрѣ, по святилищамъ, еще довольно хорошо сохранившимся на Мальтѣ и Гоццо и носящимъ названія Казалъ-Крендн и Гигантеи [3]), по описаніямъ, даваемымъ Библіей для Саломоновскаго храма, воздвигнутаго вполнѣ по правиламъ финикійской архитектуры, наконецъ по тому, что нѣкоторые классическіе писатели говорятъ намъ о храмѣ Мелькарта въ Тирѣ, финикійскіе храмы, повторяемъ, были довольно малыхъ размѣровъ, но окружены чрезвычайно бо ьшой стѣной, или *теменосомъ*, образовывавшимъ преддверіе съ открытымъ небомъ, иногда двойное, какъ въ Іерусалимѣ, а часто также снабженное деревянными портиками. Они равно являются типомъ арамейскихъ храмовъ, по образцу храма въ Бамбисѣ или Гіераполисѣ, подробное описаніе котораго даетъ Лукіанъ и развалины кото-

---

[1]) См. по этому вопросу сочин. *Gerhard*, Ueber die Kunst der Phoenicier, Berlin, 1848.

[2]) Münter, Der Tempel der himmlischen Goettin zu Paphos, Copenhague, 1824.

[3]) Неизданные памятники, обнародованные французскимъ отдѣленіемъ Археологическаго Института, таблицы I и II.

раго въ весьма недавнее время изслѣдованы французскимъ путешественникомъ Вильгельмомъ Реемъ.

Собственно такъ называемый храмъ, помѣщавшійся въ срединѣ темеиоса, чаще всего былъ устраиваемъ по образцу египетскихъ святилищъ. Онъ представлялъ тогда открытое преддверіе въ фасадѣ зданія въ формѣ пилоновъ, гораздо болѣе возвышенное, чѣмъ остальныя постройки; потомъ первое святилище, гдѣ совершались жертвоприношенія, и второе болѣе удаленное, Святая Святыхъ, куда простые люди и даже большая часть жрецовъ не имѣли права ступить ногой. Служебныя комнаты всѣ располагались кругомъ. Таково было устройство тирскаго храма, ясные слѣды котораго встрѣчаются въ Пафосѣ; таково было также устройство, которому послѣдовали въ Іерусалимѣ. Только въ храмѣ Іеговы Святая Святыхъ не заключало въ себѣ ничего, кромѣ ковчега завѣта; въ финикійскихъ же храмахъ тамъ находилось самое таинственое и наиболѣе священное изображеніе божества, вовсе не антрономорфическая статуя, но простой камень, или бетиль. Въ святилищѣ Мелькарта, въ Тирѣ, лежалъ необыкновенной величины изумрудъ, блескъ котораго символически представлялъ огненную природу бога; на изумрудъ смотрѣли, какъ на звѣзду, упавшую съ неба и поднятую Астаретой; въ Пафосѣ, камень, представлявшій Асторету, былъ конической формы

Святилища на островахъ Мальтѣ и Гоццо устраивались по другому типу, болѣе оригинальному, хотя воспроизводили тѣ же самыя существенныя части. Они составлялись изъ двухъ, слѣдовавшихъ одна за другой, залъ въ формѣ удлиненныхъ параллелограммовъ, закругленныхъ по концамъ; изъ этихъ залъ первая дѣлалась преддверіемъ, а вторая—святилищемъ, которыя сообщались между собой довольно узкимъ проходомъ. Напротивъ этого прохода, въ глубинѣ святилища, представляется взорамъ полукруглая ниша, на гораздо болѣе возвышенномъ основаніи и нѣкогда отдѣлявшаяся отъ остальнаго храма преградою. Это—Святая Святыхъ; тамъ находился, въ Гигантеѣ напр., конический камень, служившій, какъ и въ Пафосѣ, изображеніемъ богини—природы.

II.—Да будетъ намъ позволено не входить здѣсь въ объясненіе чувственнаго и неприличнаго символизма, олицетворявшаго

изображеніе божества коническимъ камнемъ. Къ этому же роду относятся нѣкоторыя, исключительно манументальныя, сооруженія, принадлежащія собственно сиро-финикійской архитектурѣ дѣлавшіяся почти всегда изъ цѣльнаго камня и оканчивавшіяся на верху конусомъ или закругленнымъ колпакомъ, называемыя современными намъ Арабами *мугазилями (moughazil)*. Два монолита этого рода употреблены были, какъ египетскіе обелиски, передъ дверью храма Атаргаты въ Бамбисѣ [1]). Они также стояли, по всей вѣроятности, передъ храмомъ Мелькарта въ Тирѣ, потому что, при Іерусалимскомъ храмѣ, который весьма точно воспроизводилъ всѣ отдѣльныя части финикійскихъ, были замѣнены они, чтобы уничтожить всякую черту символизма, совершенно противнаго духу культа Іеговы, двумя колонами съ бронзовыми верхушками, Якиномъ и Бегазомъ. Три монолита подобнаго же образца находятся также посреди развалинъ Марата (Амрита), рядомъ съ гробницами. Наконецъ, такая же самая цилиндро-коническая форма замѣнялась пирамидальной въ весьма многочисленныхъ сооруженіяхъ въ Сардиніи подъ названіемъ *нураговъ (nuraghes)* и на островахъ Балеарскихъ подъ названіемъ *талайотовъ (talayots)* — двухъ странахъ, колонизованныхъ Финикіянами и Карѳагенянами,—сооруженіяхъ, предназначавшихся, подобно ассирійскимъ *зикурамъ (zikurat)*, для наблюденія, въ религіозномъ настроеніи, надъ звѣздами, предметами общественнаго поклоненія, считавшимися въ числѣ главныхъ *ваалимовъ*.

Ш.—Отъ большихъ городовъ Финикіи, Гебала, Сидона и Тира, остались только некрополи. Могилы почти всегда тамъ вырывались въ подземельяхъ скалъ, какъ въ Египтѣ, и самое обыкновенное расположеніе ихъ представляетъ одну или нѣсколько комнатъ; въ стѣнахъ послѣднихъ устраивалось что-то въ родѣ печей, гдѣ помѣщались набальзамированные и положенные въ гробницы трупы. Почти постоянно эти могилы служили помѣщеніемъ цѣлому семейству, но трупы важнѣйшихъ лицъ иногда сохранялись въ саркофагахъ, занимавшихъ въ такомъ случаѣ средину комнаты.

---

[1]) *Lucian*, De dea syr. 16.

Ни одинъ народъ не внесъ въ эти могильныя жилища столько величія, столько оригинальности, какъ Финикіяне. Къ несчастью, изъ склеповъ почти всегда разграблялись предметы, заключавшіеся въ нихъ и которые могли бы доставить намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о произведеніяхъ самой промышленной цивилизаціи древности. То, что остается еще отъ этихъ памятниковъ, готово исчезнуть съ каждымъ днемъ передъ изслѣдователемъ сокровищъ, и можно опасаться, что эти драгоцѣнные остатки также будутъ принесены въ жертву тому пагубному и варварскому инстинкту, который носитъ въ себѣ современный сиріянинъ, склонный уничтожать всякую вещь, значенія которой онъ не понимаетъ.

IV.—Хотя вообще Финикіяне не помѣщали статуй въ Святая Святыхъ своихъ храмовъ, тѣмъ не менѣе имѣли многочисленныхъ идоловъ, особенно въ частныхъ культахъ. Они помѣщали также въ храмахъ, а чаще въ ихъ оградахъ, статуи по обѣту. Нѣсколько статуйныхъ обломковъ этого рода и нѣсколько мраморныхъ саркофаговъ, повторяющихъ общую форму египетскихъ мумій, составляютъ все, чѣмъ мы владѣемъ въ дѣйствительности изъ финикійской скульптуры относительно большихъ статуй. Но, въ замѣнъ этого, европейскія коллекціи начинаютъ пріобрѣтать въ довольно большомъ числѣ каменныя, бронзовыя и терракотовыя статуетки, представляющія, главнымъ образомъ, божества. Сближая съ этими изображеніями рѣзные камни—по большей части представляющіе скарабеевъ, которыхъ некрополи Финикіи и нѣкоторыхъ финикійскихъ колоній, какъ, напр., Сардиніи, доставили въ такомъ изобиліи въ послѣдніе годы, сближая, повторяемъ, произведенія серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерства и ювелирныя издѣлія, открытыя въ тѣхъ же самыхъ могилахъ, наконецъ, вѣщи изъ слоновой кости, пока добытыя изъ-подъ развалинъ ассирійскихъ дворцовъ, можно въ настоящее время составить себѣ точное представленіе о томъ, чѣмъ были пластическія искусства у приморскихъ Хананеянъ.

Произведенія этихъ искусствъ представляютъ самые странные контрасты съ точки зрѣнія достоинства выполненія. Многія статуетки и рѣзные финикійскіе камни представляютъ въ высшей степени тон-

кую отдѣлку и обнаруживаютъ въ своихъ авторахъ удивительное искусство; напротивъ, другіе каменные, терракотовые и бронзовые идолы выдѣланы съ самой варварской грубостью. Очевидно, въ Финикіи, каждый домъ хотѣлъ имѣть своихъ идоловъ; и если они выдѣлывались тамъ настоящими художниками, придававшими нѣкоторую цѣнность своимъ произведеніямъ, за то и приготовлялись въ большомъ количествѣ для народа и для вывоза, составляя такимъ образомъ кустарную промышленность, много походившую на промышленность нашихъ простыхъ пряничниковъ. Наконецъ, остается замѣтить, что эти такъ грубо выдѣланныя статуетки встрѣчаются гораздо рѣже въ самой Финикіи, чѣмъ въ чужихъ странахъ, гдѣ Финикіяне имѣли свои колоніи, напр., на островахъ Архипелага и въ Сардиніи. Поэтому, мы въ правѣ смотрѣть на нихъ скорѣе, какъ на идоловъ, фабриковавшихся еще полу-варварскими туземцами этихъ странъ по финикійскимъ образцамъ, чѣмъ какъ на произведенія собственно финикійскія.

Сверхъ того, только по разсмотрѣніи пластическихъ, скульптурныхъ, глиптическихъ, золотыхъ и серебряныхъ образцовъ, старательно выполненныхъ и дѣйствительно входящихъ въ область чистаго искусства, можно произнести сужденіе о характерѣ и стилѣ, принадлежащемъ финикійскимъ мастерамъ-художникамъ.

V.—Изъ всѣхъ новѣйшихъ ученыхъ, лучше всѣхъ опредѣлившихъ характеръ пластическихъ искусствъ у Финикіянъ, считается графъ Вогье. »Это, говоритъ онъ, искусство исключительное, мало похожее на египетское, отличающееся гіератически однообразнымъ особенно легко узнаваемымъ характеромъ, мало похожее на ассирійское, дѣлающееся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе извѣстнымъ, и еще менѣе на греческое, которое появилось въ Сиріи лишь съ Селевкидами: однако, оно далеко отъ того, чтобы быть оригинальнымъ и отражаетъ на себѣ самымъ чувствительнымъ образомъ два первыя. Это произведеніе народа, который, будучи совершенно отличнымъ отъ Ассиріянъ и Египтянъ, чрезъ взаимныя отношенія или силой оружія и вещей, подчинялся вліянію этихъ двухъ народовъ до того, что принялъ часть ихъ символовъ, архитектурныхъ формъ и костюмовъ«. Ясно, насколько эти замѣчанія о финикійскомъ искусствѣ до мелочей

совпадаютъ съ тѣмъ, что мы показали изъ исторіи этихъ искусствъ, съ ихъ географическимъ положеніемъ между двумя государствами: Ассиріей и Египтомъ, съ тѣсными торговыми отношеніями, поддерживавшимися ихъ купцами съ одной и другой цивилизаціей.

Смѣсь двухъ стилей, ассирійскаго и египетскаго, составляетъ такимъ образомъ постоянную и рѣшительно опредѣленную характеристическую черту произведеній финикійскаго искусства. Иногда, то одно, то другое вліяніе преобладаетъ въ дошедшихъ до насъ предметахъ. Но мы еще не настолько двинулись впередъ въ знаніи этихъ памятниковъ, чтобы опредѣлить въ нихъ хронологическое распредѣленіе вліянія. Весьма вѣроятно, что колебанія, заставлявшія вѣсы склоняться то въ одну, то въ другую стороны, соотвѣтствовали колебаніямъ политическихъ движеній и перемѣнамъ верховнаго могущества Египта и Ассиріи.

Во всякомъ случаѣ, если одно или другое вліяніе беретъ верхъ въ нѣкоторыхъ частяхъ, то никогда не преобладаетъ исключительно, и эта смѣсь двухъ различныхъ стилей, составляющихъ отличительную черту финикійскаго искусства, всегда встрѣчается въ его произведеніяхъ. Обыкновенные мотивы орнаментаціи, религіозныхъ символовъ, эмблематическихъ чудовищъ, изображеній божествъ, свойственныхъ берегамъ Нила и Евфрата, являются соединенными на однихъ и тѣхъ же памятникахъ. Новыя комбинаціи разнообразнаго характера выходятъ изъ этого соединенія. Двѣ цивилизаціи различнаго характера смѣшиваются въ своемъ теченіи въ произведеніяхъ финикійскаго искусства, какъ мануфактурныя произведенія двухъ странъ сходились разомъ на рынкахъ Тира и Сидона.

Вообще господствующія формы, большая часть символовъ и усвоенныхъ украшеній, костюмы фигуръ,—египетскаго происхожденія. Вліяніе земли фараоновъ было первымъ, по времени господства, надъ Финикіей, и оно оставило тамъ въ обычаяхъ неизгладимый отпечатокъ. Финикійскіе жрецы, даже въ Гадесѣ, носили совершенно египетскую одежду; въ Гебалѣ, Озирисъ и Изида были обожаемы въ тоже время, какъ Таммузъ и Ваалета, и легенда объ этихъ двухъ богахъ закончилась тѣмъ, что стала смѣшивать ихъ обоихъ. Но духъ и ха-

рактеръ выполненія произведеній не имѣютъ ничего общаго съ Египтомъ, они совершенно ассирійскіе и пробуждаютъ въ художникахъ Финикіи естественныя способности, приближавшія ихъ гораздо болѣе къ художникамъ береговъ Евфрата, чѣмъ художникамъ береговъ Нила. Вмѣсто того, чтобы браться за большія массы матеріала и широкіе планы, какъ Египтяне, Финикіяне любили вдаваться въ подробности, по крайней мѣрѣ столько же, сколько и Ассиріяне,—они также старались отдѣлать каждый локонъ волосъ, каждый мускулъ тѣла, каждую складку одежды. И въ этомъ любопытномъ изслѣдованіи малѣйшей подробности, они, если отдаются вполнѣ своему труду, обнаруживаютъ еще больше способностей и тонкости въ отдѣлкѣ, чѣмъ Ассиріяне; они управляютъ искуснѣе инструментомъ. Въ гравюрахъ камни въ особенности тонки; въ этомъ отношеніи Финикіяне превосходятъ всѣ азіатскіе народы, и только одни Греки могли сравняться съ ними въ нѣжности своихъ произведеній.

Результатомъ этого были совершенно особенныя произведенія, въ которыхъ египетскія формы вполнѣ сахранились, но исполнены въ духѣ, рѣшительно отличномъ отъ того, какимъ проникнуты они въ своей родной странѣ. Мраморные саркофаги, прекрасными образцами которыхъ владѣетъ Луврскій музей, могутъ быть приняты, какъ типъ этого рода произведеній. Ихъ общая форма взята съ гробовъ мумій и египетскихъ саркофаговъ временъ саитской династіи, но типъ головы не имѣетъ ничего египетскаго, стиль ихъ есть *sui generis* и приближается къ стилю первобытныхъ греческихъ статуй.

VI.—Мы съ намѣреніемъ тщательно разбираемъ эту послѣднюю аналогію. Искусство финикійское имѣло, дѣйствительно, большое вліяніе на первые опыты греческаго. Между произведеніями архаической эпохи, предлагаемыми почвой Греціи своимъ изслѣдователямъ и связывающимися съ преданіями азіатскихъ школъ, попадаются такія, которыя съ трудомъ отличаются отъ финикійскихъ произведеній, между тѣмъ какъ другія происходятъ скорѣе непосредственно изъ Ассиріи и вовсе не обнаруживаютъ египетскаго вліянія, отпечатокъ котораго сохраняли Тиръ и Сидонъ.

»Когда Греки вошли въ сношенія съ Ассиріянами и Финикія-

нами, своими сосѣдями, говоритъ Лонгперье, Пелазги и Эллины имѣли все, чтобы научиться изящнымъ искусствамъ, и естественно, они прониклись принципами болѣе искуснаго и опытнаго народа«. Всѣ первыя произведенія чистаго искусства и искусства промышленнаго имѣютъ у Грековъ совершенно азіатскій характеръ. Анатомія скульптурныхъ фигуръ въ метопахъ Селинонтскаго храма, главнымъ образомъ потому, что нѣкоторыя подробности, которы глаза и колѣнныя чашечки, условны и не могли быть внушены изученіемъ природы, воскрешаетъ передъ нами ассиро-финикійское вліяніе. Если сблизить нѣкоторыя фигуры ассирійскаго Корсабадскаго дворца съ драгоцѣннымъ аттическимъ барельефомъ древняго стиля, извѣстнымъ подъ именемъ *Марафонскаго воина*, сходство подробностей дѣлается поразительнымъ: глаза, прическа, борода, мускулы суть черты одного и тогоже типа [1]).

Вліяніе Азіи на начала цивилизаціи и искусствъ Греціи шло двумя, совершенно различными, теченіями: одно направлялось изъ Малой Азіи, другое—изъ Финикіи. Первое проходило чрезъ города іонійскаго побережья и особенно распространило свое вліяніе на іонійскія народности, главнымъ же образомъ, на Аѳины. Второе, шедшее послѣдамъ морской торговли, первымъ очагомъ своего вліянія имѣло Критъ и южные острова Эгейскаго моря, колонизованные Дорянами; оттуда оно распространилось на Пелопоннезъ, Сицилію и, вообще, весь дорическій міръ. Отсюда, ограничиваясь исключительно тѣмъ, что касается искусствъ, вытекаетъ коренное различіе іонійской и дорической школъ. Первая, образовавшаяся подъ вліяніемъ происходившихъ изъ Малой Азіи преданій, связывается съ искусствомъ Ассиріи, безъ связи съ какимъ-нибудь другимъ элементомъ; доказательство этого мы имѣемъ въ древней аѳинской скульптурѣ и въ статуяхъ сидящихъ женщинъ, примыкавшихъ ко входу въ храмъ Аполлона въ Брап-

---

[1]) См. по этому вопросу предисловіе къ 3-му изданію Notice des antiquités assyriennes du Musée du Louvre, par m. de Longpérier, Paris, 1854, и того же автора: De quelques monuments des arts asiatiques récement entrés dans les collections du Louvre, Paris, 1856.

хидахъ, возлѣ Милета. Вторая вела свое начало отъ искусства финикійскаго. Мѣста, гдѣ встрѣчаются обыкновенно произведенія, по поводу которыхъ нельзя произнести мнѣніе съ рѣшительной точностью, фабриковались ли они въ самой Финикіи или въ родной странѣ по финикійскимъ образцамъ, какъ напр. Родосъ, Тера, Мелосъ, Коринѳъ, суть дорійскія поселенія, по обыкновенію, весьма часто посѣщавшіяся хананейскими мореходцами. Древнѣйшими произведеніями дорійской скульптуры, какими обладаемъ мы, оказываются, почти полуварварскія статуи Аполлона, открытыя въ Тенеѣ, подлѣ Коринѳа, въ Терѣ, Мегарѣ, Аргосѣ, Орхоменѣ, которыя представляютъ нашимъ взорамъ смѣсь вліянія египетскаго и ассирійскаго. По общему типу, онѣ скорѣе египетскія, но въ отдѣлкѣ проникнуты азіатскимъ характеромъ, отличающимся, какъ мы сказали уже, отъ пластическихъ произведеній Финикіи.

Сходство, существующее между этрусскими памятниками и тѣми, которые открываются ежедневно на востокѣ, также обнаруживаетъ въ первыхъ ассиро-финикійское происхожденіе. Такимъ образомъ, съ каждымъ шагомъ, дѣлаемымъ наукой, могущество и распространеніе восточной цивилизаціи, матери европейской, становятся для насъ яснѣе. Такимъ образомъ, воспитаніе человѣческихъ обществъ является для насъ все болѣе и болѣе дѣломъ распространявшагося и развивавшагося съ теченіемъ времени преданія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Карѳагенъ.—Происхожденіе и первое развитіе его могущества.

Главные источники этой главы и слѣдующей.

Древніе писатели: *Геродотъ*, кн. IV.—*Саллюстій*, Югуртинская война, первыя главы.—*Іустинъ*, кн. XVII.—*Описаніе морского путешествія* Ганнона въ собраніи *Малыхъ греческихъ географовъ*.—*Фестъ-Авіенъ*, Приморская страна (Ora maritima).

Новѣйшіе писатели: *Heeren*, Politique et commerce des peuples de l'antiquité, перев. на франц. т. IV.—*Münter*, Religion der Karthager, Copenhague, 1821.—*Kreuzer*, Religions de l'antiquité, livre IV, chapitre VII, et les notes de M. Guigniaut sur ce chapitre.—*D'Avezac*. Afrique ancienne, Paris, 1844.—*Dureau de La Malle*, Carthage, Paris, 1844.—*Beulé*, Fouilles à Carthage, Paris, 1858.—*Davis*, Carthage and its romains, Londres, 1862.

§ 1. Племена Сѣверной Африки.

I.—Важное историческое значеніе Карѳагена, съ той эпохи, которую обнимаетъ настоящее »Руководство«, заставляетъ насъ посвятить ему спеціальную главу, отдѣльно отъ другихъ финикійскихъ колоній.

По своему географическому положенію, городъ Дидоны принадлежитъ Африкѣ и Западу; но своимъ нравамъ, своему языку, своей цивилизаціи, мѣсту происхожденія своихъ жителей—Азіи и Востоку. Это—крайній авангардъ азіатскаго міра въ западной части Средиземнаго моря; чрезъ него-то восточная цивилизація и распространилась раньше греко-римской цивилизаціи въ Африкѣ, Галліи, Испаніи и на Британскихъ островахъ.

Но прежде чѣмъ набросать кратко исторію Карѳагена до времени Персидскихъ войнъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о народностяхъ, среди которыхъ онъ основался и надъ которыми позже господствовалъ. Къ несчастью, лѣтописи этихъ народовъ погибли, и только новѣйшей наукѣ удалось найти нѣсколько положительныхъ данныхъ.

II.—Древніе прилагали названіе Африки лишь къ небольшой части этого материка, разстилавшейся къ югу отъ мыса Бона; остальное пространство составляло Ливію. Основа населенія сѣвернаго берега, отъ Египта до Геркулесовыхъ Столповъ, была образована хамитской расой отъ Фута, родственной съ Египтянами и Эѳіопянами, къ которой позже только прилагалось названіе Ливіянъ, принадлежавшее по происхожденію нѣкоторымъ племенамъ арійской или Іафетической расы, поселившимся среди первобытныхъ туземцевъ. Эти племена, происшедшія отъ Фута, имѣютъ потомками современныхъ Берберовъ, занимающихъ весь сѣверъ Африки, отъ самыхъ сѣверныхъ долинъ Атласа до южныхъ границъ Сахары, и пространство отъ Египта до Атлантическаго океана, можетъ быть даже до Канарскихъ острововъ, гдѣ древніе Гуанхи говорили, кажется, нарѣчіемъ, весьма близкимъ къ нарѣчію Берберовъ Марокка. Эти Берберы, называемые теперь *Амазигами (Amazigh)* или *Шилаггми (Schilah)* въ Марокко, *Кабилами (Kabyles)* въ трехъ странахъ: Алжирѣ, Тунисѣ и Триполи, *Тибу (Tibbous)* между Фенцаномъ и Египтомъ, и *Туарегами (Touaregs)* въ Сахарѣ, составляютъ остатки одного и того же великаго семейства народовъ, кровь котораго осталась болѣе или менѣе чистой въ различныхъ частяхъ обширнаго пространства, занимаемой ими территоріи.

Языкъ, употребляемый ими въ разговорной рѣчи еще до сихъ поръ и извѣстный намъ по трудамъ ученыхъ офицеровъ французской африканской арміи, представляетъ близкое родство съ древнимъ египетскимъ. Этимъ языкомъ объяснены нѣкоторыя, дошедшія до насъ, надписи древнихъ временъ, принадлежащія туземцамъ Ливіи, Нумидіи и Мавританіи, и совершенно особенный алфавитъ, которымъ эти туземцы пользовались уже подъ карѳагенскимъ владычествомъ, еще досихъ поръ живетъ въ употребленіи у Туареговъ.

III —Саллюстій, имѣвшій возможность справляться съ историческими источниками Карѳагена и сохранившій для насъ данныя, болѣе драгоцѣнныя, чѣмъ какой-нибудь другой изъ классическихъ писателей по африканской исторіи, зналъ первобытныя времена, предшествовавшія появленію арійскихъ племенъ и поселенію финикійскихъ колоній. Тогда, на всемъ пространствѣ сѣверной Африки встрѣчались только три расы, неравно раздѣленныя тройнымъ поясомъ: отъ одного конца морскаго берега до другаго, ограниченнаго Средиземнымъ моремъ, тянулись коренные Ливіяне, Хамиты, или народы Фута; позади ихъ, внутри, но только на западной половинѣ, Гетулы, принадлежавшіе также, кажется, къ берберской крови и составлявшіе особенную вѣтвь ея; еще далѣе, во внутренности материка и по ту сторону Сахары, Негры, которымъ придавалось сначала греческое названіе Эѳіоплянъ, распространившееся позже неправильно на Кушитовъ верхняго Нила.

Саллюстій зналъ также, исключительно по преданіямъ, собраннымъ Карѳагенянами, о великомъ іафетическомъ нашествіи, направившемся потомъ къ берегу Африки, котораго оно достигло моремъ. Саллюстій создалъ изъ этихъ пришельцевъ Персовъ, Мидянъ и Армянъ, составлявшихъ будто бы войско Геркулеса, а это ясно указываетъ, что ему извѣстно было ихъ арійское происхожденіе. Египетскіе памятники даютъ намъ возможность узнать время появленія въ Африкѣ Іафетидовъ, подъ которыми разумѣлись собственно такъ называемые Ливіяне, Максіяне и Масы. Оно было современно царствованіямъ Сетиса I и Рамзеса II, а они серьезно угрожали, какъ мы уже видѣли, безопасности Египта. Впрочемъ, мы не будемъ говорить объ этихъ событіяхъ, которыми такъ долго занимались. Намъ достаточно указать нѣкоторыя значительныя перемѣны, происшедшія въ древнемъ населеніи страны потомковъ Фута и тщательно означаемыя Саллюстіемъ. Внутреннія племена, Гетулы и Негры, оставались нетронутыми на своей территоріи. Но новые народы образовались на побережьи. Моры, происшедшіе отъ смѣси арійскихъ племенъ, Мидянъ и Армянъ Саллюстія, съ первобытными туземцами, удерживали съ тѣхъ поръ за собой самую сосѣднюю съ Испаніей страну. Нумидяне, происшедшіе отъ сліянія другаго арійскаго племени, Персовъ латинскаго историка, съ Гетулами подчинили округи,

прилегавшіе къ Сардо-Тирренскому морю; собственно такъ называемые Ливіяне, Максіяне и Масы, поселились вдоль Сирта и по сосѣдству съ Тритонскимъ озеромъ. Одинъ восточный морской бервгъ остался при старыхъ хамитскихъ племенахъ.

Спустя около вѣка, послѣ прибытія іафетическихъ племенъ, совершилась послѣдняя перемѣна. Это — поселеніе ханапейскихъ племенъ, изгнанныхъ изъ Палестины. Они устремились въ Зевгитану и собственно Африку, гдѣ существовали, можетъ быть, раньше, до времени нашествія Пастуховъ на Египетъ, нѣкоторыя племена той же расы. Смѣшавшись съ сосѣдними народностями, съ одной стороны, іафетическими, съ другой, хамитскими, ханапейскія колоніи дали, какъ мы уже сказали это выше, начало Ливіефиникійской народности.

IV.—Геродотъ сообщаетъ намъ драгоцѣнныя подробности о жителяхъ сѣвернаго берега Африки въ V-мъ в. до нашей эры. Онъ начинаетъ свое описаніе, отправляясь съ западной границы Египта, и, слѣдовательно, говоритъ сначала о народностяхъ, сохранившихъ кровь Фута во всей чистотѣ.

»Первое племя, встрѣчающееся по выходѣ изъ Египта, суть Адирмахиды. Они имѣютъ почти тѣже самые обычаи, какъ и Египтяне, но одѣваются, какъ остальные Ливіяне, а женщины ихъ носятъ на каждой ногѣ по мѣдному кольцу. Адирмахиды оставляютъ расти свои волоса, но если послѣдніе дѣлаются неудобны отъ паразитовъ, то они ловятъ послѣднихъ, убиваютъ зубами и такимъ образомъ очищаются; впрочемъ, такъ поступаютъ съ ними только одни Ливіяне. Это племя живетъ отъ Египта до порта, называемаго Плиносомъ (теперь Акабатъ-эсъ-Соллумъ)«.

»Возлѣ Адирмахидовъ находятся Гилигамы, занимающіе страну къ западу до острова Афродизіаса (подлѣ теперешняго города Дернага). Въ этомъ промежуткѣ лежитъ островъ Платея (теперь Бурдлгъ), гдѣ Греки, основатели Кирены, поселились сначала, а на континентѣ стоятъ порты Менелаосъ и Озирисъ (Марза Расъ-этъ-Тинъ), гдѣ также обитали Киренеяне. Тамъ-то начинаетъ встрѣчаться сильфіумъ. Страна, гдѣ произрастаетъ это растеніе, тянется отъ острова

Платеи до Сирта. Эти народы имѣютъ почти такіе же самые обычаи, какъ и ихъ сосѣди«.

»Азбисты, слѣдующіе за Гилигамами, населяютъ страну, что выше Кирены, но они не распространяются до моря, берега котораго заняты Греками. Они болѣе искусны, чѣмъ другіе Ливіяне, въ веденіи колесницъ, запряженныхъ четверней, и стараются подражать обычаямъ Киренеянъ«.

»Ошизы граничатъ съ Азбистами и живутъ къ сѣверу отъ Барсеи. Они распространяются до моря возлѣ города Эвесперитовъ (Бенгази). Кабалы живутъ въ срединѣ страны Ошизовъ; они малочисленны и распространяются къ морскимъ берегамъ около Тохира (Токрагъ), города Барсейской территоріи«.

»Страна Ошизовъ ограничена съ запада страной Назамоновъ, народа многочисленнаго. Лѣтомъ, Назамоны оставляютъ свои стада на берегу моря, а сами отправляются во внутрь страны, постоянно въ одинъ и тотъ же округъ, называемый Огилой (онъ носитъ до сихъ поръ это же самое названіе), чтобы набрать тамъ къ осени финиковъ; пальмовыя деревья произрастаютъ въ этой мѣстности въ изобиліи и всѣ приносятъ плоды. Назамоны охотятся на саранчу, высушиваютъ ее на солнцѣ, обращаютъ въ порошокъ, смѣшиваютъ этотъ порошокъ съ молокомъ, которое и пьютъ потомъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ по нѣсколько женъ... Вотъ ихъ способъ приносить клятву и совершать гаданіе: они кладутъ руку на могилу людей, пользовавшихся между ними славою самыхъ справедливыхъ и самыхъ честныхъ, и клянутся ими; чтобы совершить гаданіе, они идутъ къ могиламъ своихъ предковъ, тамъ произносятъ молитвы и ложатся потомъ спать; если во время своего сна они увидятъ какое-нибудь сновидѣніе, то руководятся имъ въ своихъ поступкахъ. Они клянутся другъ другу въ вѣрности тѣмъ, что пьютъ изъ руки одинъ у другаго; за неимѣніемъ же напитка, собираютъ съ земли пыль и лижутъ ее«.

»Псиллы были сосѣдями Назамоновъ. Они погибли нѣкогда такимъ образомъ: южный вѣтеръ своимъ порывистымъ дуновеніемъ высушилъ ихъ цистерны, такъ какъ вся страна, расположенная внутри Сиріи, безводна Тогда посовѣтовавшись между собой, они рѣшили, что

надо сразить этотъ южный вѣтеръ. Я разсказываю это со словъ Ливіянъ. Когда же они явились въ пустыню, то вѣтеръ, дующій тамъ съ страшной силой, погребъ ихъ подъ горами песку. Когда Псиллы были истреблены, Назамоны овладѣли ихъ землями«.

»Таковы кочевые народы, населяющіе морскіе берега Ливіи. Далѣе за ними, двигаясь впередъ во внутренность материка, встрѣчается дикая Ливія, по ту сторону которой находится песчаное возвышеніе, простирающееся отъ Ѳивъ, въ Египтѣ, до Геркулесовыхъ Столповъ. Въ этой песчаной странѣ, черезъ каждые десять дней пути, попадаются большія залежи соли на холмахъ. Возлѣ каждаго изъ нихъ замѣчается, бьющая изъ средины почвы, свѣжая и пріятная вода, вокругъ которой встрѣчаются жители, составляющіе послѣдніе остатки населенія со стороны пустынь и дикой Ливіи«.

»Прежде всего встрѣчаются на пути изъ Ѳивъ, черезъ десять дней пути отъ этого города, Аммоняне (жители оазиса Сіуага); они имѣютъ храмъ и обряды, заимствованные ими у ѳивскаго Юпитера (Аммона). Изъ многихъ источниковъ, находящихся тамъ, одинъ отличается тѣмъ, что вода въ немъ обыкновенно теплая на разсвѣтѣ, становится холоднѣе въ тотъ часъ, когда начинается торгъ на рынкѣ, еще холоднѣе въ полдень, а потому-то въ это время и поливаютъ они свои сады; по мѣрѣ того, какъ день склоняется къ вечеру, вода становится менѣе холодной, а къ заходу солнца—тепловатой; потомъ она все болѣе и болѣе согрѣвается къ полуночи, наконецъ, кипитъ; по прошествіи полуночи, вода охлаждается до зари. Источникъ этотъ называется источникомъ Солнца«.

»На десять дней пути отъ Аммонянъ, находится на этомъ песчаномъ возвышеніи другой холмъ, такой же соляной, какъ и Аммоновъ; онъ, въ свою очередь, имѣетъ источникъ. Этотъ округъ населенъ и называется Огилой. Туда-то Назамоны ходятъ осенью собирать финики«.

„Еще на десять дней далѣе отъ территоріи Огилы, встрѣчается новый соляной холмъ съ водой и большое количество пальмовыхъ деревъ, приносящихъ плоды. Гараманты, народъ весьма многочисленный, населяютъ эту страну (нынѣшній Феццанъ). Они покрываютъ соляную почву слоемъ земли, а потомъ сѣютъ. Отъ нихъ рукой подать

къ Лотофагамъ. Но отъ страны этихъ послѣднихъ нужно пройти тридцать дней, чтобы придти въ степи, гдѣ встрѣчаются тѣ роды быковъ, которые пасутся, ходя задомъ. Эти животныя пасутся такъ потому, что роги ихъ загнуты далеко впередъ и углубились бы въ землю, если бы они паслись иначе. Гараманты охотятся на негрскихъ Троглодитовъ. Они употребляютъ для этого колесницы, запряженныя четверней, потому что изъ всѣхъ народовъ Троглодиты самые легкіе на ходу. Гараманты ѣдятъ ящерицъ, змѣевъ и другихъ пресмыкающихся и говорятъ языкомъ, неимѣющимъ ничего общаго съ языкомъ другихъ народовъ".

„На десять дней пути отъ Гарамантовъ (направляясь уже къ югу) встрѣчается еще такой же соляной холмъ съ источникомъ и жителями въ окрестности; они называются Атарантами (нынѣшняя страна Тигерри). Отдѣльныя лица у нихъ не имѣютъ собственныхъ именъ. Атаранты проклинаютъ солнце; когда послѣднее достигаетъ высшей точки на горизонтѣ и наибольшей силы, то они бранятъ его всячески, потому что оно жжетъ ихъ такъ же, какъ и землю. Еще на десять дней пути снова попадается соляной холмъ съ водой и людьми, носящими названіе Атлантовъ (Бильма)".

Здѣсь останавливаются сообщенія Геродота о внутренности материка; онъ заплатилъ значительную дань легковѣрію въ своемъ разсказѣ о соляныхъ холмахъ, расположенныхъ другъ отъ друга на десять дней пути. Вотъ еще вѣрный фактъ, обезображенный лишь тѣмъ, что разсказывали Ливійцы греческому историку. Пустыня дѣйствительно усѣяна, но не съ такой правильностью, какую указываетъ Геродотъ, оазисами, гдѣ находятся люди и вода. Что касается до соляныхъ залежей и соляныхъ озеръ, то путешественники подтверждаютъ ихъ существованіе во всей странѣ, о которой сообщаетъ свѣдѣнія Геродотъ; французскіе солдаты встрѣчали ихъ повсюду въ Алжиріи, по ту сторону Атласа, и цѣлая Сахара, сама по себѣ, есть ничто иное, какъ дно высохшаго моря.

Отецъ исторіи прибавляетъ еще нѣсколько общихъ подробностей о нравахъ, свойственныхъ, безъ исключенія, различнымъ народностямъ племени Фута. „Номады питаются мясомъ и молокомъ своихъ овецъ,

воздерживаясь, подобно Египтянамъ, отъ употребленія бычачьяго мяса, и не разводятъ вовсе свиней.... Вотъ какъ эти кочевники приносятъ жертвы: прежде всего отрѣзываютъ ухо у животнаго, назначеннаго для жертвоприношенія, бросаютъ это ухо на домовую кровлю, сдѣлавъ же это, душатъ животное. Они приносятъ жертвы Солнцу и Лунѣ, единственнымъ божествамъ, которымъ поклоняются всѣ безъ различія.... Отъ Ливійцевъ Греки научились запрягать по четыре лошади въ свои повозки. Погребеніе мертвыхъ въ землю дѣлается у номадовъ такъ же, какъ и у Грековъ, за исключеніемъ Назамоновъ, зарывающихъ своихъ мертвецовъ въ сидячемъ положеніи изъ боязни, чтобы они не лишили и иначе дыханія. Жилищами имъ служатъ хижины, сплетенныя изъ асфоделя и тростника и, по желанію, переносимыя ими съ одного мѣста на другое«.

V.—Переходя теперь снова, вмѣстѣ съ Геродотомъ, къ разсмотрѣнію приморскихъ народовъ, обратимся къ западу отъ Великаго Сирта, къ центру ливійскихъ іафетическихъ народностей, сохранившихся болѣе или менѣе чистыми отъ всякой смѣси съ хамитами, которые имъ предшествовали; здѣсь мы увидимъ, что опять встрѣтятся нѣкоторыя имена, упоминавшіяся прежде, въ разсказѣ о войнахъ этихъ народовъ съ египетскими фараонами XIX-ой и XX-ой династіи.

„На берегу моря, къ западу отъ Назамоновъ, обитаютъ Масы, бреющіе себѣ головы такимъ образомъ, что оставляютъ лишь на макушкѣ клокъ волосъ. Для войны они покрываются страусовыми кожами. Рѣка Синипъ (Уади-Кама) вытекаетъ изъ холма Граціи, орошаетъ ихъ страну и впадаетъ въ море. Этотъ холмъ всецѣло покрытъ лѣсомъ, тогда какъ остальная Ливія, описываемая мной до сихъ поръ, представляетъ страну, гдѣ вовсе не видно ни одного дерева; отъ этого холма до моря считается 200 стадій«.

Обычай сбривать большую часть волосъ и оставлять изъ нихъ только одну косу, положеніе которой разнится по племенамъ, совершенно тождественъ съ тѣмъ, какой египетскіе памятники воскрешаютъ передъ нами, какъ одну изъ характеристическихъ привычекъ іафетическихъ Ливіянъ. Между ними замѣчается также употребленіе

кожъ и страусовыхъ перьевъ,—однихъ, какъ защиту, а другихъ, какъ украшеніе.

»Гинданы соприкасаются съ Масами .. Лотофаги населяютъ морское побережье, лежащее передъ страной Гиндановъ. Эти народы живутъ только плодами лотоса (rhamnus lotus ботаниковъ, видъ придорожной иглы); этотъ плодъ имѣетъ толщину плода мастиковаго дерева, а сладость финиковъ; изъ него приготовляютъ также вино«.

„Съ Лотофагами граничатъ, вдоль побережья, Махліи, также употребляющіе лотосъ, но только въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ первые. Они простираются до Тритона, довольно большой рѣки, вливающейся въ огромное озеро тогоже названія (Себкатъ-Эль-Лудіагъ или Себкатъ-Фараунъ), на которомъ виднѣется островъ Фла“.

Рѣка и озеро Тритонъ играютъ важную роль въ древнихъ греческихъ преданіяхъ, относящихся къ Ливіи. Это былъ религіозный центръ собственно такъ называемыхъ Ливіянъ, Леву египетскихъ памятниковъ, т. е. племенъ іафетической расы, которыя пришли моремъ, чтобы поселиться въ Африкѣ. Одного ихъ имени достаточно, чтобы характеризовать неоспоримо арійское происхожденіе народностей, населявшихъ берега рѣки и озера. Безъ сомнѣнія, эти народы, съ весьма давняго времени, покинули свой древній языкъ, чтобы усвоить себѣ языкъ окружавшихъ ихъ народностей расы Фута, потому что ни одинъ древній писатель не указываетъ различія между нарѣчіями, употреблявшимися у нихъ самихъ и у сосѣдей ихъ. Но, по крайней мѣрѣ, названіе ихъ священнаго озера существовало, какъ послѣдній слѣдъ того времени, когда они пользовались арійскимъ языкомъ. Тритонъ есть, дѣйствительно, санскритское *trito*, »озеро, вода«, происшедшее отъ корня *trit*, *tri*, „берегъ рѣки, берегъ моря“, и послужившее началомъ ведическому выраженію *trita aptya*, „того, который родился среди водъ“, отъ Тритона и Амфитриты въ греческой миѳологіи. Встрѣчаются также рѣки подъ названіемъ Тритона на ос. Критѣ, въ Ѳессаліи, Аркадіи, Беотіи, Доридѣ и Ѳракіи.

Непосредственно за Махліями слѣдуютъ Озеяне. Оба народа живутъ вокругъ Тритонскаго озера, но отдѣляются рѣкой того же названія. Махліи оставляютъ расти свои волосы только назади

головы, а Озеяне напереди... Въ праздникъ, посвящаемый этими народами ежегодно въ честь Минервы, дѣвушки, раздѣлившіяся на двѣ группы, дрались между собой камнями и палками. Онѣ говорятъ, что эти обряды установлены ихъ предками въ честь богини, родившейся въ ихъ землѣ и называемой нами Аѳиной, и считаютъ мнимыми дѣвственницами тѣхъ, которыя умираютъ отъ ранъ. Но до окончанія боя, они одѣваютъ ту изъ нихъ, которая по общему мнѣнію, болѣе другихъ отличилась, въ полное воинское вооруженіе на греческій ладъ, въ коринѳскій шлемъ и, посадивъ ее въ колесницу, обвозятъ вокругъ озера«.

Культъ Паллады Тритонпды, или Тритогеніи, былъ извѣстенъ и распространенъ въ Греціи. Всѣ преданія выводятъ его изъ Ливіи, за одно съ культомъ Нептуна, или Посидона. Впрочемъ, надо было бы сдѣлать особенное изслѣдованіе о значеніи ливійскихъ сказаній въ первобытной Греціи. Ихъ существованіе и происхожденіе, весьма долго необъясненныя, понимаются теперь весьма ясно, потому что египетскіе памятники воскресили передъ нами родство пелазгическихъ народностей и собственно такъ называемыхъ Ливіянъ, тѣсныя отношенія постояннаго союзничества и общительности, во время XIX и XX-ой египетской династіи, между Ахеянами Пелопонеса и арійскими племенами сѣверной Африки, наконецъ, то участіе, какое Ахеяне, Тирреніяне, Лаконяне и Филистимляне Крита принимаютъ въ нападеніяхъ Ливіянъ и Машуашей, или Максіевъ, на Египетъ.

Геродотъ указываетъ потомъ на народовъ, жившихъ по ту сторону Тритонскаго озера, какъ на вышедшихъ уже изъ номаднаго состоянія. »Они обработываютъ плодородную землю, имѣютъ дома и называются Максіями. Они оставляютъ расти свои волосы на правой сторонѣ головы, сбриваютъ ихъ на лѣвой и расписываютъ тѣло красной краской. Ихъ страна, также какъ и остальная часть западной Ливіи, гораздо болѣе наполнена дикими животными и болѣе покрыта лѣсомъ, чѣмъ страны номадовъ«. Максіи, какъ мы уже имѣли случай это сказать, суть Машуаши египетскихъ памятниковъ, жившіе сначала гораздо ближе къ Нильской долинѣ. Читая оставленное отцемъ

исторіи описаніе ихъ костюма, можно думать, что видишь костюмъ одной изъ фигуръ Тамагу, т. е. іафетическихъ Ливіянъ, какія намъ предлагаютъ фараоновскія памятники, фигуръ съ косичкой волосъ, сплетенныхъ въ косу и падающихъ на одну изъ сторонъ головы, между тѣмъ какъ другая половина волосъ выстрижена, а тѣло украшено татуировкой.

»Завецеи касаются Максіевъ; когда они идутъ воевать, то женщины управляютъ колесницами«. Завецеи являются, очевидно, предками Зуауасовъ настоящей Алжиріи, населенія исключительно воинственнаго; въ немъ были набраны первые отряды французскихъ зуавовъ, и оно удержало за собой это названіе во всѣ вѣка.

»Гизанты живутъ непосредственно за Завецеями; пчелы приготовляютъ тамъ необыкновенное количество меда. Гизанты всѣ разрисовываютъ себя красной краской и ѣдятъ обезьянъ. Эти животныя весьма изобильны въ ихъ горахъ«. Гизанты, или Бизанты, были однимъ изъ племенъ этой страны, сохранившихъ въ совершенной чистотѣ арійскую кровь, потому что Скилаксъ описываетъ ихъ еще въ свое время свѣтлорусыми и замѣчательно красивыми. Они образовали, впрочемъ, одну многочисленную націю, но небольшая лишь часть ея оставалась независимой и сохраняла свои древніе нравы. Главная масса націи смѣшалась съ Ливіе-финикіянами и карѳагенскими колонистами, принявъ ихъ языкъ и обычаи и обратившись въ провинцію, получившую названіе Бизацены.

»Что касается до качества почвы, то Ливія не можетъ, какъ мнѣ кажется, быть сравниваема ни съ Азіей, ни съ Европой. Я исключаю изъ нея только Цирнпсъ, страну, носящую такое же самое названіе, какъ и орошающая ее рѣка. Она можетъ стать въ параллель съ лучшими хлѣбородными краями.... Хлѣбъ приноситъ столько же зеренъ, какъ и вавилонскій. Страна Эвесперитовъ также превосходная мѣстность. Въ тѣ годы, когда почва превосходитъ саму себя въ плодоносности, она возвращаетъ посѣвъ сторицей. Но Цирнпсъ приноситъ самъ — триста«. То, что разсказываетъ здѣсь Геродотъ о необыкновенной плодородности нѣкоторыхъ частей Африки, было оправдано позднѣйшими путешественниками. Территорія Карѳагена, теперь

Тунисское царство, считалась въ этомъ отношеніи одной изъ наиболѣе облагодѣтельствованныхъ природой странъ африканскаго материка.

VI.—Геродотъ вовсе не сообщаетъ данныхъ о народахъ теперешней страны Атласа, Алжира и Марокка. Но греческіе и латинскіе историки позднѣйшей эпохи даютъ намъ возможность узнать ихъ. Мы читали выше драгоцѣнныя свѣдѣнія, извлеченныя Саллюстіемъ объ ихъ происхожденіи изъ книгъ Гіемпсала и карѳагенскихъ писателей. Преданіе, вѣрно записанное этимъ историкомъ о Мидянахъ, Персахъ и Армянахъ, пришедшихъ моремъ въ западную Африку и составлявшихъ сначала часть Геркулесова войска во время его похода въ Испанію, кажется иногда басней, выдуманной Нумидянами, когда они пришли въ столкновеніе съ греческой цивилизаціей, чтобы дать себѣ знатное происхожденіе. Намъ трудно теперь, послѣ того какъ надписи Египта бросили свѣтъ на исторію сѣверной Африки, не признать въ ней воспоминанія, жившаго еще, хотя и въ искаженномъ видѣ, по истеченіи многихъ вѣковъ, воспоминанія о поселеніи одной вѣтви великаго арійскаго нашествія въ Ливію, отличной, безъ сомнѣнія, отъ той, которая утвердилась на берегахъ Тритонскаго озера, и, быть можетъ, первоначально родственной съ Иранцами. Такимъ образомъ понятнымъ становится присутствіе, между Кабилами Алжира, русоволосыхъ племенъ, существующихъ тамъ съ незапамятныхъ временъ и, очевидно, принадлежащихъ къ индо-европейскому корню, племенъ, которыхъ сначала необходимо предполагали потомками Вандаловъ.

Смѣсь арійскихъ пришельцевъ съ древними народностями побережья, происшедшими отъ Фута, породила Мавровъ, или Маврузіянъ, первобытное названіе которыхъ, по предположенію, произносилось Мидяне, что составляетъ, быть-можетъ, искаженіе ихъ національнаго названія Амазиговъ. Смѣсь тѣхъ же самыхъ пришельцевъ съ Гетулами, жившими по ту сторону Атласа, произвела Нумидянъ. Мавры были народомъ осѣдлымъ и земледѣльческимъ; Нумидяне, какъ ихъ самое названіе даже, греческаго происхожденія, показываетъ, вели жизнь кочевую. Поэтому они находились одни къ другимъ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ два элемента, между которыми еще до сихъ поръ раздѣляется населеніе Алжира и Марокко, находятся въ насто-

ящее время: съ одной стороны, Мавры городовъ и Берберы, Кобилы, или Шилаги, ведущіе жизнь осѣдлыхъ земледѣльцевъ; съ другой стороны, арабскія племена, блуждающія въ равнинахъ, какъ кочующіе пастухи.

VII.—Нравы различныхъ африканскихъ народцевъ, только что кратко обозрѣнныхъ нами, главнымъ образомъ, опредѣлялись природой той территоріи, гдѣ они утвердили свое пребываніе. Сѣверъ Африки представляетъ, дѣйствительно, два весьма различныхъ вида, какъ замѣчаетъ это Геродотъ со своей обычной аккуратностью: отъ Геркулесовыхъ Столповъ до малаго Сирта, побережье, покрытое горами, выдвигается въ море и имѣетъ плодородныя долины, гдѣ могли поселиться земледѣльческія народности; отъ малаго Сирта до Киренаики, континентъ, напротивъ, бѣднѣетъ плодородіемъ; пустыня же со всей своей сухостью продолжается, чтобы потонуть въ самомъ морѣ. Здѣсь могли жить только номады. Киренаика; высокій мысъ, хорошо орошаемый и проникающій на 200 километровъ въ море насупротивъ Греціи, воспроизводитъ природу и удобства Атласской страны. Она должна была служить и служила удобной станціей, богатой землей, цивилизованной и покрытой городами. Отъ Киренаики до Египта снова появляются пустыня и номады. Хамитскіе и іафетическіе Ливіяне покрывали, слѣдовательно, весь этотъ берегъ: здѣсь номады, тамъ осѣдлые, удерживая отодвинутыя къ югу черныя народности. Двѣ чужеземныя націи пришли, однако, поселиться между ними на двухъ мысахъ, прямо выходящихъ противъ Греціи и Сициліи, Греки —на первомъ, Финикіяне – на второмъ, и, кромѣ того, во многихъ другихъ мѣстахъ побережья. Мы будемъ говорить лишь при случаѣ о Грекахъ Киренаики, но намѣрены попытаться набросить теперь краткій очеркъ исторіи Карѳагенянъ до времени Персидскихъ войнъ, т. е. до того времени, когда они начали свои великія войны съ Греками въ Сициліи.

§ 2. Основаніе и мѣстоположеніе Карѳагена.

I.—Въ глубинѣ Тунисскаго залива, заканчивающагося мысомъ Бономъ, на востокѣ, и мысомъ Зизибомъ, на западѣ, выдвигается

впередъ полуостровъ, нѣкогда ограниченный съ одной стороны моремъ, а съ другой Тунисскимъ озеромъ, теперь же находящійся между двумя озерами; перешеекъ около четырехъ километровъ ширины связываетъ полуостровъ съ материкомъ. На этомъ полуостровѣ былъ построенъ Карѳагенъ, между Утикой и Тунисомъ, на которыя смотрѣли, какъ на двѣ городскія стѣны; одна тянулась не болѣе, какъ на три мили, другая не имѣла даже двухъ. Узкая полоса земли, называвшаяся латинскими историками *Теніей (Taenia)*, начиналась отъ оконечности полуострова и направлялась къ западу, между Тунисскимъ озеромъ и моремъ до перекопа, гдѣ возвышается теперь крѣпость Гулетъ. Къ сѣверо-западу отъ этой полосы земли находились два порта, сообщавшіеся одинъ съ другимъ внѣшнимъ моремъ, посредствомъ единственнаго пролива, шириною въ 21 метръ, запиравшагося желѣзными цѣпями Первый былъ торговымъ портомъ, а второй — военнымъ.

Подлѣ портовъ, на самой возвышенной части полуострова, тамъ, гдѣ умеръ позже св. Лудовикъ и былъ построенъ въ честь его небольшой храмъ, принадлежащій теперь Франціи, находилось укрѣпленіе Бирса. Городъ собственно такъ называемаго Карѳагена окружалъ ее и самъ былъ защищенъ стѣной, которой долгое время было достаточно на то, чтобы прикрывать накопленіе жителей. Но позже, съ развитіемъ богатствъ и могущества пуническаго города, пространство, ограниченное стѣной, оказывалось болѣе недостаточнымъ. Тогда образовался новый городъ, это обширное предмѣстье, въ которомъ жилища перемѣшивались съ садами, и покрылъ почти на всемъ протяженіи полуостровъ. Греческіе и латинскіе писатели отмѣчаютъ это предмѣстье названіемъ Мегары, или Магаліи; можетъ быть, въ немъ слѣдуетъ возстановить оригинальную форму *Маканатъ (Makanath)*, »поле, хижины«. Тройной валъ, заключавшій перешеекъ, защищалъ эту часть города отъ нападеній съ суши.

II.—Со времени періода наибольшаго сидонскаго благосостоянія, около XVI-го в. до христіанской эры, городъ Камбея былъ основанъ Финикіянами на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ позже Карѳагенъ; это была, вмѣстѣ съ Гиппономъ, ихъ древнѣйшая колонія на сѣверномъ берегу

Африки. Но обстоятельства недали ей сразу блестящей будущности. Ея благосостояніе, ея населеніе были сначала поглощены Утикой, основанной Тирянами въ 1158-мъ г. Мѣстоположеніе Камбен оставалось пустыннымъ, между тѣмъ какъ Тиръ покрылъ своими колоніями весь сосѣдній берегъ. И только въ 872 г. туда прибыла царица Элиссара, во главѣ эмиграціи тирской аристократической партіи, бѣжавшей отъ господства демократіи и тирскаго царя Пигмеліуна. Бѣглецы остановились въ этомъ мѣстѣ; въ высшей степени благопріятное положеніе его, казалось, было предназначено для основанія великаго города Они рѣшились устроить тамъ свои жилища и занялись основаніемъ укрѣпленнаго города, который и назвали *Кирьятъ-Гадешатомъ (Kiryath-Hadeschath)*, «новымъ городомъ», что послужило основаніемъ для названія его Карѳагеномъ.

Мы подробно разсказали эти факты въ предшествующей главѣ и не будемъ опять заводить рѣчи о нихъ. Но здѣсь небходимо было ихъ вспомнить лишь по тому, что обстоятельства основанія Карѳагена имѣли большое вліяніе на всю его исторію. Аристократическое происхожденіе его первыхъ жителей объясняетъ духъ его учрежденій. Развитіе, какаго достигло карѳагенское могущество съ весьма раннихъ поръ и которое сдѣлало его исключеніемъ изъ другихъ городовъ, основанныхъ Финикіянами, зависитъ отъ двухъ причинъ: во первыхъ, оттого что Карѳагенъ основанъ былъ эмиграціей лучшей части тирскихъ жителей, то, съ первыхъ дней своего возникновенія, оказался болѣе значительнымъ и болѣе населеннымъ, чѣмъ какими бывали обыкновенно города такого же рода; во вторыхъ, оттого, что онъ былъ построенъ въ странѣ, гдѣ возвышались уже другіе хананейскіе города въ большомъ количествѣ, доставившіе ему братское содѣйствіе и поставившіе его скоро во главѣ, когда онъ сталъ самымъ обширнымъ и богатымъ. Дѣйствительно, подъ благопріятнымъ вліяніемъ своего счастливаго морскаго положенія, городъ Дидоны долженъ былъ естественно первенствовать среди всѣхъ этихъ колоній финикійскаго народа, и сила вещей должна была сдѣлать изъ него политическій центръ, въ то же время, какъ и торговый, между всѣми этими факторіями, независимыми, безъ сомнѣнія, одна отъ дру-

гой, но необходимо соединявшимися въ одно цѣлое подъ вліяніемъ общаго интереса монополіи и защиты.

§ 3.—Первоначальное территоріальное распространеніе Карѳагена.

(Отъ IX-го до VII-го вѣка).

I.—Какъ большая часть новѣйшихъ факторій, финикійскіе города африканскаго берега были изолированными мѣстами на чужомъ морскомъ побережьи, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь небольшую территорію вокругъ городскихъ стѣнъ. Мы знаемъ самымъ положительнымъ образомъ, что, основывая Карѳагенъ, Элиссара—прозванная Дидоной, какъ мы уже сказали это выше—должна была купить у туземнаго царя страны, Іапона, монарха Ливіянъ[1]), безъ сомнѣнія, Завецеевъ, оставившихъ за страной свое названіе Зевгитаніи, то мѣсто, гдѣ поселились ея спутники, точно также какъ мы покупаемъ у негрскихъ народовъ, съ которыми ведемъ торговлю, мѣста, гдѣ желаемъ построить свои магазины. Цѣна этой уступки была ежегодной поземельной повинностью, подобной тѣмъ, какія мы отбываемъ въ такихъ случаяхъ.

Іустинъ утверждаетъ, что эти повинности были платимы до временъ Дарія, сына Гистасна; но подобное утвержденіе не заслуживаетъ никакого вѣроятія и противорѣчитъ весьма многочисленнымъ и самымъ положительнымъ фактамъ. Извѣстно, что едва Карѳагеняне почувствовали возрастаніе своихъ силъ, они измѣнили политику по отношенію къ туземцамъ сосѣдней страны, и что скромное положеніе ихъ первыхъ попытокъ удерживалось не долго. Такое поведеніе, разссорившъ Карѳагенянъ съ соприкасавшимися съ ними ливійскими племенами, привело ихъ къ необходимости поддерживать долгій рядъ войнъ, изъ которыхъ они вышли побѣдителями, но которые заставили побѣжденныхъ взяться за первый благопріятный случай, чтобы сбросить ярмо. Въ теченіи 250 лѣтъ, отъ половины IX-го

---

[1]) Solin. 27, 9.

вѣка до конца VII, они завоевали шагъ за шагомъ всю страну, простиравшуюся отъ Малаго Сирта до границъ Нумидіи, покоряя Ливіянъ и оттѣсняя Нумидянъ; нашли въ этомъ завоеваніи, какъ и во всѣ свои послѣдующія войны, драгоцѣнныхъ и преданныхъ помощниковъ въ смѣшанномъ народѣ Ливіе-финикіянъ, занимавшихъ значительную часть Зевгитаніи и Бизацены, хвалившихся происхожденіемъ также отъ Хананна, видѣвшихъ, поэтому, своихъ братьевъ въ тирскихъ колонистахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтавшихъ верховную власть надъ туземцами чистой расы, по мѣрѣ того, какъ распространялось карѳагенское господство.

II.—Чтобы лучше удержать въ своей зависимости, такимъ образомъ завоеванные народы, Карѳагенъ, воспользовался тѣмъ же самымъ средствомъ, какъ и Римъ, по отношенію къ итальянскимъ народностямъ. Колонисты изъ его гражданъ и Ливіе-финикіянъ, почти всецѣло ассимилировавшихся съ самими Карѳагенянами были посылаемы въ эти страны, заставляли признавать свою власть тамъ и пользовались случаемъ, чтобы кромѣ того, завязать болѣе тѣсную связь съ туземцами. Потому не встрѣчается въ древности ни одного народа, понимавшаго колоніальную систему лучше и практиковавшаго ее чаще, чѣмъ Карѳагеняне.

Колоніи, основанныя ими внѣ и населенныя съ торговой цѣлью, были всѣ, безъ исключенія, расположены на морѣ, между тѣмъ какъ ихъ первыя внутреннія колоніи предназначались для земледѣлія. Береговая торговля была даже настолько ограничена, что не могла удовлетворять всѣмъ нуждамъ. Но такъ какъ вывозъ Карѳагенянъ состоялъ частью изъ продуктовъ родной ихъ страны, то земледѣліе и торговля поддерживались взаимно. Политика этой республики заставляла ее смотрѣть на поселенія этихъ колонистовъ, какъ на болѣе вѣрное средство удержать за собой народное расположеніе, предупреждая слишкомъ большое увеличеніе населенія и улучшая, посредствомъ раздѣленія земель, судьбу гражданъ, плохо надѣленныхъ фортуной. „Такимъ образомъ“, говоритъ намъ Аристотель [1]), „карѳагенское государство умѣетъ пріоб-

---

[1]) II, 11.

рѣтать себѣ народную любовь. Безпрестанно оно посылаетъ въ окрестныя страны избранныхъ между своими гражданами колонистовъ, обезпечивая имъ тамъ пріятное удобство. Вотъ то, что характеризуетъ мягкое и просвѣщенное управленіе. Оно идетъ на помощь туземцамъ, пріучая ихъ къ труду«.

Кажется, вся территорія Карѳагена была покрыта этими поселеніями, но большая часть ихъ располагалась на восточномъ берегу отъ городскаго залива и кантона до Малаго Спрта.

Понятно легко, что метрополія имѣла большой интересъ держать эти города въ тѣсной зависимости. Дань, платимая ими, составляла базисъ общественнаго богатства: своими субсидіями она вызывала по большей части войны, которымъ обязана была своимъ увеличеніемъ; ихъ граждане доставляли самые сильные элементы въ ея войско. Впрочемъ, поселенія, эти были скорѣе большими мѣстечками, чѣмъ собственно такъ называемыми городами, потому что Карѳагеняне имѣли укрѣпленныя пункты только вдоль побережья. Безъ сомнѣнія, ревность метрополіи отняла у нихъ право возводить укрѣпленія; они поэтому легко дѣлаются вѣрной добычей каждаго искателя приключеній или завоевателя, осмѣлившагося сдѣлать нашествіе на территорію Карѳагенянъ.

Очень надо беречься смѣшиванія съ этими колоніями республики приморскихъ городовъ собственно финикійскаго основанія. На эти послѣдніе ихъ младшая сестра не распространяла всецѣло своего верховнаго владычества, но пользовалась между ними скорѣе простой гегемоніей. Вмѣсто того, чтобы быть подданными, они были союзниками, соединенными узами конфедераціи; въ ней Карѳагенъ занималъ первое мѣсто, точно также какъ Тиръ, отъ котораго эти города продолжали зависѣть, между городами Финикіи. Такое положеніе вещей продолжалось во все время величайшаго блеска карѳагенскаго могущества. Во всѣхъ своихъ договорахъ съ Римомъ, республика условливается всегда отдѣльно для *тирскихъ городовъ*, какъ для своихъ привилегированныхъ союзниковъ. Что касается до Утики, то ея древность давала ей право на отдѣльное отъ другихъ городо[illegible] ніе, и къ ней относились съ почтеніемъ, ставя ее въ одн[illegible]

Карѳагеномъ, хотя политическая важность Утики была совершенно ничтожна.

III.—Континентальная территорія, подчиненная такимъ образомъ Карѳагеномъ отъ IX-го до VII-го вѣка, дѣлилась на три пояса или страны, необходимо соотвѣтствовавшіе тремъ различнымъ эпохамъ въ завоеваніи. Первый поясъ составляла Зевгитана, или собственно Африка, называемая также нѣкоторыми греческими писателями Карѳедоніей и простиравшаяся съ сѣвера на югъ въ длину на 400 километровъ, а въ ширину на 270. Она занимала, кромѣ столицы, извѣстное число приморскихъ или тирскихъ городовъ, какъ Гиппонъ-Заритъ Утика, Тунисъ, Клупея и многіе другіе. Внутри материка, самыми важными колоніями были: Вакка, Булла, Сикка и Зама. Южнѣе тянулась Бизацена; одна сторона ея была покрыта цвѣтущими городами, и между ними Адрумет, Малый Лептисъ, Тиздръ и Такапея занимали первое мѣсто. Между Зевгитаніей и Бизаценой, земледѣльческихъ колоній, основанныхъ среди полей, насчитывалось болѣе трехсотъ

Наконецъ, округъ, расположенный подлѣ Малаго Спрта, получилъ названіе *Эмпоріи*. Города послѣдней, какъ указываетъ это самое слово, были существенно торговыми. „Эта страна“, говоритъ Сцилаксъ, населенная Ливіянами, самая великолѣпная и самая плодоносная; она изобилуетъ стадами, и ея жители богатѣйшіе и красивѣйшіе изъ всѣхъ.

IV.—Такимъ-то образомъ, сила обстоятельствъ и самое мѣстоположеніе, гдѣ былъ основанъ Карѳагенъ, привели послѣдній къ тому, что онъ сдѣлался, съ первыхъ годовъ своей исторіи, могущественнымъ завоевателемъ и принялъ политику, совершенно несходную съ политикой финикійскихъ городовъ. Послѣдніе принуждены были своимъ географическимъ положеніемъ отказаться отъ всякой завоевательной цѣли и ограничиться лишь торговлей. Окруженные могущественными государствами, собственно такъ называемые Финикіяне не всегда могли даже отстоять свою независимость и находили для себя

[illegible]ѣе держаться роли маклеровъ между государствами и

[illegible]легавшими къ Средиземному морю. Совершенно инымъ

былъ Карѳагенъ; расположенный на оконечности большаго материка, воинственные номадные племена котораго доставляли ему многочисленныя войска, и окруженный, такъ сказать, странами, лишенными руководителей, онъ находилъ открытымъ поле для своихъ завоеваній, и его интересъ наложилъ на него обязанность пройти изъ конца въ конецъ это поле. Онъ представляетъ намъ въ исторіи первый примѣръ торговаго государства, свободнаго и могущественнаго, создавшаго свое величіе нападеніями на страны, расположенныя внѣ его территоріи.

Въ своихъ завоеваніяхъ, Карѳагенъ необходимо слѣдовалъ совершенно иной политикѣ, чѣмъ ассирійскіе, вавилонскіе или персидскіе завоеватели, подчинявшіе и грабившіе народы только въ силу того, что они не покорили ихъ раньше. Безъ сомнѣнія, было бы опасно утверждать, что Карѳагеняне, въ своихъ завоеваніяхъ, всегда поступали по хорошо опредѣленной системѣ; но мы, однако, будемъ держаться положительно, вмѣстѣ съ Геереномъ, того мнѣнія, что опытъ привелъ ихъ къ извѣстнымъ истинамъ, отъ которыхъ они уклонялись только въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ. Это было, сверхъ того, согласно съ духомъ аристократическаго образа правленія, существовавшаго у нихъ, потому что при такомъ правленіи государственныя истины переходятъ отъ одного господствующаго семейства къ другому и исторія представляетъ намъ столь поразительные примѣры этого явленія, что мы не можемъ сомнѣваться въ немъ.

Уже природа и пространство карѳагенской территоріи на африканскомъ континентѣ достаточно показываютъ, что онъ соединялъ со своимъ стремленіемъ къ увеличенію нѣкоторую умѣренность, основанную на принципѣ—не пріобрѣтать земли болѣе, чѣмъ сколько можно удержать за собой. Какое другое государство располагалось большими средствами распространить свое могущество и въ состояніи было, однако, наложить узду на свое властолюбіе? Карѳагенъ имѣлъ позади себя обширный материкъ Африки, который, за отсутствіемъ въ немъ какого бы то ни было государства, ожидалъ, казалось, только повелителя, чтобы быть порабощеннымъ. Тѣмъ менѣе, территорія Карѳагена была и оставалась всегда [illegible] вомъ средней величины. Городъ Дидоны держ[illegible]ой я[illegible]

пости даже по отношенію къ Европѣ, исключая богатой Испаніи; эту послѣднюю Карѳагеняне пытались лишь гораздо позже завоевать во всей ея цѣлости, и то только вслѣдствіе стратегическихъ потребностей во время ихъ борьбы съ Римлянами.

Отступимъ на минуту отъ хода этого разсказа, потому что образованіе ихъ территоріи въ Африкѣ заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ о завоевательной и колоніальной политикѣ Карѳагенянъ, принадлежавшей собственно имъ и отличавшей ихъ отъ предковъ—Финикіянъ. Когда мы увидимъ ихъ вскорѣ распространяющими свое господство внѣ Африки, то каждый шагъ ихъ ясно докажетъ намъ, что они слѣдовали правилу столько же простому, сколько и естественному. Торговый и морской народъ долженъ безъ усилій прійти къ сознанію того факта, что Карѳагенъ не можетъ имѣть въ своемъ владѣніи болѣе прочныхъ и болѣе удобныхъ мѣстъ, чѣмъ острова. Самые блестящіе историческіе примѣры показываютъ, что нельзя сохранить за собой большихъ континентовъ при помощи флотовъ, когда достаточные для нихъ самихъ, они запираютъ свои порты на нѣкоторое время или страдаютъ, когда другіе ихъ держутъ запертыми. Карѳагенъ зналъ съ весьма раннихъ поръ эту истину, и ограничивалъ, даже въ самую цвѣтущую свою эпоху, владѣнія внѣ своей естественной территоріи почти исключительно островами. Тамъ онъ не встрѣчалъ докучливаго соперничества, чтобы бояться, или, если оно тамъ имѣло мѣсто, долженъ былъ надъ нимъ тѣмъ легче восторжествовать; тамъ промышленность могла развиваться непримѣтно, не подвергаясь риску въ ту эпоху, когда большія морскія государства не могли еще соперничать. Эти-то именно правила, Карѳагеняне проводили долгое время самымъ неизмѣннымъ образомъ въ своихъ завоеваніяхъ, и западная часть Средиземнаго моря, наполненная большими и малыми островами, открывала для нихъ поле, гармонировавшее съ ихъ положеніемъ и средствами.

§ 4.—Распря съ Киренеянами.—Возникновеніе торговли съ внутренней Африкой.

(Начало VI-го вѣка).

I.—Сдѣлавшись мало по малу повелителями всей окружавшей ихъ территоріи, благопріятной для земледѣлія, Финикіяне были естественно приведены къ попыткѣ завладѣть землей, граничившей съ Сиртами, обширной страной, тянувшейся въ длину на 370 километровъ, песчаной и безплодной, гдѣ земледѣліе было невозможно и гдѣ жили только номадныя племена Лотофаговъ и Назамоновъ. Владѣніе этой землей имѣло, все-таки, огромное значеніе, потому что караваны названныхъ племенъ, какъ оказывалось, служили средствомъ для богатой торговли съ внутренней Африкой. Сдѣлавшись повелителемъ надъ ними, Карѳагенъ сталъ распоряжаться всѣми выгодами этой торговли. Уже за долго до этого, Финикіяне основали на негостепріимномъ берегу Сиртовъ два города, Большой Лептисъ, сидонскую колонію, и Макаръ, названный позже Эа (Оеа), тирскую волонію, обязанные, одинъ и другой, большимъ благосостояніемъ тому обстоятельству, что они являлись единственными пунктами для высадки купцовъ, приходившихъ изъ земли негровъ чрезъ пустыню.

Но стремясь къ этой части материка, Карѳагеняне должны были скоро прійти въ соприкосновеніе и начать борьбу съ соперниками, еще никогда съ ними не сталкивавшимися, Греками Кирены. Въ первый разъ великому африканскому городу надо бы встрѣтиться съ эллинской расой; сила вещей и антагонизмъ интересовъ вскорѣ должны были заставить его вызвать этихъ соперниковъ, во всей западной части Средиземноморскаго бассейна, на непримиримую борьбу, продолжавшуюся въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ до того времени, когда Римъ занялъ, вмѣстѣ съ вліяніемъ своего военнаго могущества, мѣсто Грековъ и покончилъ уничтоженіемъ своего втораго соперника.

II.—Попытки поселенія пелазгическихъ или эллинскі
на счастливомъ побережьи Киренаики восходятъ къ і

древности. Существуетъ полный циклъ преданій и легендъ, показывающихъ, что жители Греціи часто посѣщали эту страну въ героическіе вѣка и пытались основать тамъ колоніи. Аргонавты причаливали къ берегу и предсказывали будущій блескъ греческихъ городовъ, долженствовавшихъ вскорѣ возникнуть въ этой странѣ. Нимфа Кирена, любимица Аполлона, дочь Гипсея, царя Лапитовъ въ Θессаліи, перенесена на эту почву; она даетъ послѣдней свое названіе и родитъ въ этой странѣ Аристея, дѣлающагося въ ней царемъ. Лакріяне-Озолы пристаютъ къ Цирцинею и Узалѣ; нѣкоторые греческіе корабли, блуждавшіе на обратномъ пути изъ Трои, высаживаютъ свои экипажи въ Месселѣ. Всѣ эти преданія, ходившія уже въ Греціи до основанія Киpены и необходимо потомъ смѣшавшіеся съ религіозными баснями, какъ и всѣ воспоминанія первобытной Эллады, чего нельзя не допустить, вмѣстѣ съ ученымъ Маннертомъ, имѣли историческое основаніе Онѣ принимаютъ особенно ясный характеръ дѣйствительности теперь, когда мы знаемъ древнія отношенія Ливіи къ Греціи и нашествіе Ахеянъ, Лаконянъ и Тирреніянъ на Египетъ съ западной границы Дельты вслѣдъ за высадкой, имѣвшей театромъ Киренаику. И мы не можемъ считать чисто случайнымъ совпаденіемъ того обстоятельства, что греческіе хронографы помѣщаютъ первые попытки поселенія своего племени въ Киренаикѣ подъ 1333 годомъ до Р. Х., т. е. точно въ ту эпоху, когда ливіе-пелазгическая конфедерація находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, когда мореходство между Греціей и африканскимъ берегомъ совершалось особенно часто.

Какъ-бы то ни было, въ 640-мъ году, Аристотель, или Аристей, сынъ Полимнесты, прозванный Баттусомъ, »Заикой«[1]), потомокъ одного изъ минійскихъ семействъ, изгнанныхъ изъ Лемноса Дорянами,

---

[1]) Греки прикрашивали всякаго рода легенды о происхожденіи этимъ именемъ Баттуса. Не было-ли оно усвоено сыномъ Полимнесты вслѣдствіе его союза съ Ливіянами? Дѣйствительно, слѣдуетъ замѣтить, что отецъ ли- напавшій на Египетъ въ правленіе Меренфтага, назывался).

отправился съ острова Теры на морское побережье Африки, по приказанію Дельфійскаго оракула, во главѣ многочисленной колоніи, въ которой находились представители различныхъ элементовъ, составлявшихъ населеніе острова Теры,—Дорянъ, уроженцевъ Спарты, Кадмеянъ, эмигрировавшихъ изъ Ѳивъ, Миніянъ изъ Лемноса, наконецъ, потомковъ эллинизировавшихся древнихъ сидонскихъ колонистовъ. Экспедиція высадилась сначала на островѣ Платеѣ, гдѣ прожила два года. Не имѣя здѣсь успѣха, колонисты переѣхали въ Азирисъ, гдѣ оставались еще семь лѣтъ, потомъ, перемѣняя въ послѣдній разъ мѣсто своего пребыванія, они отправились, въ 631 году, поселиться на томъ пунктѣ, гдѣ построили Кирену, купивъ его у сосѣдей Ливіянъ. Согласно преданію о дорійскихъ нравахъ, они установили у себя аристократическую монархію подъ управленіемъ Баттуса и его потомковъ.

Новая колонія развивалась сначала медленно, но третій монархъ киренейской династіи, Баттусъ II, прозванный »Счастливымъ«, вступивъ на престолъ около 580 года, занялся развитіемъ города, еще слишкомъ слабаго, чтобы смѣло поднять голову передъ туземными народностями. Онъ призвалъ Грековъ къ раздѣлу плодоносныхъ земель, удобныхъ къ захвату у Ливіянъ, и обратился, для указанія этихъ земель, къ Пиѳіи; предсказанія были тотчасъ услышаны: »тѣ, которыя окажутся въ плодоносной Ливіи лишь послѣ раздѣла земель«, говорилъ богъ, »и послужатъ со временемъ причиной раскаянія«. Побуждаемая такимъ образомъ, толпа Грековъ изъ Пелопонеса, съ острова Крита и острововъ Эгейскаго моря явилась въ Кирену, чтобы увеличить въ ней населеніе, и новые греческіе города возникли, какъ бы волшебствомъ, на всемъ сосѣднемъ побережьи: Аполлонія, Барсея, Тахира и городъ Эвесперитовъ. Колонія распространилась такимъ образомъ на счетъ ливійскихъ кочевниковъ, не бывшихъ уже въ состояніи сопротивляться имъ. Но эти древніе хозяева страны не позволили разграблять ее безропотно; они были слабы, это вѣрно, но могли призвать на помощь себѣ могущественнаго защитника, что и было ими сдѣлано. Адикранъ, ихъ [illegible] просилъ о помощи египетскаго фараона Уапрагета, и[illegible] тивъ Киренеянъ значительныя силы. Оба войск[illegible]

красной странѣ Ираза, вблизи источника Тесте (Thesté); Египтяне потерпѣли пораженіе и были почти до одного перебиты (570); это пораженіе вызвало между ними мятежъ, повлекшій за собой низверженіе Уапрагета съ престола. Побѣда Грековъ упрочила господство Киренеянъ надъ завоеванной ими территоріи, и надъ окрестными ливійскими племенами; она доставила имъ также уваженіе Египта, новый властитель котораго, Амесъ, искалъ ихъ дружбы и женился на Лаодикіи, дочери Баттуса.

III.—Вслѣдствіе побѣды при Иразѣ, Киренеяне, продолжая распространять свою власть надъ ливійскими пароподстями, естественно должны были прійти въ столкновеніе съ Карѳагенянами, также распространявшими свою власть надъ этими народностями, но съ противоположной цѣлью. »Между двумя государствами«, говоритъ Саллюстій, »лежала совершенно гладкая песчаная равнина, гдѣ не встрѣчалось ни рѣки, ни горы, равнина, могшая служить для различенія границъ, бывшихъ причиной долгой и кровавой борьбы между ними. Войска обѣихъ націй, поочередно терпѣвшія пораженія и обращавшіяся въ бѣгство на сушѣ и на морѣ, взаимно одно другое ослабляли. При такомъ положеніи вещей, оба эти народа боялись увидѣть вскорѣ общаго врага нападающимъ разомъ на обоихъ, на побѣдителя и побѣжденнаго, равно обезсиленныхъ. Они согласились на перемиріе и постановили между собой, чтобы отъ каждаго отправились по два представителя, чтобы мѣсто, гдѣ послѣдніе встрѣтятся было бы ненарушимой границей для обѣихъ государствъ«.

»Карѳагенъ избралъ двухъ братьевъ, называвшихся Филенами. Они поспѣшили уйти, какъ можно дальше. Представители Кирены шли медленнѣе, то по своей собственной винѣ, то по тому, что были задержаны временемъ; такъ какъ въ этихъ пустыняхъ, точно въ открытомъ морѣ, часто поднимаются бури, останавливающіе путешественниковъ: когда вѣтеръ начинаетъ дуть на эту обширную, почти совершенно голую поверхность, не представляющую ему никакого препятствія, поднимаются песчаные вихри; они, увлекаемые впередъ съ страшной силой, наполняютъ ротъ и глаза путешественникамъ и препятствуютъ имъ продолжать свой путь. Киренеяне, увидѣвъ себя немного

поотставшими и боясь быть наказанными по своемъ возвращеніи за невыгоду, причиненную ихъ медленностью, обвинили Карѳагенянъ въ томъ, будто тѣ отправились прежде назначеннаго времени и породили тысячу трудностей. Они рѣшались на все скорѣе, чѣмъ согласиться на столь неравный раздѣлъ. Карѳагеняне предлагаютъ имъ новую сдѣлку, равную для обѣихъ сторонъ, Киренеяне же дали имъ на выборъ: или быть зарытыми въ томъ мѣстѣ, гдѣ они хотѣли бы провести границу Карѳагена, или же, оставивъ это, позволить Киренеянамъ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, идти до того мѣста, гдѣ они хотѣли бы провести свою границу. Филены приняли первое предложеніе, довольные тѣмъ, что имъ удалось пожертвовать для своего отечества и собственными особами и жизнью: они были зарыты живыми въ землю«.

Этотъ разсказъ имѣетъ всѣ черты легенды, составленной позже народнымъ воображеніемъ. Но извѣстенъ фактъ, что послѣ ряда войнъ о границахъ двухъ территорій, Карѳагена и Кирены, таковые были проведены у подножія Большаго Сирта и что тамъ возвышались два жертвенника, называемые всѣми греческими писателями *жертвенниками Филеновъ;* на нихъ Карѳагеняне приносили поклоненія этимъ двумъ героическимъ или божескимъ лицамъ, пуническія имена которыхъ были передѣланы греками въ Филеновъ.

IV.—Окончательный результатъ столкновеній между Карѳагеномъ и Киреной выразился, слѣдовательно, въ томъ, что сынъ Тира удержалъ за собой владѣніе всей страной Сиртовъ, верховную власть надъ Назамонами и Лотофагами, а потому и распоряженіе торговыми караванами, ходившими во внутреннюю Африку. Эта торговля, производившаяся чрезъ посредство Назамоновъ и Лотофаговъ, главнымъ образомъ, имѣла цѣлью доставку, вмѣстѣ съ черными рабами, золотаго песку, слоновой кости и драгоцѣнныхъ каменьевъ, обмѣниваемыхъ внутренними народностями на продукты странъ Гарамантовъ, Атлантовъ, теперяшняго Феццана, и Бильмы, на манафактурные товары, финики соль. Эта торговля становится однимъ изъ главныхъ источниковъ карѳагенскаго богатства.

Подозрительная ревность Карѳагенянъ, старавшаяся тщательно

скрывать отъ иностранцевъ свои торговыя дороги изъ боязни, чтобы они не стали конкуррировать, имѣла результатомъ отсутствіе всякихъ свѣдѣній о путяхъ, какими велась эта торговля и о точномъ мѣстѣ, гдѣ останавливались караваны Назамоновъ и Лотофаговъ, къ которымъ присоединялись часто даже карѳагенскіе купцы. Однако, вѣроятно, что, начавъ сначала ходить только до Феццана и Бильмы, они пытались двинуться еще далѣе, чтобы самимъ пройти этотъ путь непосредственно и достигнуть до плодоносныхъ странъ центральной Африки. Геродотъ [1]) собралъ свѣдѣнія о попыткахъ этого рода, приведенныхъ въ исполненіе донаучала Персидскихъ войнъ изслѣдователями націи Назамоновъ, прошедшими до Нигера и болотистыхъ странъ, сосѣднихъ съ озеромъ Чадомъ.

»Нѣкоторые люди ихъ страны«, разсказываетъ онъ, »имѣли дѣтей смѣлаго отъ природы характера; достигши зрѣлыхъ лѣтъ, эти молодые люди вздумали, послѣ нѣсколькихъ отважныхъ предпріятій, опредѣлить жребіемъ, что пятеро изъ нихъ должны посѣтить пустыни Ливіи и стараться распространить знанія о нихъ, которыхъ и недоставало Карѳагенянамъ. Надо замѣтить, дабы понять это, что вся часть Ливіи, простирающаяся вдоль моря, начиная отъ того мѣста, гдѣ кончался Египетъ и домыса Солоиса, гдѣ проходитъ граница Ливія, населена Ливіянами, состоявшими изъ различныхъ племенъ; сюда не входитъ занимаемая самими Греками и Финикіянами страна. Надо замѣтить также, что вся часть, удаленная отъ моря и народцевъ, живущихъ по берегамъ, т е. часть верхней Ливіи, населена только дикими животными и что по ту сторону этой дикой страны разстилается песчаная пустыня, лишенная воды. Эти молодые люди, на которыхъ палъ жребій, снабженные жизненными припасами и водой, прошли сначала чрезъ населенную страну, потомъ дикую и, наконецъ, вступили въ пустыню, гдѣ держали путь къ западу. Пройдя нѣсколько дней по глубокимъ пескамъ, они, замѣтивъ деревья, возвышавшіеся среди поля, приблизились къ нимъ и сорвали плоды

[1]) II, 12.

росшіе на этихъ деревьяхъ. Лишь только они расположились ѣсть ихъ, какъ на нихъ напало большое число негровъ очень низкаго роста, которые ихъ схватили и увели съ собой. Эти люди говорили языкомъ, неизвѣстнымъ Назамонамъ. Они провели молодыхъ людей чрезъ страну, покрытую большими болотами, въ городъ; всѣ жители послѣдняго были также черны и такого же роста, какъ ихъ проводники. Подлѣ этого города протекала большая рѣка; теченіе ея направлялась отъ запада къ востоку и въ ней водились крокодилы«.

Этотъ большой городъ чернымъ, сосѣдній съ Нигеромъ, не могъ быть, какъ думали это, знаменитымъ Томбукту, столь цвѣтущимъ въ средніе вѣка, центромъ всей тогдашней торговли западнаго Судана, теперь же совершенно лишившимся своего древняго блеска. Томбукту, въ дѣйствительности, былъ основанъ, какъ опредѣлилъ это ученый путешественникъ Бартъ, лишь по истеченіи нѣсколькихъ вѣковъ послѣ христіанской эры. Но городъ, о которомъ разсказываетъ отецъ исторіи, долженъ быть расположенъ въ окрестностяхъ его въ той же самой странѣ. Можетъ быть даже, что онъ не оставилъ слѣдовъ, такъ какъ большая часть городовъ внутренней Африки, состоявшихъ изъ мимолетныхъ земляныхъ, исчезала съ поверхности земли, лишь только завоеваніе или другое какое-нибудь событіе того же рода заставляло жителей покидать ихъ хижины. Во всякомъ случаѣ, путешествіе Назамоновъ, извѣстное Геродоту только по наслышкѣ отъ Киренеянъ, носитъ въ самомъ разсказѣ своемъ, по справедливому замѣчанію Герена, ясныя черты изслѣдованія, предпринятаго для открытія торговой дороги. По всей вѣроятности, этому примѣру слѣдовали и другіе, а караваны пользовались свѣдѣніями, добытыми смѣлыми путешественниками.

§ 5.—Карѳагенъ наслѣдуетъ тирскія колоніи въ западной части Средиземнаго моря.

(Первая половина VI-го вѣка).

I.—До сихъ поръ, Карѳагенъ направлялъ почти исключительно свои усилія на основаніе территоріальнаго господства въ Африкѣ.

Онъ оставилъ владычество надъ морями своей метрополіи, съ которой былъ еще связанъ узами подданства, выражавшимися въ ежегодномъ отправленіи посла къ храму Мелькарта. Безъ сомнѣнія, его жители финикійскаго происхожденія не потеряли инстинктовъ и отличительныхъ способностей своего племени. Карѳагеняне имѣли свои корабли, и тирскіе города, находившіеся въ союзѣ съ ними, также владѣли ими. Но они еще не думали о пріобрѣтеніи талассократіи на свой собственный счетъ [illegible] владѣніи внѣшними колоніями. Торговля Карѳагенянъ смѣшивалась съ огромнымъ торговымъ движеніемъ Тира, на благосостояніе котораго осада города Саріукиномъ и взятіе его Сеннахерибомъ не имѣли вліянія. Онъ оставался по прежнему Тиромъ, владѣвшимъ колоніями въ Сициліи, Сардиніи, Испаніи, державшимъ въ своихъ рукахъ богатую торговлю на западѣ Средиземнаго моря и монополію морскихъ путешествій, самыхъ отдаленныхъ, къ островамъ Силли и Британскимъ. Разрушеніе Тира Набуходороссоромъ, въ 574 г., измѣнило это положеніе вещей, открывая новую дорогу для дѣятельности Карѳагенянъ, послужило точкой отправленія необыкновенному благосостоянію африканской финикійской республики.

Тогда Карѳагеняне увидѣли въ своемъ городѣ многочисленныя толпы бѣглецовъ, увеличившія въ немъ населеніе и особенно укрѣпившія морской элементъ. Въ первый моментъ оцѣпенѣнія отъ ужаса передъ вавилонскимъ монархомъ, Карѳагенъ и испанскія колоніи, что мы уже разсказали, признали верховную власть завоевателя, только что покорившаго ихъ метрополію, и платили ему дань. Но это подчиненіе было лишь номинальнымъ и вслѣдъ затѣмъ о немъ не поднимается болѣе вопроса.

Однако, городъ Мелькарта былъ приведенъ въ состояніе такого униженія, что не могъ болѣе поддерживать древнія колоніи свои. Предоставленныя самимъ себѣ, они были слишкомъ слабы, чтобы защищаться съ успѣхомъ и поддерживать свое собственное существованіе. Туземныя народности, среди которыхъ они находились, скоро замѣтили ихъ покинутыми, и положеніе различныхъ финикійскихъ населеній въ западной части Средиземнаго моря быстро дѣлается, какъ нельзя болѣе, критическимъ. Тардитане Бетики поднялись всей массой,

перерѣзали финикійскихъ или ливіе-финикійскихъ колонистовъ, распространившихся по ихъ селамъ и тотчасъ осадили приморѐніе города [1]) Сицилійскіе Греки угрожали Мотіи, Солонту и Панормѣ, единственнымъ городомъ, остававшимся въ этой странѣ подъ властью Ханаанянъ. Въ своемъ печальномъ положеніи, всѣ эти города, нѣкогда основанные Тиромъ, обратили свои взоры къ Карѳагену, сдѣлавшемуся новымъ Тиромъ, со времени разрушенія метрополіи, единственнымъ городомъ финикійскаго происхожденія, съ тѣхъ поръ настолько могущественнымъ, чтобы покровительствовать имъ, и умоляли его о помощи, предлагая признать себя подчиненными ему. Такимъ образомъ, силой вещей, Карѳагенъ былъ приведенъ къ тому, что сталъ первостепеннымъ морскимъ могущественнымъ городомъ и наслѣдовалъ обширное колоніальное развитіе Тира, а также торговую монополію во всей западной части Средиземнаго моря.

II.—Континентальная власть, которую Карѳагеняне умѣли создать для себя въ Африкѣ, доставляла имъ средства выставлять и содержать многочисленныя войска, набиравшіяся между Ливіянами и Ливіефиникіянами. Имъ легко было снарядить въ своемъ собственномъ портѣ и съ помощью другихъ тирскихъ городовъ африканскаго побережья многочисленный флотъ. Они могли также въ короткое время доставить дѣйствительную поддержку поселеніямъ Сициліи, Галліи и Мальтѣ, Коссурѣ, Каралису и Норѣ въ Сардиніи, Эбузу на Балеарскихъ островахъ, которые перешли въ ихъ владѣніе и сдѣлались основаніемъ ихъ новаго могущества. Большой походъ былъ направленъ въ Испанію; тогда отняты были города побережья и снова завоевана долина Бетиса, также какъ и окрестности рудниковъ, удерживаніе которыхъ въ рукахъ имѣло весьма важное значеніе. Очень большое число Ливіефиникіянъ было переведено въ эту страну и поселено въ деревняхъ въ качествѣ колонистовъ для обузданія туземныхъ жителей; особенно на берегу Бастуловъ они были такъ многочисленны, что ихъ смѣсь съ древнимъ населеніемъ страны породила новый племенной видъ, это—Бастулофиникіянъ. Изъ сказаннаго видно, что

[1]) Macrob. *Saturn.* I, 20.—Іустинъ, XLIV, 5.

система управленія и колонизаціи, практиковавшаяся въ Зевгитанѣ и Бизаценѣ, была равно прилагаема къ Бетикѣ.

Чтобы упрочить свои торговыя и стратегическія отношенія съ Испаніей такъ же хорошо сушей, какъ и моремъ, могущія служить при всякой возможной случайности, Карѳагеняне занялись старательнымъ укрѣпленіемъ городовъ, извѣстныхъ у Грековъ подъ названіемъ Метагонитскихъ, образовывавшихъ непрерывную цѣпь вдоль береговъ Нумидіи и Мавританіи до Геркулесовыхъ Столповъ. Главными изъ этихъ городовъ считались Коллопсъ, Питекуза, Іоль, называвшійся позже Цезареей (Шершель), и Сига. Они, кажется, были первоначально основаны Тирянами, предназначавшими ихъ служить мѣстами отдыха для ихъ собственныхъ кораблей, когда тѣ отправлялись въ Гадесъ; и туземные цари безпрепятственно допустили ихъ поселиться тамъ, потому что, не будучи мореходцами, они не предавали никакого значенія владѣнію береговой линіей, но только плодоноснымъ полямъ внутренности материка. Карѳагенъ соединился, наконецъ, тѣсно, съ Нумидянами для удержанія тѣхъ городовъ, которые онъ считалъ Метагонитскими и которымъ придавалъ весьма важное значеніе съ стратегической точки зрѣнія и ради того, что могъ набирать между нихъ воинственными племенами отряды наемниковъ для своихъ войскъ.

§ 6.—Войны съ Сицилійскими Греками и Фокеянами.

(Средина VI-го столѣтія).

I.—Народу не возможно идти только до половины по пути завоеваній. Извѣстная умѣренность, которую Карѳагенъ хотѣлъ сначала внести въ свои завоеванія, вскорѣ увлекла его, съ того момента, когда онъ ступилъ ногой на эту роковую дорогу, идти по ней все дальше и дальше, чего онъ не могъ предвидѣть при первыхъ шагахъ. Завоеванія вызывали завоеванія, и такъ шло до того времени, когда самый успѣхъ ихъ окончился катастрофой; надо бываетъ всегда предпринимать новыя завоеванія, потому что удержаніе сдѣланныхъ уже достигается совершеніемъ другихъ.

Карѳагеняне не замедлили испытать на себѣ дѣйствіе этого неизбѣжнаго историческаго закона. Съ того времени, когда они рѣшились принять колоніальное наслѣдство Тира и пріобрѣли господствующее могущество на морѣ, то увидѣли себя осужденными на постоянныя завоеванія и войны, которыя не переставали болѣе тянуться до послѣдняго дня ихъ исторіи. Тиряне могли мирно пользоваться торговой монополіей и мореходствомъ въ западной части Средиземнаго моря въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, потому что прибрежныя народы оставались еще въ варварскомъ состояніи и никакіе соперники до тѣхъ поръ не показывались въ этомъ морѣ для конкурренціи съ ними. Но условія не были тѣми же для Карѳагенянъ. Греки, отнявшіе въ ту пору у Финикіянъ политическое господство и морскую торговлю въ восточной части Средиземнаго моря, начали уже проникать и въ его западную часть. Будучи владѣльцами южной Италіи и большей части Сициліи, они направили съ этихъ поръ свои корабли къ западу, чтобы основать тамъ свои колоніи и распространить свою торговлю. Въ 640-мъ году, Колей самосскій указалъ Греціи на богатства Бетики, долго скрываемыя ревнивой политикой Тирянъ. Въ 600 г., Фокеяне основали Марсель. Движеніе греческой колоназаціи начало направляться къ Испаніи и Галліи.

Если движеніе развивалось и достигало успѣха, то это означало морское и колоніальное могущество, которое Карѳагенъ рѣшился съ этихъ поръ пріобрѣсти. Великая финикійская республика африканскаго побережья не могла допустить успѣховъ подобной конкурренціи въ томъ морѣ, которое она стала дѣлать своимъ и на которое перенесла всю свою дѣятельность. Ему надо было какой-бы то ни было цѣной достигнуть изгнанія Грековъ изъ западной части Средиземнаго моря. Съ этихъ поръ также началась на сушѣ и на морѣ великая борьба двухъ цивилизацій, эллинской и карѳагенской, продолжавшаяся въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, и пунническія войны служили ей въ дѣйствительности лишь вторымъ и послѣднимъ актомъ.

II.—Карѳагеняне первые объявили войну Грекамъ около 550-го года до христіанской эры. Чтобы остановить всякое новое стремленіе Эллиновъ къ западу, какъ можно на дольше, они рѣшились перенести

войну въ Сицилію и попытаться уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить греческое могущество на этомъ островѣ, превосходное положеніе котораго давало возможность господствовать въ большей части Средиземноморскаго бассейна.

Малхусъ, принявшій начальствованіе надъ военными силами республики послѣ полководца Ганнона перваго, окончательный организаторъ войска, побѣдитель послѣднихъ сопротивленій ливійскихъ племенъ, высадился въ Сициліи во главѣ многочисленныхъ легіоновъ, состоявшихъ изъ Карѳагенянъ, Ливіефиникіянъ, Ливіянъ и Нумидянъ. Къ несчастью, мы не знаемъ точныхъ подробностей объ ихъ походѣ. Намъ извѣстно лишь по нѣсколькимъ фразамъ Іустина, что въ короткое время Малхусу удалось сдѣлаться господиномъ большей части острова, т. е., весьма вѣроятно, западной и обширнаго пространства въ самомъ центрѣ, отбросивъ Грековъ на берега сѣверной и восточной частей. Положительныя данныя, тщательно собранныя учеными, доказываютъ, что туземныя народности, Сикулы и Сиканы, завидовавшія успѣхамъ Грековъ, приняли Карѳагенянъ радушно. Кажется даже, что нѣкоторые греческіе города отдѣлили свое дѣло отъ дѣла другихъ городовъ и обнаружили сочувствіе къ Малхусу, особенно Селинонтъ, гдѣ оставалась значительная основа финикійской народности съ того времени еще, когда Тиряне господствовали на всѣхъ берегахъ острова. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Брюне (Brunet-de-Presles), лучшаго историка Сицилійскихъ Грековъ.

III. — Но фокейскія колоніи Корса, Галліи, Испаніи угрожали Карѳагенянамъ первенствомъ еще гораздо прямѣе, чѣмъ греческія поселенія въ Сициліи. Разсказы Колея самосскаго о плодородіи долины Бетиса, торговомъ благосостояніи Гадеса и сокровищахъ металлическихъ рудъ южной Испаніи раздражали до крайней степени воображеніе и жажду наживы въ Іонійскихъ Грекахъ. Страна Тартессъ, финикійскій Тарсисъ, дѣлается для нихъ, въ послѣдніе годы VII-го столѣтія, истиннымъ Эльдорадо, на достиженіе котораго ихъ мореходцы употребляли всѣ свои усилія. Въ 600 г. до Р. Х., мореходецъ изъ Фокеи, по имени Эвксенъ, разыскивая дорогу въ Испанію, причалилъ

къ берегамъ южной Галліи, не далеко отъ устья Роны, къ странѣ Сегобриговъ. Дружески принятый Нанномъ, правителемъ страны, онъ женился на его дочери и основалъ городъ Массалію, или Марсель. Спустя два года, новая толпа колонистовъ, предводимая Протисомъ, присоединилась къ Эвксену, и Марсель явился, съ первыхъ годовъ своего существованія, значительнымъ и населеннымъ городомъ. Въ 578-мъ году, другіе Греки Малой Азіи, Родяне и Книдяне, пытаясь слѣдовать той же дорогой, пристали къ сѣверному берегу Испаніи и построили городъ Роду (теперь Розасъ).

Всю свою дѣятельность Массаліоты направили сначала къ Бетикѣ, откуда надѣялись вытѣснить Финикіянъ. Массаліоты воспользовались разрушеніемъ Тира и мятежемъ жителей Бетики противъ хананейскихъ колонистовъ. Аргантонъ, вождь Турдитанъ, принялъ ихъ тогда съ особенной благосклонностью и открылъ имъ рынки своей страны [1]). Вскорѣ, дѣйствительно, когда Карѳагеняне пришли на помощь Гадесу и снова забрали въ руки древнія тирскія владѣнія, Массаліоты увидѣли себя запертыми въ долинѣ Бетиса, но не переставали вслѣдствіе этого вести торговлю съ югомъ Испаніи, и на берегахъ Бастуловъ, почти рядомъ съ Картеей, они основали городъ Менасу. Весь морской торгъ Фокеи, бывшей тогда однимъ изъ первыхъ городовъ Іоніи, устремился съ этихъ поръ къ Марселли и марсельскимъ поселеніямъ. Новая фокейская колонія, Эмпорія (теперь Ампуріасъ), была основана на сѣверномъ побережьи Испаніи, подлѣ Пиренеевъ. Въ 556-мъ году, Фокеяне, чтобы утвердить за собой станцію и портъ для отдыха своихъ кораблей между Сициліей и Марселлью, построили на восточномъ берегу острова Кирнея, т. е. Корса, въ особенно выгодномъ мѣстѣ городъ Алалію, или Алерію, находясь въ которомъ, они распоряжались всѣмъ Тирренскимъ моремъ и Лигурійскимъ заливомъ. Взятіе и разрушеніе Фокеи Гарпагомъ, въ 542-мъ году, со времени завоеванія Іоніи Персами, вмѣсто того чтобы поколебать фокейскія поселенія на западѣ, еще болѣе увеличило имъ значеніе. Изъ колоніи Марсель дѣлается метрополіей. Такимъ образомъ,

---

[1]) Геродотъ I, 163.

большая часть жителей Фокеи, какъ разсказано уже это выше, не желая подчиняться чужеземному игу, выселилась и утвердилась частью въ Марселли, частью въ Алалiи; Массаліоты, также увеличившіеся въ числѣ, почувствовали въ себѣ силу основать новыя колоніи, чтобы облегчить и поддержать свою торговлю. На берегу Испаніи, между Эмпоріей и Менасой, они положили начало Гемероскопіуму и Алонису. У подножія галльскихъ склоновъ Пиренеевъ, на мѣстѣ нынѣшняго Руссиллона, они построили Пирену (теперь Эльнъ) послѣ разрушенія города Русцино (теперь Кастель-Руссилонъ, близъ Перпиньяна), названіе котораго показываетъ довольно ясно его хананейское происхожденіе. Этотъ послѣдній городъ служилъ дорогой, по которой, сначала Тиряне, а потомъ Карѳагеняне, ходили искать произведеній богатыхъ рудниковъ горной страны, особенно же богатствъ въ промываніяхъ золотоноснаго песку Арьежа (Орарія), приносившихъ тогда значительный доходъ. Флотъ ихъ разбилъ Карѳагенянъ въ нѣсколькихъ стычкахъ [1]) и пріобрѣлъ на нѣкоторое время полное господство въ этихъ моряхъ

IV.—Столь выгодная торговля Испаніи грозила такимъ образомъ всецѣло перейти въ руки Массаліотовъ. Тамъ, т. е. въ самомъ центрѣ своего новаго могущества, Карѳагеняне встрѣтили, кромѣ того, соперниками Грековъ. Первымъ дѣломъ для нихъ было достичь подавленія этой конкурренціи; они должны были сдѣлать величайшія усилія, чтобы уничтожить могущество Марселли еще при ея первыхъ попыткахъ и стереть съ лица земли ея поселенія. Для этого предпріятія, Карѳагеняне нашли естественныхъ союзниковъ въ Тирренянахъ Этруріи, владѣвшихъ значительнымъ флотомъ въ своемъ портѣ Популоніи и въ своихъ поселеніяхъ въ Кампаніи. Морскіе Этруски питали глубокую зависть къ Фокеянамъ Алалiи, стѣснявшимъ ихъ въ торговлѣ и морскихъ грабежахъ и угрожавшихъ отнять у нихъ первенство въ Тиррентскомъ морѣ, также какъ и въ Лигурійскомъ заливѣ. Они имѣли не менѣе интереса, чѣмъ и Карѳагеняне, нанести Фокеянамъ пораженіе.

Въ 536-мъ году, многочисленный соединенный флотъ Этрусковъ

---

[1]) Ѳукид. I, 13,—Павзаній X, 8, 3.

и Карѳагенянъ явился передъ Алаліей. Фокеяне выступили, чтобы встрѣтить враговъ, и большая морская битва, первая, на какую указываетъ исторія въ западной части Средиземнаго моря, произошла на водахъ Корса. Фокеяне были совершенно разбиты и скоро сознали невозможность удержаться въ Алаліи. Вслѣдствіе этого, они покинули городъ и удалились, одни въ Марсель, другіе—въ Италію, гдѣ основали городъ Велію [1]). Безплодность дикихъ горъ Корса привлекала лишь въ незначительной степени Карѳагенянъ; они оставили его во владѣніе Этрускамъ [2]), ограничиваясь удержаніемъ за собой на берегу нѣсколькихъ пристаней для своихъ кораблей, между прочимъ Алаліи, гдѣ открытъ былъ финикійскій саркофагъ, похожій на тѣ, какіе находятъ въ некрополяхъ Тира, Сидона и Берита, но сдѣланный изъ туземнаго камня.

Ободренные этимъ первымъ и значительнымъ успѣхомъ, Карѳагеняне рѣшили дѣятельно заняться преслѣдованіемъ марсельскаго мореходства на берегахъ Испаніи и напали на фокейскія поселенія въ этой странѣ, Имъ удалось разрушить ихъ почти всѣ. Въ Испаніи, Гемероскопіумъ, Алонисъ и Менаса подпали одинъ за другимъ подъ ихъ власть и были обращены въ развалины [3]). Рода и Эмпорія одни только смогли удержаться. Пирена была взята Иберами, сошедшими со своихъ горъ и соединившимися съ Карѳагенянами; Греки были прогнаны изъ Пирены, и она получила въ иберійскомъ языкѣ, послѣднимъ остаткомъ котораго является теперешнее баскское нарѣчіе, названіе Или-берри, »новаго города«. Карѳагеняне снова захватили въ свои руки торговлю южной Галліи, гдѣ они покровительствовали развитію Лигуровъ-Элезисовъ Нарбонны, чтобы противопоставить ихъ Грекамъ, и развитію жителей Ронской долины. Массаліоты были заперты въ стѣнахъ своего города и вынуждены переселиться на восточный берегъ огромнаго естественнаго марсельскаго порта, туда,

---

[1]) Геродотъ, I, 166,

[2]) Діодоръ Сицилійскій V, 13.

[3]) Страбонъ III, 156.

гдѣ возвышалась, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, биржа теперешней Марселли, учрежденіе карѳагенской факторіи. Тамъ-то находился храмъ Ваала, въ которомъ тарифъ жертвоприношеній, установленный авторитетомъ карѳагенскихъ суффетовъ, былъ открытъ въ послѣдніе годы. Онъ выгравированъ на каменномъ кускѣ кассиса, т. е., выгровированъ на самой территоріи Марселли [1]). Такое состояніе вещей продолжалось до 474-го года, того времени, когда Гіеронъ, тиранъ сиракузскій, своей морской побѣдой при Кумахъ, уничтожилъ этрусское мореходство, возстановилъ первенство Грековъ въ Тирренскомъ морѣ, Лигурійскомъ и Іонскомъ заливахъ и далъ такимъ образомъ возможность Марселли опять начать новую эру своего благосостоянія.

§ 7.—Пораженіе въ Сардиніи.—Революціонная попытка Малхуса.—Магонъ возстановляетъ дѣла республики.

(535—515).

I.—Тиряне ограничивались удержаніемъ въ своихъ рукахъ нѣсколькихъ факторій на берегахъ Сардиніи, Карѳагеняне же, рѣшившіеся, напротивъ, создать для себя обширныя колоніальныя владѣнія, положили завоевать совершенно этотъ большой островъ, который легко было сохранить при посредствѣ ихъ флота и плодоносныя поля котораго обѣщали имъ истинно изобильную житницу, а серебряныя руды возбуждали ихъ зависть. Малхусу, сицилійскому побѣдителю, былъ порученъ этотъ походъ. Но послѣдній не удался, и пораженіе, понесенное африканскимъ полководцемъ, было причиной тяжкихъ политическихъ событій въ самомъ Карѳагенѣ; воспоминаніе объ этихъ событіяхъ сохранено для насъ Іустиномъ.

II.—По разсказамъ этого вѣрнаго и ученаго сократителя Трога-Помпея, радость, распространившаяся въ Карѳагенѣ при извѣстіи объ

---

[1]) Желающіе могутъ найти указанія въ перечисленіи источниковъ, помѣщенномъ въ началѣ этой книги, на главныя сочиненія, трактующія о пунической надписи Марселли.

успѣхахъ его войска въ Сициліи, была вскорѣ помрачена страшной моровой язвой, унесшей безчисленныя жертвы изъ самаго города и со всей его африканской территоріи. Карѳагеняне, видя въ этомъ бичѣ недвусмысленный знакъ божескаго гнѣва, думали смягчить его человѣческими жертвами, по чудовищному обычаю Финикіи, перенесенному ею въ свои колоніи. Іустинъ, передавая этотъ фактъ, держится того мнѣнія, что подобная жестокость далеко не могла снискать благосклонность неба къ Карѳагену, но скорѣе призвала на него новыя несчастія.

»Ненависть боговъ«, говоритъ онъ, »наказала эти преступленія. Побѣдители въ Сициліи, Карѳагеняне явились съ оружіемъ въ Сардинію. Они потеряли тамъ въ жестокомъ пораженіи большую часть своего войска. Этотъ неблагопріятный исходъ былъ приписанъ Малхусу, и полководецъ, несправедливо обвиненный, былъ прогнанъ изъ города съ остаткомъ своего побѣжденнаго войска. Не чувствуя себя заслужившими эту строгость, воины отправили депутатовъ въ Карѳагенъ, сначала чтобы вымолить возвращеніе и прощеніе за свои неудачи, а потомъ объявить, что они готовы пріобрѣсти силою оружія то, въ чемъ отказано по ихъ просьбамъ. Просьбы и угрозы были равно отвергнуты. Тотчасъ они высадились и явились съ оружіемъ въ рукахъ передъ городомъ. Тамъ они клялись именемъ боговъ и людей, что вовсе не пришли порабощать, но лишь возвратить себѣ доступъ въ отечество и показать своимъ согражданамъ, что судьба, а не мужество, покинула ихъ въ послѣднее сраженіе. Сообщенія были отрѣзаны, и осажденный городъ пришелъ въ отчаяніе«.

»Въ это время, Картало, сынъ изгнаннаго полководца, на обратномъ пути своемъ изъ Тира, куда Карѳагеняне посылали его для принесенія Геркулесу (Мелькарту) десятой части добычи, захваченной Малхусомъ въ Сициліи, проходилъ вблизи лагеря своего отца и, призванный къ нему, отвѣтилъ, что прежде, чѣмъ повиноваться частнымъ обязанностямъ сына, онъ долженъ исполнить общественную религіозную обязанность. Обиженный этимъ отказомъ, Малхусъ не хотѣлъ, однако, оскорблять въ своемъ сынѣ святости боговъ. Но, спустя нѣсколько дней, Картало, получивъ отъ народа отпускъ, возвратился

къ своему отцу и явился предъ взорами всѣхъ покрытымъ порпуровой жреческой одеждой съ жертвенными перевязями. »Малхусъ отвелъ его въ сторону, сталъ упрекать, что онъ пришелъ оскорблять его роскошью своихъ украшеній, своими несчастіями и несчастіями своихъ согражданъ, напомнилъ ему оскорбительный отказъ явиться передъ нимъ нѣсколько дней раньше и, забывая, что онъ былъ отцемъ, но, помня только своемъ достоинствѣ полководца, приказалъ повѣсить несчастнаго сына, покрытаго украшеніями, на очень высокомъ крестѣ въ виду города.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, Малхусъ овладѣлъ Карѳагеномъ, собралъ народъ, жаловался на несправедливое свое изгнаніе, которое заставило его прибѣгнуть къ оружію, и объявилъ, что, довольный своей побѣдой, онъ ограничится наказаніемъ главныхъ виновниковъ этихъ безпорядковъ и проститъ всѣхъ другихъ за свое несправедливое изгнаніе. Поэтому, онъ приказалъ предать смерти десять сенаторовъ и потомъ возстановилъ въ городѣ его законы. Но вскорѣ, обвиненный самъ въ стремленіи къ неограниченной власти и въ желаніи низвергнуть существовавшее правительственное учрежденіе, онъ былъ взятъ подъ стражу и казненъ смертью по повелѣнію сената, искупивъ такимъ образомъ свое двойное преступленіе, совершенное имъ противъ роднаго сына и отечества.

III.—Магонъ, бывшій, кажется, сыномъ Ганнона перваго и смѣшиваемый съ нимъ многими древними историками, получилъ тогда начальствованіе надъ отрядами войска. Онъ ихъ совершенно реорганизовалъ и снова ввелъ дисциплину. Магонъ въ одно и тоже время былъ и великимъ политикомъ, и великимъ военнымъ человѣкомъ; его потомки, въ теченіи нѣсколькихъ рядовъ поколѣній, наслѣдовали его дарованія, и ни одно семейство не способствовало болѣе этого величію Карѳагена.

Въ нѣсколько лѣтъ Магонъ возстановилъ дѣла республики. Онъ началъ укрощеніемъ движеній, которыя проявились въ нѣкоторыхъ изъ ливійскихъ племенъ во время мятежа Малхуса и утвержденіемъ такимъ образомъ власти Карѳагена въ Африкѣ. Напавъ на Сардинію потомъ, онъ отомстилъ ей за неуспѣхъ, испытанный нѣсколько лѣтъ

раньше пуническими войсками. Сардиняне были побѣждены, и большая часть острова завоевана. Небольшое число народонаселенія, занимавшаго горныя и неприступныя части, успѣло удержаться независимымъ еще на нѣкоторое время и вызвало необходимость новыхъ походовъ до своего окончательнаго покоренія. Карѳагенъ тотчасъ приложилъ на практикѣ свою колоніальную администрацію къ Сардиніи и покровительствовалъ въ ней успѣхамъ земледѣлія между туземцами. Благодаря искусному и разумно-понятому управленію, метрополія развила тамъ благосостояніе, какого никогда до тѣхъ поръ не знала эта страна. Сардинія, теперь такъ рѣдко населенная, столь дикая и столь нездоровая, была, послѣ трехвѣковаго карѳагенскаго владычества, когда Римляне овладѣли ею, покрыта жителями и городами, удивительно хорошо устроенными, богатыми и цвѣтущими.

Чтобы завершить систему стратегическихъ позицій, которыя упрочивали бы за Карѳагенянами исключительное господство во всей западной части Средиземноморскаго бассейна, Магонъ занялъ различные острова изъ группы Балеарскихъ, гдѣ республика владѣла до того времени только Эбузомъ (теперь Ивица), наслѣдованнымъ отъ Тирянъ. Балеарскіе острова должны были съ тѣхъ поръ доставлять Карѳагенянамъ легкіе отряды лучшаго вспомогательнаго войска и особенно пращниковъ, извѣстныхъ своимъ искусствомъ. На островѣ Миноркѣ, карѳагенскій полководецъ основалъ городъ, сдѣлавшійся одной изъ главныхъ станцій для республиканскаго флота и еще въ настоящее время носящій немного искаженное имя своего основателя, Магоновскій портъ, теперь Махоновскій.

§ 8.—Успѣхи колонизаціи и торговли по ту сторону Геркулесовыхъ Столповъ.—Великіе походы съ цѣлью открытій.—Морскія путешествія Ганнона и Гимилькона.

(515—510).

I.—Сардинскія войны были современны разрушенію фокейскихъ поселеній на испанскомъ берегу. Благодаря вооруженной борьбѣ,

которую Карѳагеняне только что выдержали, благодаря особенно подвигамъ Магона, они достигли высшей точки своего могущества и такой степени благосостоянія, которой имъ никогда не суждено было превзойти и одно поддержаніе которой вскорѣ потребовало отъ нихъ самыхъ тяжкихъ усилій. Они господствовали безъ соперниковъ и пользовались неоспоримой властью надъ цѣлой половиной Средиземнаго моря. Торговля сѣверной Африки, Испаніи, Сардиніи и южной Галліи была всецѣло сосредоточена въ ихъ рукахъ.

Необычайное развитіе торговли и мореходства являлось непосредственнымъ слѣдствіемъ событій, создавшихъ такое положеніе вещей. Та часть Средиземнаго моря, гдѣ господствовалъ Карѳагенъ, оказалась даже недостаточнымъ поприщемъ для дѣятельности его купцовъ и матросовъ. Корабли пунического города перешли Геркулесовы Столпы и пустились въ плаваніе по Атлантическому океану, въ чемъ Тиряне уже предупредили ихъ, но съ меньшей смѣлостью. Къ этому-то времени надо отнести колонизацію западнаго берега нынѣшняго Марока, отъ Гибралтарскаго пролива до мыса Нуна, возобновленіе болѣе дѣятельной, чѣмъ когда-либо, торговли съ Британскими островами и великія морскія открытія Карѳагенянъ, сдѣланныя знаменитыми путешественниками Ганноном̀ъ и Гимилькономъ, двумя личностями, которыя не слѣдуетъ смѣшивать, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые ученые, съ ихъ однофамильцами, сыномъ перваго Гамилькара и внукомъ Магона.

II.—Оффиціальное сообщеніе о путешествіи Ганнона по африканскому берегу, находившееся въ храмѣ Ваалъ-Гамона въ Карѳагенѣ, сохранилось для насъ всецѣло въ одномъ греческомъ переводѣ. Оно дало поводъ нѣкоторымъ ученымъ къ многочисленнымъ комментаріямъ, и самыя различныя мнѣнія были высказаны для того, чтобы опредѣлить пунктъ, до котораго доходилъ карѳагенскій адмиралъ на югѣ. Наиболѣе намъ кажется основательнымъ по этому вопросу мнѣніе, принадлежащее Карлу Мюллеру [1]), опредѣленія котораго мы принимаемъ вполнѣ. Мы думаемъ, впрочемъ, что было бы

[1]) Въ изданіи *Малыхъ греческихъ географовъ* собранія Дидо.

не безъинтересно воспроизвести здѣсь этотъ драгоцѣнный разсказъ, единственный историческій нѣсколько пространный карѳагенскій памятникъ, какой только дошелъ до насъ.

»Карѳагеняне рѣшили, чтобы Ганнонъ совершилъ морское путешествіи по ту сторону Геркулесовыхъ Столповъ и основалъ бы тамъ колоніи изъ ливіефиникіянъ. Онъ отправился съ флотомъ изъ 60 большихъ кораблей и огромнымъ количествомъ мущинъ и женщинъ, въ числѣ тридцати тысячъ, жизненными припасами и всѣми вещами, необходимыми для колонизаціи.«

»Перейдя проливъ, мы плыли въ теченіи двухъ дней и основали первый городъ подъ названіемъ Тиміатеріумъ (теперь Мамура); у подножія его разстилалась огромная равнина. Отсюда мы направились къ западу, къ ливійскому мысу Солонсу (мысу Кантину), изобиловавшему деревьями всякаго рода. Построивъ тамъ храмъ Нептуну, мы поплыли къ востоку и, послѣ полудневнаго пребыванія въ пути, нашли болота, ограничивавшія морской берегъ и поросшія большимъ камышемъ. Тамъ встрѣчались слоны и другія травоядныя животныя въ большомъ количествѣ. Послѣ однодневнаго плаванія, болота исчезли, и, начиная отъ этого мѣста, мы построили на побережьи нѣсколько городовъ, названныхъ нами: Карійской стѣной (Агузомъ) Гиттеей (Могадоромъ), Акрой (Агадеромъ), [1]) Мелитой (Уади-Мессой) и Арамбисомъ (Арауасомъ«).

»Выѣхавъ изъ этихъ мѣстъ, мы достигли большой рѣки Ликсуса, (Уадъ-Дра), вытекающей изъ Ливіи. На ея берегахъ живетъ номадный народъ Ликситы, пасшіе тамъ свои стада, мы пробыли уиихъ нѣсколько дней, заключивъ съ ними союзъ. Выше ихъ жили дикіе негры, занимавшіе горную страну, наполненную дикими животными, гдѣ Ликсусъ беретъ свое начало. Въ горахъ жили также люди весьма странной наружности (вѣроятно, большія человѣкообразныя обезьяны, въ родѣ, напр. шимпанзе или гориллы), Троглодиты,

---

[1]) Мы имѣемъ здѣсь, какъ въ большой части случаевъ, въ этомъ морскомъ путешествіи, греческій переводъ карѳагенскаго названія, даннаго Ганноном основанному имъ городу; но для этого послѣдняго Полибій даетъ намъ оригинальное названіе: Русъ-аддиръ.

которыхъ Ликситы считали гораздо болѣе легкими на ходу, чѣмъ лошади.«

»Мы взяли путеводителя изъ ликситовъ и двигались въ теченіи двѣнадцати дней (?) вдоль того берега, гдѣ разстилается пустыня. Отсюда (мыса Бланка) мы отправились къ востоку и, послѣ одного дня пути, встрѣтили въ глубинѣ залива маленькій островъ, имѣвшій пять стадій въ окружности (островъ Аргунъ). Мы поселили тамъ колонистовъ, давъ острову названіе Цернеи.. На путешествіе отъ Геркулесовыхъ Столповъ до Цернеи, надо было столько же времени, сколько отъ Карѳагена до пролива«

»Мы прибыли потомъ къ маленькому озеру, куда вливается большая рѣка, называемая Хретесомъ (рѣка св. Іоанна) и гдѣ находятся три острова, болѣе обширные, чѣмъ Цернея. Берегъ былъ покрытъ высокими горами, наполненными дикими людьми, одѣтыми въ звѣриныя шкуры; они бросали въ насъ камни и препятствовали причалить къ берегу. Продолжая свою дорогу, мы достигли другой рѣки, большой и широкой, (Сенегала), наполненной крокодилами и гиппопотамами. Далѣе мы не ходили и возвратились въ Цернею«.

»Отправляясь изъ этого пункта по направленію къ югу, мы шли вдоль берега двѣнадцать дней. Вся страна была населена неграми, которые, увидѣвъ наше приближеніе, обращались въ бѣгство. Они говорили непонятнымъ языкомъ даже для Ликситовъ, сопутствовавшихъ намъ. Въ послѣдній день, мы пристали къ высокимъ горамъ, покрытымъ лѣсами различнаго рода благоухающихъ деревьевъ (мысъ Зеленый). Мы плыли два дня дальше и пришли въ очень большой заливъ (устье Гамбіи), имѣвшій оба берега плоскіе, на которыхъ видѣли горящіе, особенно ночью, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго и на болѣе или менѣе громадномъ возвышеніи, огни«. Путешествіе Ганнона имѣло мѣсто въ началѣ лѣта; въ это время, жители африканскаго побережья, по обыкновенію, выжигали для удобренія своихъ земель высушенныя солнцемъ травы. Эти выжиганія быстро распространяются и обнимаютъ огромныя пространства. Съ этихъ поръ, мы будемъ ихъ встрѣчать постоянно упоминаемыми въ описаніи путеше-

шествія; карѳагенскіе путешественники не знали причины выжиганій и они показались имъ страннымъ явленіемъ.

»Запасшись водой, мы шли вдоль береговъ еще въ теченіи пяти дней и вступили въ обширный заливъ, который наши проводники назвали Восточнымъ Рогомъ (заливъ, куда изливаются Ріо-Геба и Ріо-Гранде). Въ этомъ заливѣ находился большой островъ, а на немъ разливалось озеро, которое, въ свою очередь, заключало въ себѣ маленькій островокъ (островокъ Гарангъ)«.

»Мы въ этомъ мѣстѣ причалили къ берегу, гдѣ видѣли днемъ только лѣса, а ночью множество огней, и слышали звукъ флейтъ, кимваловъ, тамбуриновъ и страшный шумъ. Ужасъ овладѣлъ нами, и наши гадатели приказали намъ покинуть островъ«. Всѣ путешественники подтвердили страсть черныхъ народовъ къ пѣнію, танцамъ и шумнымъ наслажденіямъ; но они отдавались имъ только ночью, по причинѣ солнечнаго жара въ ихъ странахъ. Всѣ эти обстоятельства, непонятныя для карѳагенскихъ изслѣдователей и внушавшія имъ суевѣрный страхъ, но отмѣченныя съ удивительной точностью въ ихъ морскомъ журналѣ, являются лучшими гарантіями совершенной истинности сообщенія Ганнона, въ полномъ смыслѣ слова самаго точнаго сообщенія о морскомъ путешествіи, какое завѣщала намъ древность. Она дѣлаетъ большую честь духу и точности наблюденія карѳагенскихъ моряковъ.

„Мы подняли паруса и прошли мимо горящей страны, называемой страной Ароматовъ (берегъ Биссагосовъ); она была полна огнями, которые спускались, какъ рѣки, до моря. Эта страна оказалась недоступна, по причинѣ жары. Боязнь въ другой разъ заставила насъ внезапно покинуть эти пастбища“.

»По истеченіи четырехъ дней въ морѣ, мы замѣтили ночью берега, покрытые огнями. Мы увидѣли, въ центрѣ этой страны, огромный огонь, который, казалось, достигалъ до звѣздъ. Днемъ, мы различили тамъ весьма высокую гору, называемую ими Колесницей боговъ (гора Сагресъ, стоящая при входѣ на Сіера-Леонскій берегъ). Въ продолженіи еще трехъ сутокъ, мы шли вдоль огней и достигли, наконецъ, залива, называвшагося Южнымъ Рогомъ (заливъ Шерборо).

Въ этомъ заливѣ находился островъ, подобный тому, какой мы уже встрѣтили, съ маленькимъ озеромъ, а внутри озера другой островъ, наполненный дикими людьми. Большая часть были женщины съ косматыми тѣлами, которыхъ наши проводники называли Горгонами. Мы не могли поймать мущинъ, они убѣжали въ горы и защищались камнями. Что же касается до женщинъ, то взяли изъ нихъ трехъ, которыя кусали и царапали своихъ проводниковъ и не хотѣли слѣдовать за ними. Мы убили ихъ и содрали съ нихъ кожу, принесенную нами въ Карѳагенъ; ибо мы не могли идти далѣе, по недостатку жизненныхъ припасовъ«. Дикіе люди, найденные Ганноном и его товарищами на островѣ Шерборо, были тѣми большими и страшными человѣкообразными обезьянами, столь многочисленными еще теперь въ Габонѣ, которыхъ наши естествоиспытатели называютъ гориллами; вслѣдствіе ошибочнаго чтенія, названіе гориллы измѣнилось въ описаніи морскаго путешествія въ названіе горгоновъ или горгадовъ.

Ш.—Между тѣмъ какъ Ганнонъ изслѣдовалъ такимъ образомъ западный берегъ Африки до 8-го градуса широты, Гимильконъ также посланный карѳагенскимъ сенатомъ, переплылъ Геркулесовы Столпы и направился, въ свою очередь, въ Атлантическій океанъ, только въ противоположномъ направленіи, потому что намѣренъ былъ познакомиться съ западными берегами Испаніи и Галліи до Британскихъ острововъ. Карѳагеняне, дѣйствительно, хотѣли снова дѣятельно заняться торговлей съ этой страной, доставлявшей олово, и посѣщавшейся нѣкогда очень часто Тирянами, но куда ходило лишь небольшое число гадесскихъ кораблей; страной, о дорогѣ въ которую недоставало болѣе или менѣе точныхъ и полныхъ свѣдѣній. Это не было, собственно говоря, путешествіемъ съ цѣлью открытій, но гидрографическимъ и торговымъ изслѣдованіемъ, какъ до сихъ поръ новѣйшіе европейскіе народы предпринимаютъ ихъ на берега тѣхъ странъ, съ которыми хотятъ завязать отношенія.

Сообщеніе Гимилькона, къ несчастью, не сохранилось, и мы должны оплакать эту потерю, потому что она доставила бы намъ драгоцѣннѣйшія данныя о состояніи значительной части нашей страны въ ту эпоху, для которой свѣдѣнія относительно Галліи совер-

шенно отсутствуютъ. Только нѣкоторые короткіе отрывки изъ сообщенія были переведены и вставлены въ латинскую поэму Феста Авіена.

Путешествіе продолжалось четыре мѣсяца, потому что мореходцы не осмѣлились двинуться въ открытое море и держаться прямой дороги на Британскіе острова. Они шли постоянно вдоль берега и такъ близко, что ходъ кораблей замедлялся часто мелями и камышемъ. Путешественники не рѣдко встрѣчали на этомъ пути китовъ, водившихся тогда въ большомъ количествѣ въ Гасконскомъ заливѣ, откуда они были прогнаны только въ началѣ среднихъ вѣковъ баскскими рыболовами.

Отъ Гадеса до Священнаго Мыса (мысъ св. Винцента) находилось большое число финикійскихъ поселеній, основанныхъ во времена благосостоянія Тира. На западномъ и сѣверномъ берегахъ Испаніи они не встрѣчались болѣе. Но жители сочувственно относились къ Карѳагенянамъ, корабли которыхъ находили многочисленные порты для остановокъ. Поселеній не существовало даже на негостепріимномъ берегу Гасконскаго залива; мореходство тамъ было весьма опасно, и переходъ до страны Намнетовъ (Нантовъ) приходилось дѣлать только въ одинъ пріемъ. Тамъ корабли, отправлявшіеся изъ Гадеса или Карѳагена, находили при устьѣ Лоары вѣрную пристань, гдѣ они могли останавливаться, какъ въ убѣжищѣ, запасаться съѣстными припасами и дѣлать всѣ необходимыя приготовленія для дальнѣйшаго плаванія. Еще болѣе, продукты всей центральной Галліи, приносимыя по р. Лоарѣ и ея притокамъ, достигали въ большомъ количествѣ рѣчнымъ путемъ до Намнетовъ. Ихъ городъ былъ поэтому весьма значительнымъ торговымъ центромъ и получилъ даже исключительное значеніе отъ частыхъ посѣщеній хананейскихъ и гадесскихъ торговцовъ, съ того времени, когда верховная власть надъ морями принадлежала еще самимъ Тирянамъ.

Отъ Намнетовъ они отправились, пройдя мимо берега Арморики, къ Венетамъ (Ваннамъ), гдѣ остановились отдыхать въ послѣдній разъ, прежде чѣмъ покинуть берегъ и пуститься, наконецъ, въ открытое море. Тамъ производился еще значительный торгъ, и сначала по

примѣру Тирянъ, а потомъ Карѳагенянъ, туземцы научились скоро искусству мореплаванія. Венеты, въ свою очередь, владѣли большими богатствами, и Цезарь позже нашелъ у нихъ такой значительный и такъ хорошо устроенный флотъ, какого ни одинъ другой галльскій народъ не могъ имѣть. Отъ Морбиганской бухты, корабли достигли острова Сена, столь знаменитаго въ друидскихъ преданіяхъ, и отсюда прямо направились на острова Эстримнскіе, или Касситоридскіе, Силли въ настоящее время, сосѣдніе съ Корнваллійскимъ берегомъ, изобиловавшіе металлическими рудами всякаго рода и, особенно, оловомъ. Жители этихъ острововъ, многочисленные, сильные и промышленные, занимались исключительно торговлей и пускались въ море въ кожанныхъ лодкахъ. Чрезъ два дня путешественники достигли этихъ мѣстностей Святаго острова, населеннаго Гиберніанами (Ирландія), и въ еще меньшій промежутокъ времени достигли береговъ острова Албіона (Англіи). Удобства этого положенія, почти равныя по значенію для Ирландіи и Англіи, и желаніе избѣжать всегда очень труднаго плаванія по Британскому каналу, заставили ихъ избрать, по примѣру Тирянъ, острова Силли послѣдней границей своего путешествія въ этомъ направленіи; такъ было еще во время Гимилькона. Лодки туземцевъ приносили имъ металлы сосѣднихъ странъ, и хананейскіе купцы давали взамѣнъ различнаго рода товары, главнымъ же образомъ ковры, бронзовое оружіе, сосуды и соль.

IV.—Путешествіе Гимилькона послужило сигналомъ къ возобновленію торговли съ Британскими островами, развившейся въ гораздо большей степени, чѣмъ въ предшествовавшее время, и дорога къ Британскимъ островамъ, съ того времени хорошо извѣстная, была изрѣзываема многочисленными кораблями. Эта торговля тогда только замедлилась, когда для Карѳагена начались пораженія, вслѣдствіе его столкновеній съ сицилійскими греками. Вскорѣ Карѳагеняне не удовольствовались, подобно своимъ предшественникамъ Тирянамъ и жителямъ Гадеса, тѣмъ, что останавливались на Касситоридскихъ островахъ, но намѣревались прямо искать металловъ на Корнваллійскомъ берегу, и Страбонъ разсказываетъ, что столкновенія съ чужеземными купцами сдѣлались такъ часты и обычны, что повліяли на нравы жителей

страны. Они стали также часто посѣщать порты Ирландіи, потому что всѣ преданія этого острова говорятъ о значительныхъ, основанныхъ тамъ, финикійскихъ поселеніяхъ, а торговыя отношенія привели къ употребленію ханапейскаго алфавита изъ двадцати двухъ буквъ между Гибернянами.

Морское путешествіе Ганнона имѣло не меньшіе результаты. Тотчасъ послѣ его возвращенія, новыя массы Ливіе-финикіянъ были перевезены въ плодоносную страну, гдѣ уже существовали ихъ поселенія, и все пространство отъ пролива до мыса Нуна было колонизовано ими. Они выстроили почти 300 городовъ на побережьи и даже внутри материка. Но эти города просуществовали не очень долго. Не получая болѣе помощи отъ метрополіи во время ея Сицилійскихъ войнъ, они всѣ почти были захвачены и разрушены туземцами. Самыми важными, изъ нихъ, вмѣстѣ съ городами, основанными Ганноном, считались: Тингисъ (Тангеръ), Зилисъ (Азила), Ликсусъ (Эль-Аришъ) Мулелаха (Мулла Бу-Салламъ), Сала (Рабатъ), Гермеумъ (Федала), Пена (Даръ-Эль-Бейда), Рузибисъ (Мазаганъ) и Ганнаріумъ (Аглау), т. е. мѣстности, которыя принадлежатъ теперь Мароку.

Поселеніе Цернеи, или острова Аргунна, дѣлается весьма значительнымъ. Каждый годъ купеческій флотъ отправлялся туда, и большая ярмарка устраивалась на берегу континента, противъ острова. Туземцы страны, описываемые Скилаксомъ какъ пастухи, съ чернымъ цвѣтомъ лица, длинными волосами и высокаго роста, какъ наѣздники и искусные стрѣлки въ такихъ чертахъ, въ которыхъ нельзя не узнать Туареговъ, приходили туда большой толпой. Торговля велась посредствомъ мѣны. Карѳагеняне приносили женскія украшенія, коптскую сбрую, вычеканенныя металлическія чаши, сосуды, вино и египетскій ленъ; туземцы давали въ обмѣнъ слоновую кость, шкуры, волну и кожи дикихъ животныхъ. Отношенія съ карѳагенскими купцами окончились для туземцевъ тѣмъ, что они, начиная съ этого мѣста, цивилизовались, покинули номадную жизнь и построили городъ въ сосѣдствѣ съ Цернеей. Факторія, основанная Ганноном, присоединила къ предметамъ этой торговли чрезвычайно выгодныя рыбныя ловли. Рыба была просаливаема и отправляема въ Карѳагенъ,

гдѣ она до того цѣнилась, что ее не доставало для вывоза въ другія мѣста

Карѳагенскіе корабли и купцы начали правильно посѣщать даже болѣе отдаленныя страны, чѣмъ островъ Аргуинъ, по крайней мѣрѣ Сенегалъ, гдѣ начинаются золотоносные округи, а не то и Сьерра-Леону или Дагомею. Дѣйствительно, къ этимъ экваторіальнымъ странамъ Африки относятся любопытныя мѣста изъ Геродота. »Карѳагеняне утверждаютъ, что за Геркулесовыми Столпами, на берегахъ Ливіи, существуютъ населенныя мѣстности. Они прибавляютъ, что отправляются туда на торговыхъ корабляхъ и лишь только прибудутъ, то раскладываютъ на берегу свои товары; они садятся потомъ опять на корабли и производятъ дымъ. Природные жители страны, увѣдомленные этимъ сигналомъ, прибѣгаютъ къ морскому берегу, кладутъ рядомъ съ товарами то количество золота, которое хотятъ предложить взамѣнъ, и за тѣмъ удаляются во внутренность страны. Карѳагеняне опять выходятъ на берегъ и, если золото, предложенное за товары, кажется имъ достаточной цѣной, берутъ его и уносятъ съ собой. Если же цѣна не кажется имъ сходной, то опять садятся на корабли и спокойно ожидаютъ новыхъ приношеній. Туземцы въ другой разъ являются и прибавляютъ еще нѣкоторое количество золота до тѣхъ поръ, пока это не удовлетворитъ обѣ стороны«. Этотъ единственный способъ торговли до сихъ поръ еще употребляется между нѣкоторыми негрскими народами.

V.—Часто посѣщая такимъ образомъ западные берега Африки, Карѳагеняне не могли упустить изъ виду открытія на своей дорогѣ Канарскихъ острововъ. Названіе Юноніи, носимое Ланцероттой въ Птоломеѣ, достаточно для доказательства, что они имѣли тамъ поселеніе, потому что только Юнону Грека и Римляне ассимилировали съ Танитой, великой богиней Карѳагена. Но имъ нравилось распространять самые невѣроятные и самые страшные слухи объ этихъ островахъ, какъ и о всѣхъ странахъ, съ которыми они одни только вели торговлю, съ цѣлью удалить оттуда конкурренцію. Эти слухи извѣстны изъ фантастическаго описанія, сдѣланнаго Фестомъ Авіеномъ

по карѳагенскимъ источникамъ, описанія острова Тенерифа, его волканна и землетрясеній. »За Геркулесовыми Столпами«, говоритъ онъ, »находится плавающій островъ среди океана, богатый травами и посвященный Сатурну (Ваалъ-Гамону Карѳагена); природа обнаруживается на немъ самымъ поражающимъ образомъ, потому что, когда корабли къ нему приближаются, окружающія его безпредѣльныя пространства моря поднимаются съ ужасной силой, сдвигаютъ съ мѣста самый островъ и заставляютъ его страшно трястись, между тѣмъ какъ океанъ сохраняетъ спокойствіе озера«. Даже изъ одного мѣста у Сцилакса [1]), можно вывести заключеніе, что Карѳагеняне пытались двинуться далѣе къ востоку и достигли до моря Саргассовъ; но огромная масса травы, покрывавшая поверхность волнъ, заставила ихъ думать, что они тамъ погибнутъ, если направятся въ ту сторону и потому мореходцы прекратили путь, оставивъ Христофору Колумбу честь открытія Новаго Міра.

Діодоръ [2]) сообщаетъ весьма точныя подробности о большомъ островѣ, удивительно плодородномъ, орошаемомъ значительными водными теченіями, который открыли карѳагенскіе мореходцы равно въ туже эпоху, еще до начала Сицилійскихъ войнъ, въ Западномъ океанѣ. Онъ даетъ, слѣдуя туземнымъ историкамъ, длинное и поэтическое описаніе острова; нѣкоторые характеристическіе черты заставляютъ съ точностью узнать въ немъ Мадеру. Молва объ открытіи этого счастливаго острова достигла до другихъ народовъ и Этруски пытались овладѣть имъ. Но Карѳагеняне не допустили этого и наблюдали за всѣми причаливавшими къ берегу съ обыкновенной ревностью. Говорятъ, что они смотрѣли на островъ, какъ на убѣжище, куда могли бы переселиться, если бы ихъ городъ когда-либо палъ въ какой-нибудь войнѣ, подобно тому, какъ Тиряне переселились въ Карѳагенъ. Такъ какъ островъ былъ не обитаемъ, они послали туда колонистовъ, которые тамъ пользовались довольствомъ [3]). Послѣ

---

[1]) *Путешествія*, 112.

[2]) Діодоръ Сицилійскій V, 20 и 21.

[3]) *Aristot.* De mirab. auscult. 85.

разрушенія Карѳагена, Гадесъ продолжалъ вести торговлю съ этимъ островомъ до временъ Серторія. Разсказываютъ даже, будто этотъ великій человѣкъ, въ періодъ своихъ несчастій, увидѣвъ корабль, проходившій мимо, думалъ искать на немъ убѣжища, когда былъ пораженъ кинжаломъ Перпенны.

§ 9.—Аздрубалъ, сынъ Магона.—Первый договоръ Карѳагена съ Римомъ.—Приготовленія къ войнѣ съ Сициліей.

(535—500).

I.—Магонъ умеръ спустя немного времени послѣ подчиненія Сардиніи, оставивъ двухъ сыновей, Аздрубала и Гамилькара, которые явились продолжателями его славы. Старшій, Аздрубалъ, наслѣдовалъ отцу въ главномъ начальствованіи надъ войсками. Одиннадцать лѣтъ онъ стоялъ во главѣ военныхъ силъ республики, довершилъ организацію войска, овладѣлъ Липарскимъ островомъ, господствовавшимъ надъ Мессинскимъ проливомъ и южнымъ побережьемъ Италіи, наконецъ, былъ убитъ около 520 года въ Сардиніи, гдѣ докончилъ завоеваніе частей острова, остававшихся еще независимыми. Въ званіе полководца былъ облеченъ братъ его Гамилькаръ.

Въ теченіи хода успѣховъ Аздрубала, Карѳагену одно время угрожала большая внѣшняя опасность. Камбизъ, побѣдитель Египта, хотѣлъ испробовать походъ для подчиненія своему могуществу цвѣтущей республики, богатства которой возбуждали его ненасытимую жадность. Мы разскажемъ въ слѣдующей книгѣ, какъ отказъ одной части его флота, доставленной финикійскими городами, идти противъ сына Тира, заставилъ его покинуть исполненіе своего намѣренія.

II.—Карѳагеняне поддерживали дѣятельную торговлю съ Италіей и занимались на ея берегахъ, по обычаю морскихъ народовъ древности, выгоднымъ морскимъ грабежами. Все должно было привлекать ихъ къ этому: положеніе, плодородность почвы и богатства жителей. Но имъ не удалось завести тамъ поселенія. Отъ сѣвера до юга Италійскаго полуострова, берега были заняты торговыми,

развившими мореходство, народами: Этрусками, Римлянами, или Латинянами, и Греками, соблюдавшими слишкомъ хорошо свои интересы, чтобы позволить Карѳагенянамъ стать тамъ твердой ногой. Въ то время какъ они жадно стерегли случай, чтобы проскользнуть въ прибрежныя мѣстности и, въ ожиданіи этого, опустошали ихъ своими частыми грабежами, Этруски и Римляне старались заключать съ ними договоры, которыми требовалось прекращеніе морскихъ грабежей и попытокъ устраивать поселенія на территоріи другъ у друга.

Трактаты, заключавшіеся въ большомъ числѣ съ Этрусками и упоминаемые Аристотелемъ, не сохранились. Но Полибій[1]) сообщаетъ намъ текстъ перваго трактата, состоявшагося между Карѳагенянами и Римлянами въ 509-мъ году до Р. Х., спустя одинъ годъ послѣ изгнанія Тарквинія, во время консульства Юнія Брута и Марка Горація. Полибій перевелъ его на греческій съ латинскаго оригинала самымъ точнымъ образомъ, насколько это было для него возможно, »потому что«, говоритъ онъ, »латинскій языкъ того времени настолько отличенъ отъ теперешняго, что самые лучшіе знатоки его съ большимъ трудомъ могутъ понимать этотъ старый языкъ«.

»Между Римлянами и ихъ союзниками, съ одной стороны, и Карѳагенянами и ихъ союзниками, съ другой, будетъ существовать договоръ на слѣдующихъ условіяхъ:

»Ни Римляне, ни ихъ союзники не должны плавать по ту сторону Прекраснаго мыса (мыса Бона), если они не будутъ загнаны туда бурей или устрашены врагами. Въ случаѣ, если они будутъ туда загнаны, то, не смотря на это, имъ не позволяется тамъ покупать что-либо или что-либо взять, кромѣ самаго необходимаго для починки корабля ихъ или для принесенія жертвъ богамъ, и они должны отправиться оттуда по истеченіи пяти дней. Тѣ, которые пріѣдутъ для веденія торговли, могутъ не иначе заключить какую-нибудь сдѣлку, какъ только въ присутствіи актуаріуса (совершителя актовъ). Это обязательно будетъ также для всякаго, приходящаго въ Африку или Сардинію. Если кто-либо изъ Римлянъ переселится въ

[1]) Полибій III, 22.

ту часть Сициліи, которая подчинена Карѳагенянамъ, то будетъ тамъ пользоваться тѣми же правами, какъ и Карѳагеняне.«

»Карѳагеняне, съ своей стороны, не должны никакимъ образомъ безпокоить Антіатовъ, Ардеатовъ, Лаврентинянъ, Цирцеянъ, Террацинянъ и какого бы то нибыло изъ латинскихъ народовъ, повинующихся Римлянамъ. Если бы даже нашлись такіе народы, которые не были еще подчинены римскому владычеству, то Карѳагеняне не должны нападать на ихъ города. Если они возьмутъ какой-нибудь изъ нихъ, то должны возвратить его неприкосновеннымъ Римлянамъ. Они не должны строить никакихъ укрѣпленій въ странѣ Латинянъ. Если они войдутъ въ страну съ оружіемъ въ рукахъ, то не могутъ оставаться въ ней на ночь.«

Этотъ трактатъ, точность и простота котораго замѣчательны, показываетъ, что въ правленіе перваго консула Брута встрѣчались уже такіе Римляне, которые занимались торговлей, были знакомы съ мореходствомъ, имѣли купеческіе корабли и совершали уже довольно далекія путешествія, что видно изъ посѣщеній ими Карѳагена. Носъ корабля, вытѣсненный на первыхъ римскихъ монетахъ, не былъ, поэтому, пустымъ символомъ, и Момзенъ былъ правъ, говоря, что морская торговля распространена была гораздо болѣе, чѣмъ это до сихъ поръ предполагалось о первыхъ временахъ развитія Рима въ правленіе царей. Въ тоже время, нерѣшительныя предосторожности, принятыя ими, чтобы запереть доступъ къ Лаціуму Карѳагенянамъ, доказываютъ, какъ велика была боязнь видѣть ихъ тамъ поселившимися.

III.—Послѣдніе годы VI-го вѣка прошли для Карѳагена мирно. Тогда-то республика, видя, какимъ образомъ Аріандесъ, сатрапъ египетскій, обошелся съ Барсеей, и боясь нападеній со стороны послѣдняго, поспѣшила послать дань Дарію, сыну Гистаспу, и признать верховную власть персидска[illegible]торая, въ виду разстоянія, оставалась чисто номинальной и не требовала отъ нихъ ничего.

Но эти мирные годы были употреблены на огромныя военныя приготовленія подъ руководствомъ Гамилькара. Карѳагеняне думали совершить завоеваніе Сициліи и прогнать оттуда Грековъ совершенно.

Когда, при началѣ персидскихъ войнъ, Ахемениды предложили Карѳагенянамъ соединить также свои военныя дѣйствія въ Греціи съ тѣми дѣйствіями, которыя они сами намѣревались предпринять въ этой странѣ, и напасть такимъ образомъ на эллинскую расу съ двухъ сторонъ, чтобы разомъ ее уничтожить при коалиціи всѣхъ силъ восточнаго міра, то они отозвались съ готовностью на эти предложенія и великія сицилійскія войны начались въ одно и тоже время, когда и персидскія.

Но планъ, опредѣляющій границы предлагаемаго »Руководства«, принуждаетъ насъ здѣсь остановиться на томъ моментѣ, съ котораго въ карѳагенской исторіи открывается наиболѣе извѣстный періодъ. Мы должны удовольствоваться краткимъ разсказомъ объ эпохѣ, наиболѣе всего игнорируемой карѳагенскими лѣтописями, и указаніемъ на то, какъ образовалось постепенно могущество, считаемое обыкновенно внезапно появившимся въ исторіи, уже совершенно установившимся и владѣвшимъ огромными средствами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Карѳагенскія учрежденія и нравы.

§ I.—Управленіе.

I.—Карѳагенское управленіе извѣстно намъ лишь на основаніи греческихъ и римскихъ писателей Свѣдѣнія, которыя они доставляютъ намъ крайне не полны и, особенно, не сохранили ни одного изъ оригинальныхъ названій различныхъ учрежденій этого великаго города, за исключеніемъ названія суффетовъ, градоначальниковъ; поэтому, волей или не волей, приходится все означать греческими именами. Но, не смотря на эту чужеземную наружность, можно составить себѣ понятіе о главныхъ частяхъ правительственнаго механизма и о духѣ, проникавшемъ его организацію.

Карѳагенъ, основанный эмигрировавшей аристократической партіей Тира, оставался всегда вѣрнымъ въ своемъ управленіи принципамъ первыхъ основателей. Онъ былъ, подобно Риму въ ту эпоху, когда они вступили другъ съ другомъ въ борьбу, большой аристократической республикой. Не смотря на то, карѳагенская аристократія не давала наслѣдственнаго дворянскаго званія, основаннаго на старыхъ воспоминаніяхъ о славѣ и завоеваніяхъ; она вела, вообще, свое происхожденіе и свой блескъ изъ всей совокупности счастливыхъ обстоятельствъ. »Въ Карѳагенѣ думаютъ«, говоритъ Аристотель [1]), »что тотъ, кто хочетъ исполнять общественную обязанность,

[1]) Политика II, 11.

долженъ имѣть не только великія нравственныя достоинства, но и громадное богатство. Сверхъ того, судейскія должности не были вовсе вознаграждаемы жалованьемъ, и, требуя естественно большихъ издержекъ, онѣ могли быть соискиваемы почти всегда одними только богачами. И какъ въ государствѣ существенно торговомъ, счастіе оказывалось весьма неустойчивымъ, то карѳагенская аристократія должна была постоянно возобновляться. Но власть и вліяніе политическое оставались всегда на сторонѣ богатства, считавшагося величайшимъ талантомъ и величайшей гражданской добродѣтелью, и упрочивали за извѣстными семействами довѣріе и народную любовь. Такимъ образомъ семейства Магона, Великаго Ганнона и Барка пользовались правомъ доставлять республикѣ, въ теченіи долгаго времени, правителей, судей и полководцевъ,

Не смотря однако на большую власть и вліяніе этихъ семействъ, карѳагенское верховное правленіе никогда не было совершенно аристократическимъ; элементы монархическій и народный всегда выражались: первый — двумя суффетами, другой — народнымъ собраніемъ.

II.—Суффеты (Шофетимы), сравниваемые весьма основательно со спартанскими царями и римскими консулами, различались отъ однихъ и другихъ въ томъ, что это званіе не было наслѣдственнымъ въ двухъ семействахъ, какъ напр. въ Спартѣ, и [illegible]нымъ, какъ въ Римѣ. Они вообще избирались изъ двухъ знаменитыхъ семействъ республики, между самыми вліятельными членами сената; но необходимо было, чтобы избраніе ихъ подтверждалъ весь народъ. Суффеты пользовались широкимъ вліяніемъ и имѣли огромную власть. Хотя иногда мы видимъ ихъ принимающими начальство надъ сухопутными и морскими войсками, но это начальствованіе не входило вовсе въ кругъ ихъ обязанностей, и все заставляетъ думать, что, напротивъ, на суффетовъ гораздо охотнѣе общество полагалось въ томъ, что касалось государственнаго управленія. Они предсѣдательствовали въ сенатѣ и руководили въ немъ преніями. Впрочемъ, точный кругъ ихъ вѣдомства мы знаемъ довольно худо. Продолжительность времени ихъ правленія

извѣстна не лучше; кажется, однако, что власть суффетовъ была пожизненна.

Послѣ суффетовъ, полководцы занимали первое мѣсто въ республикѣ. Обыкновенно сенатъ, а когда организовался совѣтъ ста, отдѣленіе сената, то этотъ послѣдній избиралъ полководцевъ, но народный голосъ утверждалъ потомъ его избраніе. Иногда войско пользовалось правомъ провозгласить полководца;но это неправильное избраніе было подчинено санкціи сената и народа.

Карѳагеняне назначали къ этимъ полководцамъ нѣсколькихъ членовъ сената, которые, облеченные полными правами, съобща разсуждали о государственныхъ дѣлахъ, заключали союзы и пр.ч., но оставляли полководца самостоятельнымъ главой лишь въ военныхъ операціяхъ. Величайшая отвѣтственность лежала на полководцѣ, и нерѣдко можно было видѣть его, послѣ похода, искупающимъ смертью сдѣланныя имъ ошибки и испытанныя неудачи. »Въ назначеніи полководцевъ, какъ и въ назначеніи суффетовъ«, говоритъ Аристотель »Карѳагеняне руководились двумя вещами: кредитомъ и богатствомъ«.

III.—Но дѣйствительная власть принадлежала сенату, т. е. постоянному собранію, состоявшему изъ людей, достигшихъ въ нѣкоторой степени благосостоянія. Сенату вполнѣ принадлежало только высшее управленіе общественными дѣлами. Организованный по типу древняго тирскаго сената, [1]) онъ также состоялъ изъ 300 членовъ, представлявшихъ три колѣна (трибы), на которыя дѣлились граждане. Этотъ сенатъ пользовался такой же властью какъ и римскій. Всѣ сношенія съ иностранцами были довѣрены ему. Суффеты, предсѣдательствовавшіе въ немъ, дѣлали ему сообщенія; онъ принималъ пословъ, разсуждалъ обо всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, и его власть была такъ велика, что онъ рѣшалъ даже вопросъ о войнѣ или мирѣ, хотя, ради формы, утвержденіе его рѣшенія зависѣло всякій разъ отъ народа.

Итакъ, карѳагенскій сенатъ пользовался всѣми правами верховныхъ собраній, властью законодательной и высшимъ руководствомъ

[1]) См. *Movers*, Phoenizische Alterthum, t. I ст. 481—508.

управленія; но еще болѣе, чрезъ свои комитеты, онъ принималъ, по праву и на дѣлѣ, самое живое участіе въ исполнительной власти. Первый комитетъ, постоянный, изъ тридцати членовъ, по десяти сенаторовъ отъ каждаго колѣна, руководилъ ежедневно порядкомъ дѣлопроизводства въ сенатѣ, предлагалъ вопросы для обсужденія и подвергалъ предварительному разсмотрѣнію представленные проекты, прежде чѣмъ они достигали общаго собранія. Этотъ комитетъ былъ обыкновенно уполномочиваемъ вести важнѣйшія между-народныя дѣла. Выше стоялъ совѣтъ десяти, избираемый сенатомъ изъ своихъ членовъ и контролировавшій дѣйствія суффетовъ; онъ строго слѣдилъ за всѣми частями администраціи и составлялъ истинную постоянно направляющую власть, рядомъ съ которой авторитетъ суффетовъ номинально очень широкій, былъ въ дѣйствительности весьма ничтоженъ. Очевидно, что членовъ этого то совѣта Малхусъ предалъ смерти послѣ занятія Карѳагена.

Такова была первая организація, Карѳагена принесенная изъ Тира его основателями. Позже, существованіе комитета тридцати и совѣта десяти оказывается еще недостаточной охраной привилегій аристократовъ. »Семейство Магона«, говоритъ Іустинъ [1]), „стало угрожать свободѣ своимъ слишкомъ большимъ могуществомъ; тогда изъ сенаторовъ были избраны сто судей, имѣвшихъ право требовать отчета въ поведеніи отъ полководцевъ по ихъ возвращеніи, вслѣдствіе чего эти послѣдніе вели себя такимъ образомъ, чтобы не подвергнуться непріятностямъ со стороны законовъ и отечественныхъ трибуналовъ«. Совѣтъ ста, дѣлающійся съ этихъ поръ постояннымъ и считающійся однимъ изъ главныхъ колесъ правительственнаго механизма, носитъ у греческихъ писателей названіе *герузіи*, въ противоположность общему собранію сената. Это былъ верховный трибуналъ, облеченный полицейской властью въ государствѣ, правомъ суда надъ должностными лицами и надъ полководцами-измѣнниками. Сами суффеты были подчинены ихъ юрисдикціи. »Такой трибуналъ«, пишетъ Геерен, »совершенно сообразенъ съ духомъ аристократеческой республики, гдѣ полиція со-

[1]) I. XIX, 2.

ставляетъ главную поддержку управленія; но только онъ ужь слишкомъ легко вырождается въ шпіонство и въ тиранію, какъ это мы видѣли въ Венеціи. Тоже, въ свою очередь, произошло и въ Карѳагенѣ. Совѣтъ ста окончилъ тѣмъ, что удержалъ за собой вѣдѣніе наиважнѣйшими дѣлами и присвоилъ себѣ право рѣшенія въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ. Въ послѣдніе годы республики, онъ сдѣлался орудіемъ невыносимаго гнета, который Ганнибалъ вынужденъ былъ ограничить насильно.

Гееренъ указываетъ на примѣръ Венеціи, какъ сходный съ тѣмъ, что случилось въ Карѳагенѣ. Дѣйствительно, параллель вышла бы одной изъ самыхъ интересныхъ, еслибы провести ее между этими двумя великими республиками, торговыми и воинственными, одной въ древности, а другой въ средніе вѣка. Онѣ имѣли одну и туже роль; морское и колоніальное могущество ихъ совершенно сходно, одинъ и тотъ же духъ проникалъ ихъ учрежденія. Одинаковыя условія жизни и одинаковые аристократическіе принципы создали поэтому въ обоихъ случаяхъ правительственныя учрежденія, организованныя совершенно сходнымъ образомъ. Венеція представляетъ намъ въ своемъ дожѣ, пожизненномъ сановникѣ, контролируемомъ и умаленномъ въ его значеніи мелочными предосторожностями аристократической зависти, въ своемъ сенатѣ, въ своемъ совѣтѣ десяти, облеченномъ верховной и диктаторской властью, выше самаго дожа, дрожавшаго передъ нимъ, наконецъ, въ своей государственной инквизиціи представ-вѣрное и полное воспроизведеніе Карѳагена до того, что его можно было бы считать тщательно скопированнымъ, если бы не было извѣстно, что трудившіеся надъ организаціей царицы Адріатики, вовсе не были знакомы съ учрежденіями соперника Рима.

IV.—Однако, существовали также въ Карѳагенѣ и народныя собранія, состоявшія не изъ всего народа, но только изъ *тимуковъ*, т. е. гражданъ, владѣвшихъ нѣкоторой степенью богатства. Въ извѣстныхъ случаяхъ посредничество этого собранія было необходимо. Когда высшія власти, сенатъ и комитеты, съ одной стороны, а суффеты, съ другой, въ чемъ-нибудь не соглашались, то народъ и рѣшалъ между ними споръ. Народное собраніе могло, поэтому

только или принимать, или отвергать дѣлаемыя ему предложенія, но не пользовалось вовсе какимъ-бы то ни было и въ чемъ бы то ни было правомъ инціативы.

Народное собраніе, дѣйствительно, образовало въ послѣднее время народную партію, многочисленную, могущественную, которая имѣла своихъ представителей въ сенатѣ, пользовалась большимъ вліяніемъ на дѣла, поддерживала Барковъ противъ ихъ соперниковъ и на долго отдавала въ ихъ руки власть. Но эта партія не могла поднять революціи, хотя, кажется, очень желала ея. Далекая также отъ того, чтобы поддержать благосостояніе Карѳагена, упрочивая его правильнымъ народнымъ вмѣшательствомъ въ управленіе, она присоединила лишь новую причину безпорядковъ къ тѣмъ, которыя уже существовали; она ускорила только и безъ того близкое паденіе республики.

V.—Говоря объ управленіи Карѳагена, невозможно пройти молчаніемъ политическія сходки, обыкновенно слѣдовавшія за пиршествами и отмѣчавшіяся у греческихъ писателей всегда названіемъ *συσσιτίη* [1]) »Карѳагеняне«, говоритъ одинъ древній историкъ, Ѳеодоръ Метохитъ, »разсуждали о своихъ дѣлахъ ночью и съ этой цѣлью соединялись въ общество съ вечера«. Кто не узналъ бы въ этомъ учрежденіи политическихъ ассоціацій, почти совершенно сходныхъ съ новѣйшими клубами? Весьма вѣроятно, что на этихъ-то сходкахъ подготовлялись заранѣе проекты законовъ и декреты, которые должны были быть потомъ предложены на разсужденіе въ собраніи. Если что извѣстно о нихъ, такъ это, по Полибію, то, что вельможи принимали довольно часто извѣстныя рѣшенія тайно и внѣ законныхъ собраній. Мы неоднократно видимъ въ исторіи, что карѳагенскіе клубы пользовались значительнымъ вліяніемъ на политическія дѣла.

VI. То, что составляло силу римской организаціи, то, что упрочило его долгую продолжительность, была политика, усвоенная себѣ сенатомъ по отношенію къ побѣжденнымъ народамъ, и способъ, какимъ регулировалъ онъ ихъ отношенія къ метрополіи. Распредѣляя

[1]) Аристотель, *Политика* II, 11.

народы въ обширную іерархію, при чемъ каждый изъ нихъ пользовался нѣкоторыми правами и преимуществами, приближавшими его болѣе или менѣе къ положенію царя-народа, сенату удалось создать это могущественное единство, на которомъ покоились величіе и прочность государства. Карѳагенъ могъ бы присоединить такимъ образомъ одни къ другимъ и всѣ къ метрополіи подчиненныя ему племена, но, напротивъ, онъ, кажется, видѣлъ въ своихъ покоренныхъ народахъ лишь болѣе или менѣе изобильные источники для эксплоатаціи не могущество, но доходовъ.

Карѳагенъ, далекій отъ того, чтобы сравнивать побѣжденныхъ народовъ съ собой въ правахъ и привилегіяхъ, обращался съ ними крайне строго. Онъ заставлялъ ихъ платить тяжелые налоги, которые собиралъ, совершая насилія; администраторы, отправляемые для управленія подчиненными городами и провинціями и, по обыкновенію, соединявшіе въ своихъ рукахъ власть гражданскую и военную, должны были, прежде всего, посылать большія суммы въ государственную казну. Жители селеній не находили никогда снисходительности въ своихъ повелителяхъ; въ извѣстныхъ случаяхъ, послѣдніе отнимали у земледѣльцевъ до половины ихъ доходовъ. Одинъ новѣйшій историкъ справедливо замѣчаетъ, что, для пониманія всей этой притѣснительности меркантильной тиранніи, надо разсмотрѣть управленіе Венеціи, прочитать статуты государственныхъ инквизиторовъ и узнать деспотическій и странный способъ, практиковавшійся въ Перу испанской монополіей, когда послѣдняя привезла туда предметы роскоши, негодные для Европы и какъ позволяла бѣдныхъ индійцевъ покупать все то, отъ чего отказывался Мадридъ. Послѣ этого, нѣтъ ничего удивительнаго, если, какъ только врагъ ставилъ ногу на африканскія материкъ, города и селенія немедленно возставали и переходили на его сторону. Успѣхи Агавокла въ Африкѣ и успѣхи Ганнибала въ началѣ первой пунической войны объясняются легко этимъ состояніемъ постоянной враждебности, на которую были, такъ сказать, осуждены подчиненныя республикѣ народы.

Карѳагенское управленіе было также совершенно жестоко, также тиранично по отношенію къ колоніямъ. Оно принуждало ихъ то по-

купать, то продавать; оно осуждало ихъ запирать свои порты для чужеземныхъ купцовъ, искать только въ карѳагенскихъ портахъ произведеній отдаленныхъ странъ и, благодаря этой-то ненавистной монополіи, Карѳагенъ пріобрѣлъ себѣ огромныя богатства, послужившія сначала для увеличенія его могущества, а потомъ главной причиной его разрушенія. »Римъ«, пишетъ Геереиъ, „основалъ свое величіе на скалѣ, между тѣмъ какъ величіе его соперника воздвиглось на золотомъ пескѣ«.

VII.—Число карѳагенскихъ гражданъ, служившихъ въ войскахъ, никогда не было значительно. Африканскіе, платившіе дань Карѳагену, народы, именуемые Полибіемъ всегда ливіянами, образовывали лучшіе отборные отряды. Они сражались верхомъ и пѣшими и служили зерномъ сильной конницы и пѣхоты. Они носили длинныя копья, измѣненныя Ганнибаломъ послѣ битвы съ римскими войсками при Тразименѣ.

Но большая часть всего карѳагенскаго войска составлялась изъ чужеземныхъ наемниковъ, особенно испанцевъ и галловъ. Иберійскіе воины были наилучше дисциплинированы изъ всѣхъ Они исполняли обыкновенно службу въ линейной пѣхотѣ. Они носили бѣлыя льняныя платья съ красными украшеніями; большой мечъ, который могъ разомъ колоть и рубить, считался главнымъ ихъ оружіемъ. Изъ галловъ обыкновенно составлялись охотники на приступъ. Передъ сраженіемъ они раздѣвались до пага, оставляя на себѣ одни юбки; они употребляли большіе щиты и желѣзные мечи съ закругленнымъ остріемъ. Лигурійцы, въ свою очередь, доставляли солдатъ, а съ весьма раннихъ поръ Карѳагенъ имѣлъ въ своей службѣ и греческихъ наемниковъ. Своихъ пращниковъ онъ вербовалъ на Балеарскихъ островахъ, и они превосходили всѣ другіе легкіе отряды древности

Главная сила карѳагенскихъ войскъ состояла въ легкой конницѣ, набираемой республикой между номадными племенами, жившими въ Африкѣ на обоихъ границахъ его территоріи. Всѣ эти племена, начиная пограничными Массиліянами до Моврузіянъ, населявшихъ нынѣшній Марокко, имѣли обыкновеніе сражаться въ рядахъ карѳагенскаго войска и жить на счетъ этого города. Наборъ наемныхъ отря-

довъ, провозидился въ Африкѣ такъ же, какъ и въ Европѣ, избраннымъ въ депутаты сенаторомъ, проникавшимъ въ самыя отдаленныя страны. Нумидійскіе всадники ѣздили на маленькихъ лошадкахъ не осѣдланныхъ, но пріученныхъ къ быстрымъ переходамъ. Львиная или пантеровая кожа служила имъ въ одно и тоже время и одеждой и ночнымъ одѣяломъ; а когда они сражались пѣшими, то кусокъ слоновой кожи замѣнялъ для нихъ щитъ. Ихъ аттака была ужасна, вслѣдствіе легкости ихъ лошадей; бѣгство не имѣло для нихъ ничего постыднаго, потому что они бѣжали только для того, чтобы сдѣлать новое нападеніе.

Тяжелая конница составлялась изъ карѳагенянъ, ливіянъ, испанцевъ и галловъ. И только позже, по примѣру преемниковъ Александра В., Карѳагеняне завели слоновъ въ рядахъ своихъ войскъ и сдѣлали ихъ однимъ изъ страшныхъ средствъ для нападеній.

§ 2.—Торговля, промышленность и земледѣліе.

I.—Мы уже указали главныя направленія карѳагенской торговли моремъ и караванами во внутренней Африкѣ. Эта торговля велась, по примѣру Финикіянъ, исключительно посредствомъ обмѣна. Карѳагенъ имѣлъ также монету, но лишь гораздо позже, около IV-го вѣка, въ подражаніе Грекамъ. Первыя монеты были вычеканены въ Сициліи, во время великихъ войнъ, театромъ которыхъ служилъ этотъ островъ, для уплаты жалованья наемнымъ отрядамъ.

Чтобы поддерживать свою торговлю, Карѳагенъ владѣлъ обширными мануфактурами, которыя фабриковали всякаго рода произведенія, потому что въ варварскихъ странахъ, гдѣ шла его торговля, онъ пускалъ въ ходъ лишь продукты, выробатывавшіеся на его собственной почвѣ, и не терпѣлъ, чтобы въ его колоніи ввозились другіе товары. Въ замѣнъ, онъ получалъ зерновый хлѣбъ, металлы и различные сырые матеріалы, употреблявшіеся въ дѣло на его фабрикахъ. Въ Греціи и Италіи Карѳагеняне вели торгъ преимущественно черными рабами, слоновой костью, дорогими деревьями, какъ черное дерево, драгоцѣнными каменьями и коврами, приготовляемыми ими въ высшей степени превосходно.

Управленіе республики настолько заботилось о торговой монополіи и настолько рѣшилось препятствовать всѣми средствами какой бы то ни было конкурренціи, что приказывало карѳагенскимъ морякамъ топить въ морѣ всякій чужеземный корабль, встрѣчаемый ими въ водахъ Сардиніи и по ту сторону Геркулесовыхъ Столповъ.

II.—Страсть Карѳагенянъ къ земледѣлію была не меньше торговой. Самыя высокопоставленныя лица республики считали честью отдаваться этому занятію въ своихъ богатыхъ владѣніяхъ въ Эвгиттокъ и Византіи, которое успѣли возвести до нѣкоторой степени въ науку. Карѳагенская территорія была всюду покрыта великолѣпными плантаціями виноградниковъ, оливковыхъ и другихъ фруктовыхъ деревьевъ. Тамъ встрѣчались орошаемые луга, гдѣ паслись многочисленныя стада быковъ, лошадей и овецъ. Наконецъ, со всѣхъ сторонъ, почва, хорошо обработанная, изрѣзанная многочисленными каналами, предсставляла видъ богатства, соединеннаго съ красотой.

§ 3.—Литература и искусства.

I.—Карѳагеняне имѣли довольно значительную литературу, но почти исключительно касавшуюся практическихъ вопросовъ, такую, какую должны были внушать народные инстинкты. Послѣ разрушенія города библіотека была раздѣлена между различными африканскими царями, находившимися въ союзѣ съ Римлянами. Но исключеніе было сдѣлано лишь для знаменитаго разсужденія Магона о земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ, которое перенесено было въ Римъ и переведено на латинскій языкъ Децимомъ Силаномъ. Оно дѣлилось на двадцать восемь книгъ. Всѣ римскіе писатели по агрономіи: Катонъ, Плиній, Варронъ и многіе другіе, отзывались объ этомъ разсужденіи съ большой похвалой и дѣлали изъ него многочисленныя цитаты, дающія о немъ самое лучшее понятіе и дѣйствительно доказывающія въ авторѣ много знанія и здраваго смысла [1]).

[1]) Отрывки изъ разсужденія Магона собраны и переведены въ концѣ V-го тома сочиненія Геерена.

Карѳагенъ имѣлъ національныхъ историковъ, съ которыми Саллюстій могъ справляться въ библіотекѣ царя Гіемпсала. Къ несчастію, изъ нихъ ничего не сохранилось для насъ. Въ Карѳагенѣ жилъ также философъ Аздрубалъ, ходившій учиться въ Грецію и называвшійся тамъ Клитомакомъ.

II.—Искусства никогда не были въ почетѣ у этого торговаго народа, занятаго прежде всего заботой о матеріальномъ благосостояніи и богатствѣ. Его первыя постройки и искусственныя произведенія всегда были согласны съ финикійскими преданіями и воспроизводили съ крайней грубостью всѣ отличительныя черты ихъ. Позже, столкновеніе съ Греками ввело въ Карѳагенъ греческія искусства, ставшія тамъ вскорѣ царствовать безраздѣльно, но исполнявшіяся почти исключительно греческими художниками. Только въ эту пору исторія предполагаетъ возникновеніе значительныхъ построекъ въ пуническомъ городѣ и исполненіе болѣе тонкой отдѣлки статуй. Карѳагенскія монеты были также греческой работы. [1])

§ 4.—Религія.

I.—Карѳагенская религія, внесенная республикой въ свои колоніи, была финикійской. Чета двухъ главныхъ *ваалимовъ*, считаемая спеціальной покровительницей города, состояла изъ Ваалъ-Гамона, »Горящаго Ваала«, бога существенно солнечнаго и огненнаго, на что указываетъ его названіе, и Таниты, небесной богини, одной изъ формъ финикійской богини, лунный и звѣздный характеръ которой былъ легко понятенъ. Два самыхъ большихъ храма цитадели Бирсы были посвящены имъ. Греки и Римляне называли ихъ Сатурномъ и Юноной. Главный культъ былъ относимъ къ Мелькарту, уподобляемому Греками Геркулесу, богу покровителю Тира, имѣвшему храмъ въ нижнемъ городѣ и пользовавшемуся поклоненіемъ во всѣхъ карѳагенскихъ поселеніяхъ въ чужихъ краяхъ, какъ оно было распространено прежде

1) О карѳагенскихъ медаляхъ см. *Müller*, Numismatique de l'ancienne Afrique, т. II, стр, 68—148.

во всѣхъ тирскихъ поселеніяхъ. Наконецъ, Эсмунъ, восьмой и главный изъ *кабиримовъ*, изъ котораго Греки сдѣлали своего Эскулапа, имѣлъ довольно большое святилище на холмѣ Бирсы.

Позже эта религія измѣнилась вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній съ Греками во время сицилійскихъ войнъ. Въ честь Аполлона былъ сооруженъ храмъ на общественномъ мѣстѣ въ Карѳагенѣ, и колоссальная статуя его перенесена въ Римъ послѣ взятія города. Однажды республика послала даже оффиціальныя жертвоприношенія въ Дельфійское святилище. Послѣ пораженія Гамилькона подъ Сиракузами, Карѳагеняне, приписывая свои несчастія гнѣву Цереры и Прозерпины, двумъ главнымъ божествамъ сицилійскихъ грековъ, усвоили себѣ культъ ихъ и воздвигли храмъ. Этотъ культъ дѣлается довольно важнымъ, потому что всѣ монеты, вычеканенныя въ Карѳагенѣ, начиная съ IV-го вѣка, были отмѣчены головой Прозерпины.

Въ Африкѣ, подобно тому какъ и въ Азіи, не существовало особеннаго сословія, долженствовавшаго хранить религіозныя преданія и культовыя празднества. Жреческія обязанности исполнялись первыми государственными лицами, которыя стремились къ нимъ ради внѣшнихъ почестей, соединявшихся съ этими обязанностями. Ихъ особенно домогались сыновья суффетовъ, видѣвшіе въ нихъ первую ступень къ достиженію потомъ высокаго достоинства своихъ отцевъ.

II.—Діодоръ сицилійскій [1]) сообщаетъ любопытныя подробности о статуѣ Ваалъ-Гамона, статуѣ колоссальныхъ размѣровъ, помѣщавшейся извнѣ передъ храмомъ бога. »Она была бронзовая, съ руками вытянутыми впередъ и опущенными; ея руки, съ ладонями, обращенными кверху, наклонялись къ землѣ, съ тѣмъ чтобы дѣти, возлагаемыя на нихъ, падали непремѣнно въ пропасть, наполненную огнемъ«.

Всѣ жестокости финикійскаго культа на самомъ дѣлѣ воспроизводились въ Карѳагенѣ, и особенно ужасный обычай жертвоприношенія дѣтей огнемъ. Эти варварскія жертвоприношенія возобновлялись ежегодно и развивались до особенно ужасающихъ размѣровъ въ случаѣ

1) XX, 14.

народныхъ бѣдствій, когда думали этимъ смягчить гнѣвъ боговъ. Всюду, куда Карѳагеняне приносили свою торговлю и оружіе, не только въ опредѣленное время, но и во всѣ критическихъ случаяхъ, ихъ экзальтированный фанатизмъ прославлялъ эти ужасныя жертвоприношенія. Напрасно Гелонъ сиракузскій силою побѣды, напрасно мирнымъ вліяніемъ сами Греки, переселившіеся въ Карѳагенъ для торговли, пытались положить ему конецъ; древнее варварство возникало снова и удерживалось даже въ римскомъ Карѳагенѣ. Въ началѣ III-го вѣка нашей эры, встрѣчаются еще слѣды этого ужаснаго культа, покрайней мѣрѣ, совершавшагося тогда совершенно въ тайнѣ. Съ 655-го римскаго года, всѣ человѣческія жертвы были запрещены; но неоднократно императоры поставлены были въ необходимость повторять это запрещеніе, и мы должны прибавить, что, въ теченіи долгаго времени, строгость римскихъ законовъ не могла положить конца этимъ ненавистнымъ жертвоприношеніямъ; недоставало христіанства, чтобы окончательно уничтожить и вырвать съ корнемъ этотъ обычай.

Дон. Гос. Ун-т
Научная библиотека
им. Горького

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ФИНИКІЯНЕ.

стран.

Главные источники - - - - - - - - - - - - - - - - - 439

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первобытныя эпохи финикійской исторіи.

§ 1.—Происхожденіе и переселеніе Хананеянъ - - - - - 441

§ 2.—Первобытное народонаселеніе Палестины - - - - - 445

§ 3.—Поселеніе Хананеянъ въ Палестинѣ.—Ихъ различныя племена - - - - - - - - - - - - - - - - - - 446

§ 4.—Финикія и ея города - - - - - - - - - - - 452

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сидонская эпоха.

§ 1.—Хананеяне въ Египтѣ.—Первыя попытки Сидонянъ на поприщѣ мореплаванія - - - - - - - - - - - - - - 456

§ 2.—Періодъ египетскаго господства въ Сиріи.—Первенство Сидона и апогей его торговли - - - - - - - - - - 463

§ 3.—Упадокъ сидонскаго могущества (XV-й и XIV-й вѣка).—Нашествіе Израильтянъ и Филистимлянъ.—Разрушеніе Сидона (1209). - - - - - - - - - - - - - - - - - 473

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Тирская эпоха.

§ 1.—Начало верховнаго владычества Тира.—Колоніи въ Сициліи, Африкѣ и Испаніи (1209—1051) - - - - - - - - 483

§ 2.—Союзъ Тира съ Израильтянами.—Хирамъ и Саломонъ.—Первое появленіе Ассиріянъ въ Финикіи.—Основаніе Карѳагена (1051—872) - - - - - - - - - - - - - - 492
§ 3.—Послѣднее время первенства Тира.—Осада этого города Саріукиномъ (872—715) - - - - - - - - - - - - 501
§ 4.—Ассирійское господство въ Финикіи.—Осада и взятіе Тира Набуходороссоромъ (715—574) - - - - - - - - - 508
§ 5.—Война Уапрагета въ Финикіи.—Господство Вавилонянъ.—Финикійскіе города при первыхъ персидскихъ царяхъ (574—506) - - - - - - - - - - - - - - - - - - 516

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Цивилизація, нравы и вліяніе Финикіянъ.

§ 1.—Торговля - - - - - - - - - - - - - - - - - 521
§ 2.—Колоніи - - - - - - - - - - - - - - - - - 528
§ 3.—Финикіяне и азбучное письмо - - - - - - - - - 531
§ 4.—Земледѣліе и промышленность - - - - - - - - - 537
§ 5.—Языкъ и литература - - - - - - - - - - - - 542
§ 6.—Религія - - - - - - - - - - - - - - - - 545
§ 7.—Космогонія - - - - - - - - - - - - - - - 552
§ 8.—Искусства и памятники - - - - - - - - - - 558

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Карѳагенъ.—Происхожденіе и первое развитіе его могущества.

§ 1.—Племена сѣверной Африки - - - - - - - - - - 567
§ 2.—Основаніе и мѣстоположеніе Карѳагена - - - - - 579
§ 3.—Первоначальное территоріальное распространеніе Карѳагена (отъ IX-го до VII-го вѣка) - - - - - - - - - - 582
§ 4.—Распря съ Киренеянами.—Возникновеніе торговли съ внутренней Африкой (начало VI-го вѣка).— - - - - - 588
§ 5.—Карѳагенъ наслѣдуетъ тирскія колоніи въ западной части Средиземнаго моря (первая половина VI-го вѣка) - - 594
§ 6.—Война съ Сицилійскими Греками и Фокеянами (средина VI-го вѣка) - - - - - - - - - - - - - - - - - 597
§ 7.—Пораженіе въ Сардиніи.—Революціонная попытка Малхуса.—Магонъ возстановляетъ дѣла республики (535—515) 603

§ 8.—Успѣхи колонизаціи и торговли по ту сторону Геркулесовыхъ Столповъ.—Великіе походы съ цѣлью открытій.—Морскія путешествія Ганнона и Гимилькона (615—510) - - 606
§ 9.—Аздрубалъ, сынъ Магона.—Первый договоръ Карѳагена съ Римомъ.—Приготовленія къ войнѣ съ Сициліей (535—500) - - - - - - - - - - - - - - - - - 617

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Карѳагенскіе учрежденія и нравы
§ 1.—Управленіе - - - - - - - - - - - - - - - 621
§ 2.—Торговля, промышленность и земледѣліе - - - - - 629
§ 3.—Литература и искусства- - - - - - - - - - - 630
§ 4.—Религія - - - - - - - - - - - - - - - - 631

Замѣченныя опечатки.

Страница.	Строка сверху.	Напечатано:	Должно читать:
443	7	для того	потому
—	12	изъ страны	отъ страны
444	29	почувствуютъ	почувствовали
445	13	Рафаимы	Рефаимы
447	20	къ книгѣ	въ книгѣ
452	34	прошедшею	прошедшаго
455	14	Каисной	Каикной
467	6	Итанусъ на Кипрѣ . . .	Итанусъ на Критѣ
—	15	которыя, ревнуя	и, ревнуя
475	16	недостаточно	недостаточно было
481	27	плѣнниковъ	плѣнника
482	5	хотѣли	хотѣла она
486	13	состояла	состояло
490	33	Греціи, Ливіяне и Сикулы	Греціи: Ливіяне и Сикулы
491	22	Кагіяри	Кагліяри
493	2	конентинтальнымъ . . .	континентальнымъ
515	16	стественными препятствіями съ	съ естественными препятствіями
517	4	Упрагета	Уапрагета
522	28	призведены	приведены
530	17	развитіи	развитія
533	25	усаліе	усиліе
552	1—2	распространяема все еще далѣе отъ	распространяема еще далѣе съ

Страница.	Строка сверху.	Напечатано:	Должно читать:
561	27	вѣщи	вещи
565	7	которы . . :	какъ
569	23—24	а они серьезно угрожали .	и серьезно угрожали
571	10	Кабалы	Кабилы
673	23	Вотъ еще	Это еще
577	17	Скилаксъ	Сцилаксъ
580	8	латинскими историками .	у латинскихъ историковъ
592	32	Финики соль	финики и соль
608	23	живутъ	жили
633	3	и во всѣ	и во всѣхъ

Приложеніе къ стр. 537-й

АЗБУКИ:

финикійская.	еврейская.	греческая.		латинская.
		архаическая.	эпохи процвѣтанія.	
	א	Α	Α	A
	ב	Β	Β	B
	ג	Γ	Γ	C
	ד	ΔD	Δ	D
	ה	Ε	Ε	E
	ו	Υ	Υ	V
	ז	Ζ	Ζ	Z
	ח	ΗΗ	Η	H
	ט	Θ	Φ	»
	י	ΣΙ	Ι	I
	כ	Κ	Κ	K
	ל	Λ	Λ	L
	מ	Μ	Μ	M
	נ	ΝΝ	Ν	N
	ס	ΣΣ	Σ	S
	ע	Ο	Ο	O
	פ	Π	Γ	P
	צ	Ϻ		»
	ק	Ϙ		Q
	ר	ΡЯ	Ρ	R
	ש	Μ		»
	ת	Τ	Τ	T

(67)